

БЮЛЛЕТЕНЬ

<http://kigiran.com>

КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

2019`4

УПАН ЗАПАТ

Handwritten text in Kalmyk script, likely a historical document or manuscript.

ОБЛАСТНОЕ ПРАВЛЕНИЕ
1937
Г. Новоуральск.

Handwritten text in Kalmyk script, possibly a list or record.

КАРТА
КАЛМЫЦКОЙ
АССР

Калмыцкий научный центр Российской академии наук

Бюллетень
Калмыцкого научного центра РАН

Элиста, 2019

БЮЛЛЕТЕНЬ КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

ИЗДАЕТСЯ С 2017 Г.

ISSN 2587-6503

№ 4

Главный редактор:

канд. филол. наук *В. В. Куканова*

РЕДКОЛЕГИЯ:

Арутюнов С. А., чл.-корр. РАН; *Бакаева Э. П.*, д-р ист. наук;
Бичеев Б. А., д-р филос. наук; *Бурыкин А. А.*, д-р ист. наук;
Ванчикова Ц. П., д-р ист. наук; *Дампилова Л. С.*, д-р фил. наук;
Денисова Г. С., д-р соц. наук; *Дулина Н. В.*, д-р соц. наук;
Иванова И. Н., д-р фил. наук; *Жуковская Н. Л.*, д-р ист. наук;
Казиева А. М., д-р фил. наук; *Кольцов П. М.*, д-р ист. наук;
Команджаев А. Н., д-р ист. наук; *Кринко Е. Ф.*, д-р ист. наук;
Кляус В. Л., д-р фил. наук; *Лушиников Д. А.*, д-р соц. наук;
Манджиева Б. Б., канд. филол. наук; *Музраева Д. Н.*, канд. филол. наук;
Намруева Л. В., канд. соц. наук; *Очиров У. Б.*, д-р ист. наук;
Очир-Горяева М. А., д-р ист. наук; *Пюрбеев Г. Ц.*, д-р фил. наук;
Ситдиков А. Г., д-р ист. наук; *Сыртыпова С.-Х. Д.*, д-р ист. наук;
Фокин А. А., д-р фил. наук; *Хабунова Е. Э.*, д-р фил. наук;
Ханинова Р. М., канд фил. наук

Адрес редакции и издателя: 358000, Российская Федерация, Республика
Калмыкия, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Тел. +7(84722) 3-55-06, 3-55-37. Факс: +7(84722) 3-55-06

E-mail: kigiran@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2019

© Коллектив авторов, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Очир-Горяева М. А. Погребение воина-всадника из курганной группы <i>Яикуль</i>	5
Кекеев Э. А. Выявление археологических памятников на территории Республики Калмыкия по картографическим данным 1870–1880-х гг.	61
Буратаев Е. Г. Позднесарматские погребения курганной группы <i>Ергенинский</i> (по материалам раскопок 1981–1982 гг.).	90
Андреева М. В. Престижное погребение восточноманьчской катакомбной культуры из могильника <i>Чограй IX</i>	106
Манджиева В. В., Шарманджиева Ц. В. Археозоологический материал из погребений хазарского времени курганной группы <i>Дюкер</i>	115
Шарманджиева Ц. В., Манджиева В. В. Археозоологический материал из курганной группы <i>Дюкер</i> позднесарматского времени	135
Николаева Н. А. О лингвокультурной атрибуции и семантике «костяных молоточковидных булавок» (по материалам раскопок в Калмыкии)	151

CONTENT

Ochir-Goryaeva M. A. Burial of the warrior-rider from Yashkul barrow group.	5
Kekeev E. A. Identification of Archaeological Monuments on the Territory of the Republic of Kalmykia Based on the Cartographic Data of the 1870-1880s.	61
Burataev E. G. Late Sarmatian Burials of the Ergeninsky Barrow Group (Based on the Materials from 1981-1982 Excavations). . .	90
Andreeva M. V. The Prestigious Burial of Eastern Manych Catacomb Culture from Chograi IX Burial Site.	106
Mandzhieva V. V., Sharmandzhieva T.V. Archaeozoological Material from the Burials of the Khazar Period of the Duker Mound Group	115
Sharmandzhieva T. V. , Mandzhieva V. V. Archaeozoological material from the tombs of the Late sarmat period of Duker Mound group	135
Nikolaeva N. A. On linguistic-cultural attribution and semantics of “two-hammer bone pins” (based on excavations in Kalmykia)	151

УДК 902

Погребение воина-всадника из курганной группы *Яшкуль*

*Очир-Горяева Мария Александровна*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, главный научный сотрудник

ORCID: 0000-0002-0210-7595. E-mail: mariaochir@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена переработанному и дополненному исследованию богатого сарматского погребения из окрестностей с. Яшкуль, существенно дополняющему краткую и описательную публикации. Автором подобраны аналогии и выявлена датировка всего инвентарного комплекса, состоящего из предметов вооружения (кинжал, меч, колчан, железные наконечники стрел), бронзового котла, уздечного набора с золотыми псалиями, набором золотых фаларов, а также сбруи, украшенной позолоченными фаларами, золотыми кольцами, наконечниками ремней и серебряной обкладкой назатылочного козырька кельтского шлема, использованного в качестве нагрудного украшения коня.

Ключевые слова: сарматы, знать, погребения, золото, конское снаряжение, раннесарматская археологическая культура, среднесарматская археологическая культура

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Очир-Горяева М. А. Погребение воина-всадника из курганной группы *Яшкуль*. Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019; (4): 5–60. DOI: 10.22162/2587-6503-2019-4-12-5-60.

UDC 902

Burial of the warrior-rider from Yashkul barrow group

*Maria A Ochir-Goryaeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Chief Research Associate

ORCID: 0000-0002-0210-7595. E-mail: mariaochir@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the redesigned and supplemented study of the rich Sarmatian burial from the surroundings of the village Yashkul, significantly complementing the brief and descriptive publication. The author has selected the analogy and found the dating of the entire inventory complex consisting of weapons (dagger, sword, quiver, iron arrowheads), a bronze cauldron, a bridle set with golden psalia, a set of golden phalerae as well as a harness decorated with gilded phalerae, gold rings, belt tips and a silver cover of a Celtic helmet visor used as the breastplate of a horse.

Keywords: Sarmatians, nobility, burials, gold, horse equipment, Early Sarmatian archaeological culture, Middle Sarmatian archaeological culture

Acknowledgements: The reported study was funded by a government subsidy — project name ‘Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes’ (State Reg. No. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Ochir-Goryaeva M. A. Burial of the warrior-rider from Yashkul barrow group. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2019; (4): 5-60. DOI: 10.22162/2587-6503-2019-4-12-5-60.

Введение

В 1988 г. велись спасательные раскопки в зоне планировавшегося тогда строительства канала Волга–Чограй в Яшкульском районе Республики Калмыкия. Богатое сарматское погребение было обнаружено близ поселка Яшкуль в могильнике канала Волга–Чограй (далее — КВЧ), в курганной группе 37, состоявшей из одиночного кургана [Очир-Горяева, Лапа 2002: 203–205; Ochir-Goryaeva 2008: 353–387].

Курган находился в двух километрах к северу от автотрассы Элиста–Астрахань на 87 км от Элисты в 13 км от пос. Яшкуль.

Насыпь кургана имела несколько вытянутую с севера на юг полусферическую форму. Высота кургана от полы — 1,05 м, диаметр — 42 м. Курган сооружен на естественном холме. Сарматское погребение № 1 было впущено в холм, и над ним была совершена досыпка. Всего в кургане было обнаружено семь погребений, из которых пять датируются бронзовым веком. Культурная принадлежность одного безынвентарного погребения не определена.

Курган исследовался путем снятия всей насыпи кургана с помощью скрепера и оставлением одной бровки, ориентированной по линии север–юг. Стратиграфия была прослежена в разрезе бровки. Верхнюю часть насыпи составлял дерновый слой мощностью 0,2 м, далее шел слой бурого суглинка. Слой погребенной почвы в профиле бровки не прослеживался. Материк был бурого цвета с вкраплениями белоглазки.

Описание комплекса

Погребение № 1 было обнаружено по пятну в северо-восточном секторе кургана на глубине 0,3 м от вершины насыпи. Прямоугольной формы могильная яма была ориентирована длинными сторонами по линии ССЗ–ЮЮВ. Размеры: 3х1,55 м (по уровню обнаружения пятна) и 3х1,42 м (по дну ямы). Глубина ямы — 3,06 м от вершины кургана. На глубине 1,21 м от вершины насыпи вдоль длинных сторон были выявлены заплечики шириной 0,12 м. На заплечиках прослежены остатки коры дерева. Заполнение ямы было рыхлое, в верхней части — более плотное. На уровне заплечиков на разных глубинах прослежены остатки деревянного перекрытия. В юго-восточном углу ямы в заполнении на глубине 1,86 м от «0» в норе грызуна была обнаружена бляшка из желтого металла в виде четырехлепестковой розетки.

На дне ямы были обнаружены останки мужчины средних лет. Погребенный был положен на спину, вытянуто, головой ориентирован на юг. Судя по расположению костей, левая рука погребенного была вытянута вдоль туловища, правая немного отведена в сторону (рис. 1). Между кистью правой руки и тазобедренной костью

лежал железный кинжал, двулезвийный с прямым перекрестьем и серповидным навершием. Отростки серповидного навершия более напоминают рожки с одинаковым диаметром и в основании и на вершине. Навершие, рукоять и перекрестье с лицевой стороны обложены золотой фольгой. Обратная сторона и фрагменты дерева от ножен были окрашены в ярко-красный цвет. С правой стороны на перекрестье — полусферическое возвышение типа кнопки. Лезвие кинжала имеет вытянутую треугольную форму. В центре лезвия — три литых желобка, соединяющиеся в последней трети высоты лезвия, в точности повторяющие его форму. Длина кинжала — 36 см, ширина лезвия у перекрестья — 4 см (рис. 2).

Вдоль костей левой ноги погребенного был положен длинный двулезвийный железный меч со следами ножен из дерева, с коротким, ромбической формы железным перекрестием и длинным штырем, на котором оформлялась рукоять. Штырь рукояти меча на конце заострен. На лезвии в нескольких местах остались фрагменты обкладки золотой фольгой. В сечении — лезвие овальное. Длина меча — 102 см, ширина у перекрестья — 4,5 см. На штыре рукояти меча обнаружены следы дерева (рис. 3). Рядом с мечом (вдоль него) прослежены остатки кожаного колчана, швы которого были украшены плоскими нитями из золотой фольги. На дне колчана найдено несколько десятков трехлопастных черешковых железных наконечников стрел, спекшихся в монолит (рис. 1, 4). На правой бедренной кости обнаружен бронзовый оконечник ремня, длина — 3 см, ширина — 0,9 см (рис. 1, 12). В 10 см к северу от костей правой стопы был найден фрагмент железного ножа (рис. 1, 2). Вдоль туловища погребенного, на длинных костях рук, ног и на костях позвоночника было обнаружено большое количество мелких золотых бляшек (рис. 1, 11, 15–17). К сожалению, проследить расположение бляшек не удалось. Всего обнаружено 3326 бляшек, и только 42 из них предположительно находились *in situ*. Остальные были потревожены грызунами, часть бляшек найдена в их норах. Бляшки представлены тремя разновидностями:

1. Нашивные штампованные бляшки из золотой фольги в виде трехступенчатой пирамидки. Края вершины и основания закру-

гленные, по их центру с обратной стороны пробиты отверстия для пришивания. Края средней ступени, напротив, заострены за счет фигурного сужения ступени к основанию. Поверхность пирамидок гладкая, края слегка загнуты внутрь. Высота — 1 см, ширина основания — 1 см. Всего блюшек этой разновидности найдено 179 шт. (рис. 4, а).

2. Нашивные штампованные блюшки из золотой фольги в виде четырехлепестковой розетки подквадратной формы. В центре блюшки — полусферическая гладкая пальметка, обрамленная рядом мелких выпуклин. Четыре лепестка пальметки образованы овами в виде стилизованных голов баранов, закрученными рогами направленных к центру. По четырем углам блюшек на выступающих концах имеются отверстия для пришивания. Судя по характерному ободку вокруг них, дырочки были пробиты также с обратной стороны. Размеры — 0,87x0,87 см. Всего блюшек этой разновидности найдено 76 шт. (рис. 4, б).

3. Нашивные блюшки из золотой фольги, круглые, гладкие с двумя отверстиями по краям. Диаметр — 0,5 см. Всего блюшек этой разновидности найдено 3071 шт. (рис.4, с).

В северо-западном углу ямы найдены кости животного — остатки заупокойной пищи (рис. 1, 14). При зачистке костей животного в углу ямы был обнаружен тайник. Он представлял собой круглую в плане нишу диаметром около 40 см, с полусферическим сводом высотой — 45 см. В нише стоял бронзовый литой котел на полом раструбообразном поддоне, сохранившемся частично, с полусферическим туловом, опоясанным в средней части валиком — имитацией веревочки. К венчику приварены две диаметрально расположенные вертикальные ручки арочной формы с тремя гвоздевидными выступами. В основании ручек помещены тамгообразные знаки в виде перекладки с загнутыми усиками, выполненные рельефными валиками. Под венчиком приварены еще одна вертикальная петлеобразная массивная ручка с одной стороны и вертикальный плоский выступ-ручка с противоположной. Стенки котла неоднократно подплавлялись. Высота котла — 47 см, ширина — 36 см, высота арочных ручек — 10 см (рис. 1, 10). Котел под-

вергся преднамеренной порче: одна вертикальная ручка загнута внутрь, тулово пробито в нижней трети высоты, поврежден венчик со стороны целой вертикальной ручки, отбита нижняя часть поддона (рис. 5). В котле найдены кости крупного животного, скорее всего, лошади.

В восточной стене могильной ямы был обнаружен второй, хорошо замаскированный тайник, представлявший собой небольшую нишу с плоским сводом высотой 40 см, прямоугольной в плане формы, длинной стороной расположенной вдоль стены ямы (длина ниши — 60 см, ширина — 35 см). Вдоль южной торцевой стены ниши были разложены (по три штуки в ряд и одна рядом) семь золотых уздечных блях — малых фаларов со вставками из цветного стекла или полудрагоценных камней (рис. 1, 7). Фалары малые (7 экз.) — круглые, массивные, литые. В центре каждого фалара — крупное гнездо со вставкой из цветного камня. Вокруг гнезда — круг из витой массивной золотой проволоки, такой же имеется по внешнему краю фалара. Между двумя концентрическими кругами напаяны гнезда со вставками шести камней более мелких размеров. Между вставками мелких камней имеются по два радиально расположенных мелких полусферических выступа, возможно, имитирующих крепление. На одном из фаларов вставки из мелких камней разделены одиночными выступами. Камни, как крупные (центральные), так и мелкие (обрамляющие), различны по форме, размерам и цвету. Гнезда сделаны под каждый камень, повторяя особенности его формы. Все гнезда и полусферические выступы-шляпки обрамлены по периметру тонкой проволочкой с насечкой, имитирующей витую проволочку. Камни специалистами не определялись. Все они сильно иризованы. По внешнему виду это в основном сердолик и агаты. На оборотной гладкой стороне шести фаларов напаяны плоские, массивные, литые золотые петли для крепления на кожаные ремни. На одном фаларе вместо петли в центре пробиты два сквозных отверстия для крепления к основе. Диаметр фаларов — 3,5 см, длина петли — 2,5 см, ширина петли — 0,5 см (рис. 6а-в).

Расположение малых фаларов в точности совпадает с расположением блях конского оголовья в рабочем состоянии. Это свидетельствует о том, что в тайник было положено конское оголовье, кожаные части которого не сохранились.

Рядом были найдены в развернутом «рабочем» положении железные однокольчатые удила с двухпетельчатыми псалиями, инкрустированные золотой фольгой (рис. 1, 13). Псалии положены с некоторым отклонением параллельно торцевой стене ниши, а удила — соответственно вдоль восточной длинной стены ниши. Общая длина удил — 20 см. Псалии сделаны в виде прямых стержней с круглыми окончаниями, с двумя прямоугольными выступами-петлями. Внешняя поверхность стержней псалиев и выступов-петель инкрустирована золотой фольгой, мелкие кусочки которой с двумя треугольными выступами с одной стороны и соответствующими вырезами с другой следуют друг за другом, имитируя кожу змеи. Концы псалиев оформлены в виде золотых круглых, полусферических блях, украшенных витой проволокой, зернью и центральной вставкой из полудрагоценного камня синего цвета, возможно, лазурита. Самый край бляхи псалия обрамлен массивной косовитой золотой проволокой, за ней следует более тонкая прямовитая золотая проволока, на которой расположены по четырем сторонам четыре золотых гвоздика-крепления. Прямовитую проволоку сменяет массивная золотая проволока с очень тонким двойным косым плетением. Эта «косичка» находится в основании полусферического выступа. Больше половины полусферического выступа занимают 14 радиально расположенных прямовитых проволок, пространство между которыми занято также радиально расположенными двумя в ряд шариками зерни, каждый из которых обрамлен прямовитой изящной проволокой. В верхней трети полусферического выступа идет обрамление из еще одного круга массивной золотой «косички» с тонким двойным плетением. Последняя треть высоты полусферического выступа занята розеткой с девятью овальными лепестками, обрамленными массивной проволокой тонкого одностороннего косого плетения. С внешней стороны лепестков, в пространствах между ними, последовательно по

кругу расположены семь шариков зерни, обрамленные тонкой прямой изящной проволочкой. Основания лепестков упираются в гнездо для вставки камня округло выпуклой формы, венчающего вершину. На обоих концах одного псалия и одном конце второго сохранность камней полная, поверхность же слегка иризована, в то время как на другом конце камень частично выкрошился. Длина псалиев — 18 см, диаметр блях — 3,8 см (рис. 7).

На участке, образуемом с западной стороны удилами и сверху, и снизу двумя концами псалиев, найдены два плоских золотых кольца (рис. 1, 13). Внешние и внутренние края колец обрамлены продавленной каймой в виде желобка. Внутреннее пространство заполнено двадцатью пятью окружностями, обрамленных такой же, как на краях, продавленной каймой. На каждом кольце в одном месте имеется перемычка в виде поперечной линии от внешнего к внутреннему краю. Диаметр колец — 2,8 см, диаметр отверстия — 1,4 см, толщина — 0,1 см. (рис. 8). Ближе к выходу ниши — два золотых оконечника ремней, на одном из которых сохранилась вставка из перламутра (рис. 1, 6). По форме золотые оконечники ремней относятся к так называемым «ложковидным подвескам». Они представляют собой уплощенные обоймы с выступающим округленным щитком. В данном случае выступающему щитку придана каплевидная форма путем обрамления округлого края щитка тонким валиком с поперечными насечками, имитирующими витую проволочку. Внутренний заостренный конец щитка направлен к основанию обоймы и на одну треть своей высоты приходится на не выступающую её часть. Основание обоймы с лицевой стороны также обрамлено тонким валиком с поперечными насечками, имитирующими витую проволочку. Высота вместе со щитком — 2,8 см, высота обоймы без щитка — 1,3 см, ширина — 1,2 см, толщина обоймы — 0,4 см, толщина валика — 0,1 см. Скорее всего, кольца и оконечники ремней являлись деталями того же конского оголовья (рис. 9).

Далее вдоль восточной стены ниши, севернее удила с псалиями, один за другим, частично перекрывая конец одного псалия, были положены другие украшения конского снаряжения — два крупных

нагрудных позолоченных серебряных фалара с изображением в центре свернувшегося в круг фантастического хищника. На одном фаларе — это хищник кошачьей породы или «волк». На втором — копытное с рогом, бородой и коротким пушистым хвостом или «козел» (рис. 1, 8). Фалары большие, серебряные с позолотой. Поверхность фаларов плоская, диаметр — 18 см. Схема декора и конструктивные детали обоих фаларов одинаковые. По краю фалары имеют ободок из концентрических окружностей, отделенный прочерченной линией. На фаларе с хищником кошачьей породы концентрические окружности нанесены полый цилиндрической трубочкой под углом, отчего окружности получились незамкнутыми. Прочерченная линия, отделяющая ободок из окружностей, здесь двойная. Ширина ободка — 0,6 см, диаметр окружностей — 0,4 см, ширина прочерченной двойной линии — 0,15–0,2 см. На фаларе с изображением копытного животного концентрические окружности меньших размеров нанесены полностью, и в центре каждой имеется углубление. Прочерченная линия, отделяющая ободок из окружностей, на этом фаларе одинарная. Ширина ободка — 0,5 см, диаметр окружностей — 0,3 см.

Далее следует внешний широкий пояс с гладкой поверхностью, на котором имеются следы крепления трех петель — трех пар шляпок, расположенных последовательно по периметру фаларов. Внутренний круг отделен от внешнего выпуклым полукруглым в сечении широким валиком, декорированным тремя рядами насечек. При этом насечки ряда, обрамляющего внешнее основание валика, прямые и короткие. Следующие ряды насечек полукруглые: один из них нанесен по вершине валика, другой — по внутренней наклонной поверхности валика. Имеются различия в расположении полукруглых насечек валика. На фаларе с изображением хищника кошачьей породы полукруглые насечки направлены вершинами в одну сторону, различаясь лишь в размерах. Насечки, обрамляющие внутреннюю поверхность валика почти в два раза крупнее насечек, расположенных на его вершине. Полукруглые насечки на фаларе с изображением копытного животного нанесены в противоположных направлениях и поэтому образуют S-видный орнамент.

Свободная поверхность внутреннего круга на фаларе с хищником кошачьей породы покрыта теми же концентрическими незамкнутыми окружностями, что и внешний его ободок. Все остальное пространство внутреннего круга занято гравированным изображением свернувшегося в круг хищника с вывернутым крупом. В целом изображение отличается схематичностью. Туловище животного образует собой почти замкнутый круг. Кончик морды хищника почти касается крупа. Окружность туловища равномерно расширяется в центральной части и симметрично сужается к концам в области шеи и нижней части живота и заканчивается расширениями в виде морды и крупа животного. Вытянутые передние и вывернутые задние ноги изображены не параллельно, а последовательно друг за другом. Лапы отделены горизонтальной линией и опущены вниз. На лапах имеется пара вертикальных линий, из-за чего они выглядят трехпалыми. Передние лапы отличаются от задних тем, что они не растопырены, а, наоборот, сжаты и поэтому выглядят в два раза меньше по размерам. Морда хищника тупая, пасть слегка приоткрыта. Носовая часть отделена углублением с рядом мелких поперечных насечек. Такими же насечками украшены очертания пасти, щека, середина торчащего треугольного уха и загривок от уха до плеча животного. Глаз животного ромбической формы, в виде четырех несмыкающихся черточек с точечным углублением в центре, расположен строго над вершиной полукруглой линии щеки.

Плечевая часть хищника покрыта, как попоной, горизонтальными рядами мелких насечек, края обрамлены теми же углубленными рядами уже описанных коротких насечек. Брюшная часть хищника украшена шестнадцатью диагонально расположенными рядами с углубленными короткими насечками, имитирующими, по всей вероятности, ребра. Двумя рядами таких же углубленных насечек подчеркнуто подбрюшье вывернутого крупа. Круп хищника имеет прямоугольную форму (рис. 10).

Изображение на втором фаларе отличается большей живописностью. Несмотря на наличие общих приемов декора обоих фаларов, изображение копытного (скорее всего, козла) нельзя назвать

столь же схематичным. Оно имеет более выразительный декор и более плавный общий абрис. Если хищник на первом фаларе был обращен мордой направо, то копытное животное на втором фаларе обращено мордой налево. Это свидетельствует о специальном изготовлении этих фаларов для использования их в паре. Изображение копытного животного также выполнено методом гравировки. Тело животного свернуто в полное кольцо. Кончик его морды упирается в круп. С изображением кошачьего хищника сближает ряд деталей. Такие же насечки с углублением отделяют носовую часть морды и обрамляют абрис пасти. Такими же, как у кошачьего хищника, рядами крупных насечек украшена вывернутая подбрюшная часть, подтреугольной формы борода и плавно изогнутый длинный рог копытного. Плечевая часть и круп животного покрыты такими же, как и плечевая часть кошачьего хищника, поперечными рядами мелких насечек. Глаз копытного — тоже в виде четырех несмыкающихся черточек с точечным углублением в центре. Также последовательно расположены и конечности копытного. При этом задние ноги заканчиваются такими же «трехпальными» лапами, как у хищника на первом фаларе, а передние — весьма умело изображенными копытами. Копытное имеет короткий пушистый хвост, декорированный полукруглыми фасетками. Вся свободная поверхность фалара внутри свернутого в кольцо хищника покрыта так же, как и на первом фаларе, концентрическими незамкнутыми окружностями. Но свободное пространство с внешней стороны фигуры копытного покрыто радиально расположенными рядами мелких насечек (рис. 11).

Восточнее фаларов (ближе к выходу ниши) была положена серебряная обкладка воротника, или обкладка назатылочного козырька шлема — полуокружность с продавленным орнаментом и с бронзовым ободком по краю (рис 1, 9). Деталь шлема украшена четырьмя крупными продавленными М-образными фигурами. Вдоль внешнего и внутреннего края имеется ряд также продавленных полусферических шариков, украшенных шахматным узором. Воротник был положен выпуклой частью к выходу из ниши, а концами направлен к фаларам, как бы соединяя

их. Это послужило основанием для предположения о его вторичном использовании для украшения коня путем закрепления на ремнях между двумя нагрудными фаларами. На воротнике между первой и второй продавленными М-образными фигурами (всего их четыре) обнаружены следы ремонта в виде трех пар отверстий. От четвертой пары отверстий сохранилось одно с разорванным краем, фрагмент воротника со вторым отверстием утрачен. На обоих концах воротника имеются следы вторичного использования: на одном конце сохранилась шляпка от штыря, на другом — два отверстия от крепления и след от шляпки. Штырь и отверстия были сделаны позднее, когда деталь шлема переделывалась в нагрудное конское украшение. Все это свидетельствует о длительном использовании изделия. Нахождение изделия в нише с предметами исключительно конского снаряжения в «рабочем состоянии» (т.е. в том положении и соединении, как надевались на коня) также служит аргументом для высказанного предположения. Длина украшения — 31 см, ширина — 7 см (рис. 12).

Анализ комплекса

Таким образом, изучение остатков погребения и расположения инвентаря позволяет говорить, что средних лет мужчина был похоронен в просторной прямоугольной яме с деревянным перекрытием, опиравшимся на заплечики в продольных стенах ямы. Вместе с погребенным были положены его боевое оружие — меч и кинжал, кожаный колчан, набитый стрелами с железными черешковыми наконечниками. Железный нож и бронзовый оконечник ремня от портупей — также остатки предметов, использовавшихся в быту при жизни погребенного. Точное расположение 3326 мелких нашивных бляшек из золотой фольги не удалось проследить при раскопках, тем не менее концентрация их вокруг костей рук и позвоночника погребенного может свидетельствовать о том, что они были нашиты именно на одежду, а не на покрывало. Штамповка бляшек довольно низкого качества, особенно это заметно на бляшках в виде четырехлепестковой розетки: они сделаны из очень тонкой и мягкой фольги, отверстия

пробиты на них небрежно. Бляшки производят впечатление предметов, изготовленных специально для погребальной церемонии. Такой же «бутафорский» вид имеют односторонние обкладки из золотой фольги на мече и на рукояти кинжала. Вполне допустимо, что пустые участки, обнаруженные в северной части ямы и по сторонам от погребенного, были, скорее всего, заполнены предметами (ковры, ткани и т.д.), не оставившими материальных следов в процессе археологизации погребения. Таким образом, погребенный в одежде, расшитой более чем тремя тысячами золотых бляшек, с кинжалом и мечом, обложенными золотым листом, колчаном, расшитым золотыми нитями, выглядел, по всей вероятности, достаточно впечатляюще в ходе погребальной церемонии.

Но наиболее реальным показателем богатства и социального статуса погребенного, несомненно, является содержимое двух тайников — предметов конского снаряжения или, лучше сказать, полного парадного конского гарнитура из тайника в восточной стене могилы и большого бронзового котла из тайника в северо-восточном углу ямы в ногах погребенного.

Само по себе включение в состав погребального инвентаря такого ценного предмета, как котел, не было массовым явлением. На две-три тысячи погребений Сарматии приходится, согласно выборке Демиденко, около сотни погребений с котлами [Демиденко 1997: 120–160]. Кроме прямого утилитарного назначения как сосуда для заупокойной пищи, бронзовые котлы рассматриваются как показатели особого социального статуса владельца. Бронзовые котлы представляли для кочевников значительную ценность, о чем свидетельствуют следы изношенности и починки на некоторых экземплярах. Об этом же свидетельствуют случаи укрытия котлов от грабителей в специально устроенных тайниках, как в данном погребении. По описанию Лукиана Самосатского, у скифов существовал обычай призыва к военному походу, его же можно рассматривать как крайнее выражение просьбы о помощи в случае нехватки сил для планирующегося похода. Предводитель похода приносил в жертву вола и выставлял сваренное мясо. Шку-

ру вола он расстилал на земле и садился на нее в позе, означавшей мольбу, заложив руки назад, как если они были связаны в локтях. Каждый, кто вступал на нее, будь то родственник или соплеменник, и вкусил мяса, становился членом дружины, причем единственное, о чем он говорил, — это о количестве воинов, которых «на своих харчах» приводил. Такое войско держится очень крепко и для врагов непобедимо, как связанное клятвой, ибо вступление на шкуру равносильно клятве [Lucian 1981: 180–181; Ковалевская 1977: 110]. Можно предположить, что бронзовый котел помещался в могилы военных предводителей определенного ранга. Интересно, что у казаков в историческое время существовал выборный военный чин — кошевой атаман, глава казачьего войскового подразделения — коша).

Трудно переоценить роль конского снаряжения как показателя социального статуса для кочевников. Решающая роль коня в повседневной жизни, а также особенное место боевого коня в жизни воина, религиозные и мифологические представления, связанные с образом коня в духовной культуре, все это вместе взятое напрямую отражалось в погребальном обряде кочевников. Как случилось в реальной жизни, в погребальном обряде снаряжению коня, богатству его убранства придавалось порой большее значение, чем наряду самого всадника. Исследуемое погребение — яркий тому пример. Золотые украшения одежды погребенного и обкладки его боевого оружия производят впечатление изготовленных только для погребальной церемонии. Но ни один из предметов парадного конского гарнитура не выглядит бутафорией. Бляшки оголовья сделаны из литого золота, снабжены массивными петлями для крепления с оборотной стороны, обрамлены двумя рядами массивной витой золотой проволоки. Золотые бляхи на концах псалиев являют собой образцы высокого ювелирного искусства так же, как фалары и предмет далекого импорта — серебряный назатыльник кельтского шлема. Интересно, что в могильной яме кургана Дачи также была найдена золотая бляшка в виде трехступенчатой пирамиды с небрежно пробитыми отверстиями, в то время как бляшки из тайника с конским снаряжением, в том числе аналогичной

формы, отличались «высоким качеством изготовления» [Беспалый 1992: 179, рис.1, 4; 3, 14]. Бляшки из тайника, по данным Яценко, были нашиты на конскую накидку и, возможно, на два боевых стяга [Yatsenko 2000: 45–55]

Все эти отмеченные особенности и аналогии дают возможность утверждать, что погребенный был представителем знатного рода и, возможно, предводителем кочевого объединения.

Значительно труднее решается вопрос о датировке и культурной принадлежности погребения из Яшкуля. Погребальный обряд и состав выдающегося погребального инвентаря дают возможность предположения как раннесарматского, так и среднесарматского времени.

Исследуемое погребение было впускным. Это довольно типично для раннесарматского времени последних веков до н. э. Например, по данным А.С. Скрипкина, в междуречье Волги и Дона (откуда происходит исследуемое погребение) впускные погребения составляют для того времени 94 %, в Заволжье — 97,7 % и в Южном Приуралье — 88 % [Скрипкин 1990: 184]. В Калмыкии же 100 % раннесарматских погребений впущены в курганы эпохи бронзы [Скрипкин 1990: 181].

Считается, что такой признак, как заплечики, появился также в прохоровское время. Хотя по данным статистического анализа, наиболее распространенными типами могильных ям погребений III–I вв. до н. э. являются простые четырехугольные и подбойные. По правобережью Волги ямы с заплечиками составили всего 1,5 %, а в Калмыкии их нет вовсе [Мошкова 1963: 171].

В среднесарматское время ямы с заплечиками продолжали бытовать, количество их увеличивается [Мошкова 1963: 178]. Возможно, увеличение числа ям с заплечиками связано со стремлением устраивать перекрытие ближе к погребенному, а не на уровне погребенной почвы, как чаще всего практиковалось в более раннее скифское время. В среднесарматский период большинство погребений были основными [Скрипкин 1990: 185].

Характерными для раннесарматского и среднесарматского периодов являются такие черты погребального обряда, как располо-

жение погребенного вдоль стенок ямы и его ориентация головой на юг. Получается, что в обряде погребения из Яшкулья сочетаются и раннесарматские и среднесарматские черты.

Однако по особенностям погребального обряда рассматриваемое погребение более всего походит на погребения с тайниками, выделенные А. С. Скрипкиным в особую группу. По данным выборки А. С. Скрипкина, в группу погребений с тайниками входит 16 комплексов [Скрипкин 1990: 186–187]. Общими для этой группы являются следующие признаки:

- Все погребения имеют прямоугольно-удлиненные ямы, чаще всего широкие (12 из 16).

- Все они имеют тайники — ниши, устроенные по углам ям или в одной из стенок или в дне ям. В трех случаях из 16 было устроено по два тайника.

- Во всех известных случаях погребенные лежали вдоль стен ям.

- В нишах-тайниках были во всех случаях положены вещи.

- Инвентарь погребений отличается богатством — изделия из золота, круговая посуда, оружие, бронзовые котлы (всего в 16 погребениях найдено 7 котлов).

- Эта группа погребений расположена в определенном географическом районе довольно компактно: левобережье Дона — от р. Сал до Есауловского Аксяя и в правобережье Волги — в зоне Сарпинской низменности (могильники Кривая Лука и Ханата).

- В эту группу вошли и ранне- и среднесарматские погребения.

Наиболее ранние три погребения содержали мечи с серповидным навершием и другие вещи, позволяющие датировать их раннесарматским временем. Остальные же твердо датируются рубежом эры — I в. н. э.

Несмотря на это, в целом эта группа производит впечатление довольно компактной не только географически, но и хронологически, что дало основание А. С. Скрипкину предположить, что устройство тайников можно понимать не как черту погребального обряда, а, возможно, как отражение неустойчивой политической обстановки.

Как видим, яшкульское погребение отвечает почти всем признакам, выделенным А. С. Скрипкиным. Единственное отличие — это его географическое расположение: на 200 км южнее и примерно на равном расстоянии от Дона и Волги. Но что вновь объединяет яшкульское погребение с остальными, так это его расположенность в наиболее удобном месте для зимних кочевий. Как известно, участок на левом берегу Дона с мелкими реками Сал и Есауловский Аксай, а также прилегающие к Волге сухие русла Волги и мелкие озера Сарпинской низменности отвечали основным требованиям, предъявляемым к зимним кочевьям. Этим же условиям отвечает расположение яшкульского погребения — в районе сети мелководных яшкульских озер, начинающихся восточнее Элисты и тянущихся цепочкой на юго-восток [Ochir-Goryaeva 2004: 135–146].

Начнем анализ инвентаря именно с короткого меча или кинжала с серповидным навершием и прямым перекрестием. Традиционно считалось, что мечи с серповидными навершиями и прямыми перекрестьями маркируют собой сложение прохоровской раннесарматской культуры и датируются от IV до II в. до н. э. Однако, как показал в своем исследовании А. С. Скрипкин, верхняя хронологическая граница как мечей с серповидным навершием, так и самой прохоровской культуры приходится на I в. до н. э. Им приведены в качестве доказательства раннесарматские комплексы, в которых найдены среднелатенские фибулы [Скрипкин 1990: 105–117; Скрипкин 1992: 165–188]. Учитывая также представление о достаточной хронологической компактности погребений с тайниками-нишами, можно предположить, что кинжал с серповидным навершием из яшкульского погребения относится к наиболее поздним мечам этого типа.

Кроме того, кинжал имеет особенности, которые позволяют уточнить его датировку. Яшкульский кинжал относится к небольшой серии сарматских парадных мечей. Его навершие, рукоять и перекрестье были обложены золотым листом. Наиболее близок ему парадный меч из Жутова (курган 27, погребение 4), у которого также золотым листом было обложено не только навершие и руко-

ять, но и перекрестие. Одинаковы у обеих мечей тонкое, круглое в сечении и закругленное на конце серповидное навершие. Яшкульский кинжал имеет еще и полусферическую кнопку-возвышение на одной стороне перекрестья. Рукоять у него с выраженным мягким расширением в центральной части. К особенностям яшкульского меча относится также желобчатость лезвия и меньшие размеры (он на 10 см короче остальных мечей, имеющих одинаковую длину, — 46 см). Как отмечают В. И. Мордвинцева и О. А. Шинкарь, все мечи относятся к периоду «развитой» раннесарматской культуры. Нижняя дата, судя по имеющимся на сегодняшний день комплексам, — II в. до н. э., а верхняя — начало I в. н. э. Три из четырех мечей этой серии датируется II–I вв. до н. э. Верхняя дата их опирается на дату остатков железной, как предполагают авторы, лучковой фибулы из Барановки-1–10/9 и определяется началом I в. н. э. [Сергацков 1992: 170; Мордвинцева, Шинкарь 1999: 138–149].

Длинный меч с коротким, ромбической формы перекрестьем и рукоятью-штырем из Яшкульского погребения относится к серии мечей из сарматских погребений и сопредельных территорий, прототипами для которых считаются образцы китайского клинкового оружия [Скрипкин 2000: 17–41]. По морфологическим особенностям яшкульский меч обладает всеми диагностирующими признаками этой серии. У основания перекрестья меч из Яшкуля имеет прямоугольный вырез, его ромбическое железное перекрестье имеет слабовыраженный, но просматриваемый клинообразный выступ. Ближайшими аналогиями ему являются мечи из 1 и 2 курганов Орлатского могильника. Особенностью яшкульского меча является обкладка золотой фольгой. Общая конструкция мечей с ромбическим перекрестием и форма рукояти (не сохранившейся в яшкульском), как и в других погребениях, восстанавливается по изображению батальной сцены на пластине из кургана 2 Орлатского могильника [Шуапов, Rusanov 1997/98: 146, pl. IV; Скрипкин 2000: 21].

Нижней границей для мечей этого типа и других новых элементов в материальной культуре сарматов волго-донских степей, как

убедительно показал А. С. Скрипкин, могут служить 40–30 гг. II в. до н. э. Обоснование этой даты он связывает с событиями отступления юэчжей от китайской провинции Ганьсу через Джунгарию и Бактрию, которое вызвало изменения в кочевнической номенклатуре в доно-волжских и северокавказских степях. Это совпадает также с продвижением сармат в западном направлении и окончательным освоением ими примерно к середине II в. до н. э. территории между Доном и Днепром. Однако, по приведенным самим же А. С. Скрипкиным данным, самые ранние мечи с ромбическим перекрестьем у сармат найдены в двух курганах Аксайского могильника с почти идентичным инвентарем (небольшие бронзовые плоские зеркала, датирующиеся I в. до н. э. — I в. н. э., сероглиняные кувшины с ложновитыми ручками). Отличие только в том, что в одном длинный меч сочетался с коротким кинжалом с серповидным навершием, в другом — с коротким кинжалом с кольцевым навершием. Одно из этих погребений по бронзовой «воинской» фибуле датируется второй половиной I в. до н. э. — первой половиной I в. н. э. Необходимо также отметить, что большинство мечей этого типа датируются временем позже рубежа эр [Скрипкин 2000: 20]. Таким образом, нижняя дата этих мечей — середина II в. до н. э. — остается пока теоретической. Имеющаяся на сегодня самая ранняя дата этих мечей пока опирается на датировку упомянутых погребений — I в. до н. э. — первой половины I в. н. э.

Верхняя хронологическая граница мечей с ромбическим перекрестьем и ручкой-штырем, по их находкам в богатых позднесарматских погребениях, устанавливается в пределах последней трети II — первой половины III в. н. э. [Скрипкин 2000: 20–29]. Яшкульский меч, по мнению А. С. Скрипкина, относится к ранней группе этих мечей — раннесарматской. Погребение из Яшкуля в целом он датирует (самое позднее) временем до рубежа эр [Скрипкин 2000: 19–22]. Как показывает дальнейший разбор инвентаря из яшкульского погребения, дата, предлагаемая А. С. Скрипкиным, оказывается заниженной.

Железный нож представлен во фрагментах, поэтому для датировки он практически бесполезен. Также малозначим для датиров-

ки и кожаный колчан, прошитый золотыми нитями. Как правило, сохранность кожаных или обтянутых кожей колчанов из дерева в погребениях очень плохая, форма их ни разу не прослежена. В яшкульском погребении тоже были прослежены только общие очертания колчана — по тлену темного цвета. Сохранились два вида золотых прошивок колчана — покрупнее и совсем тонкие, нитеподобные. Нити покрупнее имеют вид спирально скрученных длинных и узких (0,2 мм) полосок золотой фольги. Тонкие распадаются на части и в основном спутаны. Подобный яшкульскому, кожаный колчан, форма которого также не была прослежена, с бронзовыми и железными втульчатыми наконечниками стрел был зафиксирован в погребении 3 кургана 3 Новоникольского 1 могильника. Судя по набору наконечников стрел, Новоникольское погребение должно датироваться последними веками до н. э. Другой кожаный колчан, так же, как и яшкульский, прошитый по швам золотыми нитями, был найден в кургане 28 Жутова [Шилов 1975: 117, рис. 5, 11], датирующемся I в. н. э.

Железные наконечники, трехлопастные, черешковые, также никак не позволяют определить для них более-менее узкую дату. Они появляются на рубеже IV–III вв. до н. э. и наиболее многочисленными становятся в среднесарматское время.

Большой бронзовый котел из тайника в углу ямы по всем признакам входит в многочисленную группу котлов на воронковидном поддоне с полусферическим туловом, опоясанным веревочкой. По типологии Н. А. Боковенко, В. М. Косяненко и В. С. Флерова, — это соответственно 1 и 4 тип [Боковенко 1977: 232; Косяненко, Флеров 1978: 197–198]. По обеим классификациям, эта группа котлов датируется I в. до н. э. — I в. н. э. По типологии С. В. Демиденко, эти котлы входят в обширную группу 6 с восемью вариантами, которые, в свою очередь, делятся на 11 подвариантов. Яшкульский котел по всем его признакам можно отнести к типу 6, варианту 1, подварианту А, по С. В. Демиденко. По хронологической позиции в целом тип 6 вошел в граф 2, который объединяет котлы, датирующиеся от III–II вв. до н. э. до второй половины I в. н. э. При этом С. В. Демиденко подчеркивает, что количественно

преобладают котлы из погребений, датирующиеся I в. до н. э. — I в. н. э., а наибольшее их количество происходит из погребений второй половины I в. н. э. [Демиденко 1997: 136–137]. Такую же широкую дату автор определяет и для подварианта, к которому относится яшкульский котел. Б. Раев в свое время отмечал, что все котлы, относимые Н. А. Боковенко к его 2 типу, (за исключением одного), происходят из погребений I в. н. э. в Прикубанье [Раев 1986: 41]. Исходя из этого, можно склониться к датировке I в. до н. э. — I в. н. э.

Серебряное нагрудное украшение коня является, как уже отмечалось, деталью позднекельтского шлема, обкладкой его назатылочного козырька. Такого типа позднекельтские шлемы образуют очень небольшую (всего несколько экземпляров) группу восточнокельтских шлемов, так называемый тип Ново место (Novo mesto) [Schaaff 1980: 403]. Найдены они были в Словении и один экземпляр в Польше. Все они происходят из погребений I в. до н. э. [Schaaff 1988: 304, 307, abb. 1, 24]. Эти шлемы собирались из отдельных частей — узкий горизонтальный налобный козырек, купол шлема, слегка опущенный широкий затылочный козырек и нащечные клапаны, прикрепленные к тулову с помощью шарниров. Как считает У. Шааф (U. Schaaff), шлем из могильника Ново место может быть самым ранним («eine fortgeschrittene Phase der Stufe L T D» = «развитая (поздняя) фаза ступени L T D») в этой серии по сопровождающему инвентарю — «ein römischen Gladius mit ovalen Stichblatt» («римский меч-гладиус с овальным лезвием») [Schaaff 1980: 397–413].

Точной аналогией яшкульской находке является бронзовый экземпляр из Виньи (Vinji vrh bei Smarjeta, Slovenia) с назатылочным козырьком, украшенным таким же M-образным выдавленным орнаментом (U-förmigen Fassung) и такими же полусферическими шариками с крестообразным шахматным орнаментом [Megaw 1990: 250; Prazgodovina 1973; 66, Taf. 14, 1–4]. Такого рода «шарики» являются очень распространенной деталью украшений на предметах кельтской культуры от ее самых ранних образцов до самых поздних [Megaw 1990]. «Шарики» с шахматным орнамен-

том из трех отделений имеются на ручках повозки из Дейбьерга (Dejbjerg) [Megaw 1970: 203], которая датируется также I в. до н. э. На нащечных клапанах шлема из Виньи выделено изображение птицы. Два остальных шлема, вернее, нащечные клапаны от аналогичных шлемов были изготовлены из железа. Экземпляр из Михово (Mihovo) (погр. 1656/58) украшен изображением птицы, а на нащечном клапане из погр. 169 могильника Ново место–Белетов (Novo mesto–Beletov vrt) изображено животное. Как у птицы, так и у животного под хвостом, за спиной и перед грудью имеются полусферические шарики с несколько различающимся декором (рис. 13, a-d). Все эти отмеченные детали свидетельствуют в пользу принадлежности затылочного козырька из Яшкуля к шлему именно типа Ново место. Существенное отличие детали шлема, найденной в погребении под Яшкулем, заключается в материале. Два шлема из Юго-Восточной Европы были изготовлены из железа и один из бронзы, в то время как яшкульский сделан из серебра. Это можно объяснить только тем, что он был обкладкой назатылочного козырька шлема, так как серебро вовсе не подходящий материал для защитного вооружения. Среди кельтских шлемов (правда, другого типа, чем рассматриваемый) известны два парадных, покрытых золотом и украшенных вставками из красного стекла и кораллов, шлема [Schaaff 1988: 296–298, Abb.10]. Что же касается нагрудного украшения, то понятно, что оно должно датироваться более поздним временем, чем шлемы из Юго-Восточной Европы. Необходимо учесть, что он найден далеко от своего основного ареала, на что, конечно, требовалось время. А к тому же должно пройти какое-то время, чтобы шлем пришел в негодность или повредился так, что его пришлось разобрать на части. Вероятно, только после этого он был использован вторично в качестве нагрудного украшения лошади. Сомнений в этой функции нет в связи с его расположением *in situ*. Примеры вторичного использования предметов для нагрудного украшения коня известны и из других сарматских погребений [Симоненко 1999: 109–110; Смирнов 1940: 363–366]. В кургане у с. Весняное второй половины I — начала II в. н. э. позднеэллинистическая серебряная чаша была приспособлена под конскую

нагрудную бляху [Symonenko 1997: 402–403]. Все это дает возможность предполагать, что воротник шлема был в использовании значительно дольше своих аналогов, а попасть в погребение мог и того позже. Вообще центральные конские нагрудные украшения представлены в основном круглыми, полусферическими бляхами или приспособленными под них чашами. Нагрудное конское украшение прямоугольной формы известно только из кургана 10 Кобяковского могильника [Прохорова, Гугуев 1992: 142–161, рис. 12, 10]. Поэтому яшкульское конское нагрудное украшение пока не имеет аналогий среди близкого круга памятников.

Наконечники ремней, или «ложковидные подвески», или наконечники свисающих дополнительных ремней. В литературе закрепилось определение «ложковидные подвески». Хотя, по существу, они являются наконечниками ремней с выступающим щитком. Аналогиями им являются почти все золотые наконечники ремней с выступающим щитком. Они происходят из богатых сарматских погребений Косики, Дач, Пороги, Жутово, 28, Октябрьский-5 (рис.14), датирующихся I в. н. э. По форме яшкульские наконечники ремней, пожалуй, поближе к гладким наконечникам, но с наконечниками из Порогов их сближает наличие вставок (рис.14, 1, 2). Порожские наконечники украшены мелкими сердцевидными вставками из серо-голубой пасты, яшкульские — крупной каплевидной вставкой из речного перламутра. Наконечники из кургана Дачи выделяются среди остальных особой пышностью вставок и зооморфным украшением в высоком рельефе (рис.14, 7, 8). Однако конструктивные особенности этих наконечников вполне вписываются в общую схему. Убедительную реконструкцию использования наконечников ремней в поясной гарнитуре осуществили авторы публикации комплекса Пороги [Симоненко, Лобай 1991: 50–51]. Но, судя по находкам совместно с предметами конской упряжи, они использовались и в экипировке коня.

Обосновывая дату до рубежа эр для комплекса из Яшкуля, А. С. Скрипкин отмечал, что такие же наконечники ремней, только из кости и бронзы, известны в прохоровских погребениях Нижнего Поволжья [Скрипкин 2000: 22]. В. А. Маслов привел в качестве

прототипов костяные наконечники из Уландрыка, а также аналогии из памятников синхронного или более позднего времени [Маслов 1999: 224]. Судя по составленной по данной категории инвентаря таблице, несмотря на типологическое сходство и возможное аналогичное использование, прохоровские наконечники ремней не могут влиять на датировку яшкульского комплекса (рис. 14, 9–11). Наконечники ремней из богатых сарматских погребений представляют собой обособленную группу и имеют больше сходства с наконечниками ремней из синхронных или более поздних памятников, таких, как Охлебинский и Бишкентский могильники (рис. 14, 13, 15). Вполне обоснованной выглядит типологическое родство сарматских наконечников ремней с костяными пронизками из алтайских курганов ранних кочевников (рис. 14, 14, 17) (могильник Уландрык 2, курган 6 и Пазырык, курган 3).

Небольшие плоские кольца, так же, как и наконечники свисающих ремней с выступающим щитком, могут служить одним из индикаторов сарматских древностей первых веков нашей эры. Как показывает реконструкция ременной гарнитуры из Первомайского кургана, два одинаковых диаметром (2,5 см) плоских серебряных кольца крепились на дополнительных затяжных ремешках [Мамонтов 1995: 169–178, рис. 2, 11; 3, 4]. Два серебряных кольца диаметром 1,6 см найдены в кургане 1 могильника Октябрьский-5 (рис. 15, 3). В кургане у с. Косика найдено три золотых кольца (диаметр — 2,7 см, 2,4 см и 2,1 см) с ребром на уплощенной поверхности (рис. 15, 5). Одно гладкое золотое кольцо диаметром 2,3 см найдено в нише погребения из кургана 28 Жутовского могильника (рис. 15, 2). Плоское золотое кольцо (диаметр — 3,6 см) с приемником, украшенное восемью гнездами с бирюзой, происходит из тайника в кургане Дачи (рис. 15, 1). Таким образом, пара золотых колец из Яшкуля вполне вписываются в эту серию. Это небольшие плоские кольца от 2,1 до 3,6 см диаметром были, скорее всего, деталями-украшениями ременной поясной или уздечной гарнитуры. Подобные кольца из бронзы встречены в большом количестве в «Золотом кладбище». В Кирсановском кургане были найдены

бронзовые и железные кольца-пряжки с бронзовыми щитками [Раев 1979: рис. 3, 5, 7, 10; 6, 12]. Характерны они и для позднесарматских погребений II–III вв. н. э. [Гущина, Засецкая 1994: 11–12]. Кроме того, имеется серия более крупных колец (диаметром более 6 см) из железа и бронзы, которые являются, скорее, деталями конской сбруи [Мордвинцева, Сергацков 1995: 115].

Золотые нашивные бляшки в виде пирамиды, круглые и особенно в виде четырехлистника тоже имеют прямые аналогии в погребениях I в. н. э. и позднее. Наиболее многочисленные наборы бляшек встречены в погребениях I в. н. э. Интересно, что все эти три вида бляшек представлены в этих погребениях примерно в одинаковой пропорции (табл. 1). Наиболее многочисленными являются круглые бляшки, они исчисляются тысячами (не менее двух и более трех тысяч). Бляшек в виде трехступенчатой пирамиды — от нескольких десятков до пары сотен, а в виде четырехлепестковой розетки — от нескольких десятков до сотни. Для данной таблицы важна была общая форма бляшек. В ней не учитываются их многочисленные особенности. Так, например, круглые бляшки бывают уплощенные и полусферические. Бляшки в виде трехступенчатой пирамиды также имеют различия в форме ступеней: есть со скошенными ступенями, есть со ступенями, расположенными под прямым углом. Кроме того, они бывают со сплошной поверхностью и с вырезанной — рамчатые. Бляшки в виде четырехлепестковой розетки не отличаются разнообразием формы. Они бывают фигурные, т.е. края бляшки идут именно по абрису четырех лепестков. Но поскольку розетка имеет четырехугольную форму, то эти бляшки очень трудно отличать от бляшек четырехугольной формы. На последних розетка очень плотно заполняет поверхность бляшки, не оставляя практически пустых мест. Эта разница поэтому представляется не принципиальной. По материалам Прикубанья, обработанным статистическими методами, круглые, полусферические, гладкие, уплощенные бляшки и бляшки в виде трехступенчатой пирамиды тоже входят в группу с наиболее сильными взаимосвязями, которая датируется второй половиной I — II в. н. э. [Марченко 1996: 230, рис. 11]. В «Золотом

кладбище» неоднократно встречаются бляшки рассматриваемых форм, в основном по нескольким экземплярам [Гущина, Засецкая 1994: кат. 50/2, 427/5, 427/7, 427/9, 539]. Все они происходят из погребений той же хронологической группы и датируются второй половиной I–II в. н. э. Очевидно, что золотые нашивные бляшки трех рассматриваемых форм, продолжая встречаться до II в. н. э., наибольшее распространение получили в I в. н. э.

Яшкульские псалии относятся к типу прямых стержневидных с прямоугольными выступающими петлями и круглыми или дисковидными окончаниями. Наиболее ранняя находка таких псалиев, как представляется, происходит из кургана 43 у ст. Усть-Лабинской. Дисковидные окончания усть-лабинских псалиев представляют собой кольцо с тремя выступами. Усть-лабинские псалии сделаны из бронзы, к тому же очень маленьких размеров: длина их всего 7,5 см. В то время как длина остальных псалиев той же схемы (из известных нам) от 13 до 18 см. Усть-лабинские псалии на их фоне смотрятся, как модельки (рис. 16, 7). Курган 43 у ст. Усть-Лабинской входит в раннюю группу Золотого кладбища и датируется временем рубежа веков — от второй половины I в до н. э. до рубежа или до первой половины I в. н. э. [Гущина, Засецкая 1994: 36–37]. Остальные псалии этой серии изготовлены из железа, имеют, как уже указывалось, большие размеры и датируются в основном I в. н. э. Их можно разделить на две разновидности — с простыми дисковидными окончаниями (1) и с дисковидными окончаниями, украшенными бляшками (2). Псалии с простыми дисковидными окончаниями встречены в кургане 1 Октябрьского-5, где было найдено 5 наборов удил с псалиями, четыре из которых относятся к этому типу (рис. 16, 5–6). Погребение датируется I в. н. э. Окончания двух псалиев различаются по диаметру и представляют собой аналогичные усть-лабинским кольца, но с одним центральным выступом. Окончания двух других псалиев названы авторами публикации «листовидными» и «стреловидными» [Мыськов и др. 1999: 165, рис. 5]. Эти окончания сделаны в виде кольца, внешний край которого имеет вытянутую в центре форму, образуя ту самую, отмеченную авторами публикации, листовидность. Поверхность

стержней псалиев и самого «листовидного» кольца покрыта инкрустацией из золота. Вторые псалии — поменьше размерами, с окончаниями очень похожей формы, но без отверстия в центре. Поверхность украшена золотой фольгой с точечным орнаментом. Как нам кажется, именно на этих экземплярах прослеживается принцип видоизменения окончаний псалиев. От кольца с тремя выступами (один центральный и два боковых) к кольцу с одним центральным выступом и потом к листовидной форме с центральным отверстием и, наконец, экземплярам без отверстия. Особенности обеих разновидностей дисковидных окончаний псалиев сочетает в себе обломок железного псалия с дисковидным полусферическим выпуклым, инкрустированным золотом окончанием из погребения 1 кургана 3 Октябрьского-2 [Мордвинцева, Мыськов 1999: 179]. Стержень псалия покрыт сетчатым орнаментом, а окончание имеет круговой фриз с волнистыми линиями в основании. Верхушка дисковидного железного окончания выше кругового фриза покрыта золотой фольгой, разделенной идущими от вершины вниз лучами на пять равных секторов. Получается, с одной стороны, псалий из Октябрьского не имеет бляшки, а с другой — его дисковидное окончание не плоское, а полусферическое, как на псалиях, окончания которых украшены золотыми бляшками.

Псалии второй разновидности — железные стержневидные с прямоугольными петлями-выступами и окончаниями, украшенными круглыми (а порой и полусферическими) золотыми бляшками, — происходят из тех же самых (уже не раз упоминавшихся) богатых сарматских погребений. Это прежде всего бляшки на окончаниях псалиев из Садового с изображением свернувшегося хищника и каменными вставками (рис. 16, 12). Бляшки из кургана 28 Жутова тоже украшены изображением свернувшейся пантеры со вставками цветного стекла и пасты (рис. 16, 8). Псалии из Дач с бляхами с большим камнем, обрамленным декоративной каймой из золота, и эмалью сближаются с яшкульскими (рис. 16, 9). В художественном отношении яшкульские псалии более совершенны, так как бляшки на их окончаниях были изготовлены одновременно и специально для них, а не приделаны позднее, как на псалиях из

Дач. По декоративному принципу наиболее близки яшкульским бляшки на окончаниях псалиев из Запорожского кургана. Эти бляшки значительно проще, но так же, как и яшкульские, имеют полусферическую выпуклую форму и украшены девятилепестковой розеткой (рис. 16, 11). Получается, что прямые аналогии яшкульским псалиям имеются в погребениях I в. н. э. В более поздних сарматских погребениях псалии с дисковидными окончаниями пока неизвестны. Одними из поздних являются прямые псалии с прямоугольными петлями и окончаниями в виде «ложечки», инкрустированные золотой фольгой, из катакомбного кургана 50 Шаумшукумского могильника, датирующиеся III–V вв. н. э. [Максимова и др. 1968: 229, 240, табл. 22]. Нижней датой стержневидных псалиев с дисковидными окончаниями, как типа для европейской части Сарматии, можно считать дату усть-лабинских псалиев — вторая половина I в. до н. э. — рубеж веков. Однако наиболее близкие аналогии яшкульским псалиям все датируются I в. н. э.

Интересно, что такую же конструкцию имели и некоторые деревянные псалии из пазырыкских больших курганов 3 и 5. Есть среди них псалии с окончаниями в виде розеток, в виде гладких круглых бляшек, украшенных круговой линией в виде кольца (рис. 16, 1–3). Сама идея петель в виде прямоугольных выступов имеет также аналогии среди алтайских находок. В кургане 14 могильника Уландрык были найдены деревянные псалии с широким, слегка изогнутым стержнем и петлями в виде прямоугольного выступа. В. Д. Кубарев считал псалии уникальными для пазырыкской культуры и указывал не только на аналогии им в хуннских памятниках Забайкалья, но и на похожие «лопаточкообразные» псалии шурмакской культуры Тувы. На этом основании он полагал, что верхняя дата уландрыкских псалиев — не ранее II–I вв. до н. э. [Кубарев 1987: 34–35, табл. 32, 3]. Все приведенные данные показывают явные связи сарматских псалиев с культурой Горного Алтая более раннего времени.

В то же время система декора бляшек, украшавших псалии из Яшкуля, имеет аналогии на западе. В этом плане нельзя не

отметить некоторое родство в системе декора золотых бляшек на окончаниях яшкульских псалиев и золотых бляшек (таких же размеров), украшавших щиты из Иллерупа [Carnap-Bornheim, Шкjaer 1996: 54, 58–62, 68, 87–89, 117, 132–134, 138]. Аналогия не будет казаться такой уж отдаленной, если вспомнить, что в том же Иллерупе найдены браслеты с расширяющимися тупыми концами, которые имеют прямые аналогии в сарматских погребениях: Никольском, Порогах, Золотом кладбище — станица Тифлисская [Carnap-Bornheim, Шкjaer 1996: 360–365]. Считаем нужным отметить это сходство, так как это не единственная западная аналогия предметам из погребения у с. Яшкуль. Бляшки на щитах из Иллерупа сделаны не так филигранно, как яшкульские псалии. Общей является схема — коническая форма и чередующиеся концентрические пояса. Иллерупские щиты датируются вторым веком нашей эры. Такую же схему можно заметить и на фибулах. Очень похожи украшения блях на концах яшкульских псалиев и блях из Торсберга. Торсбергские бляхи датируются уже первой половиной III в. н. э. [Werner 1941; Carnap-Bornheim 1997: 69–101]. Интересно, что отмеченную особенность (постепенное сужение диаметра от основания к вершине и сочетание радиальных и круговых декоративных деталей, как на иллерупских бляшках) можно наблюдать также и на золотых уздечных бляшках из Косики [Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993: рис. 14].

Подобные яшкульским, псалии (стержневидные с дисковидными окончаниями) изображены на пластинах из Орлатского могильника. На правой пластине со сценой охоты все три лошади имеют одинаковые псалии — с дисковидными окончаниями, круглые уздечные фалары и одинаковые большие фалары на упряжи. Согласно последним публикациям, орлатские пластины убедительно датируются I–II вв. н. э. [Шуапов, Rusanov 1997/98: 107–159; Маслов 1999: 219–237]. Все псалии с золотыми бляшками на окончаниях происходят из погребений, датирующихся I в. н. э., что, видимо, является наиболее вероятной датой и яшкульских псалиев.

Большие серебряные позолоченные фалары. Остановимся сначала на их конструктивных особенностях. Фалары из яшкульского

погребения с зеркально расположенными изображениями свернувшихся в кольцо хищника-«волка» и копытного-«козла» являлись, по всей видимости, наплечными украшениями коня. По таким признакам, как зеркальность изображений, крупные размеры, плоская поверхность и крепление посредством трех петель, яшкульские фалары относятся к типу 1, по Мордвинцевой. А в сочетании с семью маленькими одинаковыми уздечными фаларами типа 5 весь убор относится к упряжи варианта 2 типа 1. Этот тип упряжи, по Мордвинцевой, появляется в степях Волги и в Прикубанье в начале I до н. э., а на Нижнем Дону — в I — первой половине II в. н. э. В целом этот тип упряжи датируется III в. до н. э. — II в. н. э. [Mordvinceva 2001: 43–53]. Присутствие в яшкульском наборе, кроме наплечных фаларов, еще и нагрудного серебряного украшения выделяет его из описанного типа упряжи. Однако по наличию нагрудного украшения его не удастся отнести к упряжи типа 2, куда, кроме наплечных, входили еще и нагрудные фалары. Но в яшкульском наборе типы наплечных фаларов принципиально отличаются от характерных для упряжи типа 2, и к тому же яшкульское нагрудное украшение не является фаларом.

По особенностям художественного оформления фаларов из Яшкуля можно отметить следующее. Крупные размеры самих фалар, наличие валика, выделяющего центральную часть фалара с одним центральным сюжетом, наличие широкого и плоского бортика, обрамленного по самому краю орнаментальной полоской из выбитого пуансонного орнамента, позволяет видеть черты, характерные для фаларов греко-бактрийского стиля. Однако на этом сходства заканчиваются. Сюжеты на обоих фаларах — свернувшиеся в кольцо животные — типично кочевнические. Более того мотив свернувшихся в кольцо животных восходит к более раннему скифо-сибирскому звериному стилю. Изображения животных довольно схематичные, плоскостные. Декоративные детали достаточно просты и носят в основном геометрический характер. Это ряды насечек и круглый пуансон. Некоторые детали оформления находят аналогии на западе среди фракийских и более западных древностей. Например, лапы у яшкульских

изображений разделены двумя продольными линиями, что создает трехпалость лапы. Такие же трехпалые лапы имеют животные на Гундеструпском котле: хищник внизу на восьмой внешней пластине, бегущие хищники на четвертой внутренней пластине со сценой жертвоприношения трех быков, центральные животные на третьей внутренней пластине с богом, окруженным слонами и грифонами [Kaul et al. 1991: 21, pl. 15]. Такие же трехпалые лапы (с поперечной чертой) имеет волк на бляхе из Летницы [Venedikov, Gerassimov 1973: кат. 284]. Расширяющаяся к концу морда хищника кошачьей породы находит аналогии опять же на котле из Гундеструпа и на изделиях из Летницы. Растопыренные губы яшкульского козла очень напоминают губы лошадей на фаларе из Летницы [Alte Schätze 1966; Venedikov, Gerassimov 1973: кат. 291]. Изображение шерсти животных в виде рядов черточек тоже характерно для фракийского искусства. Необычное сочетание в одном звере лап и копыт у яшкульского копытного можно видеть и на фаларе из Янчокрака [Mordvinceva 2001: Taf. 25, 28–31, 42–43]. Особенности оформления яшкульских фаларов и стиль изображения животных, по мнению В. Мордвинцевой (высказанному при обсуждении), близки к причерноморскому «графическому» стилю. Большинство фаларов, отнесенных ею к этому стилю, составляет действительно очень монолитную группу [Mordvinceva 2001: Taf. 25, 28–31, 42–43]. Это фалары с пышным растительным орнаментом, очень точно и красиво геометрически расположенным. Изображения животных на декоративных поясах этих фаларов отличаются такой же четкостью и совершенством [Mordvinceva 2001: Taf. 27, 43], чего нельзя сказать о фаларах с зооморфными и антропоморфными изображениями, отнесенных к причерноморскому «графическому» стилю — фалары из Косики с изображением всадника, из Таганрога с изображением головы и переднего копыта лошади и янчокракских. Они имеют разные сюжеты, изображения на них отличаются некоторым примитивизмом, нарушением пропорций и перспективы. На этих фаларах также можно проследить некоторые детали, имеющие аналогии во фракийском искусстве [Дворниченко, Федоров-

Давыдов 1981: 100–105]. Изображения на фаларе из Кривой Луки близки как по общему облику, так и по некоторым частностям, как, например, круглые розетки на общем фоне похожи на изображения на том же Гундеструпском котле. В эту группу фаларов вполне логично вписываются яшкульские. Фалары с растительным орнаментом причерноморского «графического» стиля датируются I в. до н. э. Несомненно, фалары с растительно-геометрическим орнаментом и фалары с примитивно-плоскостными изображениями связаны через таганрогские и янчокракские фалары, на которых имелись и те и другие мотивы одновременно. I в. до н. э. датируется и Гундеструпский котел [Kaul et. al. 1991: 21, pl. 15]. Фалары греко-бактрийского стиля, композиционную схему которых повторяют яшкульские экземпляры, датируются последними веками до нашей эры, а предметы из Летницы — III в. до н. э. Сюжет на яшкульских фаларах, как уже отмечалось, восходит к более раннему времени. В то же время мотивы, характерные для скифо-сибирского звериного стиля, встречены на ряде фаларов, выполненных, правда, в иной технике и датирующихся первыми двумя веками нашей эры (например, из Гони с изображением хищника и козла, из кургана 28 Жутово со свернувшейся пантерой и т. д.).

Суммируя все выше изложенное, можно считать, что по технике изготовления яшкульские фалары могут датироваться временем большинства их аналогий — I в. до н. э. В этом отношении важно наблюдение С. Яценко и М. Трейстера, заметивших, что крупные фалары в сочетании с малыми (т. е. полный набор) происходят из богатых комплексов одной довольно компактной в географическом (между Доном и Волгой) и хронологическом (I — начала II в. н. э.) отношении группы курганов, таких, как Садовый, Дачи 1/1, Жутово 28/1, Косика 1 и в том числе рассматриваемый Яшкуль 1. При этом в ранних погребениях с полными наборами (Жутово 27/4, Зубовский хутор 1) большие фалары эллинистического (более раннего облика) сочетались с маленькими фаларами в полихромном стиле [Treister, Yatsenko 1998: 54–56]. Итоги анализа больших фаларов из Яшкуля позволяют добавить, что соче-

тание явно эллинистического облика больших фаларов с малыми полихромными встречается не только в ранних полных наборах, но и в поздних — времени после рубежа эр.

Малые полихромные фалары из Яшкуля практически не имеют прямых аналогий. Вставки из цветного стекла на фаларе из Метрополитен музея действительно близки яшкульским [Treister, Yatsenko 1998: 72, fig. 17; 18]. На наш взгляд, более близки яшкульским малым фаларам золотые накладки на навершия мечей из Золотого кладбища, датирующиеся одна — второй половиной I–II вв. н. э. и вторая — II–III вв. н. э. [Гущина, Засецкая 1994: кат. 247, 477]. Интересно, что у накладок и яшкульских малых фаларов совпадают даже диаметры. Одна из накладок из кургана 11 станицы Тифлисской украшена пятью вставками голубого стекла в напаянных ленточных гнездах миндалевидной формы. Особенно похожи на яшкульские ободки из мелкорубчатой проволоки вокруг гнезд и по краю накладки. Вторая накладка из кургана 45 ст. Усть-Лабинской орнаментирована напаянными ободками из одной крученной проволоки и трех «веревочек» по краю, имеет пять вставок в миндалевидных и овальных гнездах из напаянной ребром узкой полоски точно, как и на яшкульских фаларах. Близка к ним и система декора навершия меча из погребения I–II вв. «Рошава Драгана» [Буюклиев 1995: 38–39, рис.1, 2], вернее, декор золотой обкладки со вставками цветной пасты в центральных частях тамги в сердцевидных гнездах по краю навершия.

Таким образом, если датировать погребение из Яшкуля по самым поздним вещам (а это наиболее правильный путь), то это I в. н. э. Как предметы, бывшие долгое время в употреблении, можно рассматривать большие фалары и конское нагрудное украшение из переделанного назатыльника кельтского шлема. Датировка же еще одного раннего предмета из яшкульского погребения — меча с серповидным навершием, заходя в начало I в. н. э., все-таки смыкается с датами всех остальных находок, оказавшихся более характерными для среднесарматского времени и уверенно датирующихся второй половиной I–II в. н. э., а иногда и более поздним временем.

Как показал предпринятый анализ, дата — до рубежа эр, предложенная А. С. Скрипкиным, не может быть принята. Согласиться с этой датой не позволяет ряд поздних вещей из яшкульского погребения. К их числу можно отнести роскошные дисковидные псалии, малые фалары в полихромном стиле, золотые наконечники ремней со вставками перламутра или «ложковидные подвески» (не бронзовые или костяные, которые известны в прохоровских погребениях), плоские золотые кольца, нашивные бляшки в форме трехступенчатой пирамиды и четырехлепестковой розетки, а также длинный меч с ромбовидным перекрестьем. Стержневидные псалии с дисковидными окончаниями и длинный меч с ромбовидным перекрестьем имеют аналогии на изображениях орлатских пластин и в самом могильнике, который авторами двух независимых исследований аргументированно датируется I–II вв. н. э. [Shyasov, Rusanov 1997/98: 51–107; Маслов 1999: 219–236]. В то же время нижняя дата малых полихромных фаларов опускается до второй половины I в. н. э., что позволяет сомкнуться или сблизиться с датой одного из ранних предметов — меча с серповидным навершием. Трудно игнорировать также тот факт, что большинство близких или прямых аналогий предметам из яшкульского погребения приходится именно на I в. н. э. Эта дата была предложена нами при первой публикации комплекса, и она остается в силе поныне [Ochir-Goryaeva 1998: 31–33], но есть возможность сужения даты до второй половины I в. н. э.

В любом случае требует объяснения факт сочетания в одном комплексе предметов, характерных для последних веков до нашей эры и первых веков нашей эры, тем более что памятники этого времени относятся к двум разным археологическим культурам (прохоровской или раннесарматской и сусловской или среднесарматской) и ассоциируются с разными сарматскими племенами — аорсами и аланами. Как уже отмечалось выше, яшкульское погребение входит в группу погребений с тайниками, которые В. П. Шилов рассматривал как погребения аорской знати [Шилов 1983а: 178–192; Шилов 1983б: 34–48]. По ряду археологических признаков (в том числе и по наличию тайников), эту группу выделил и А. С. Скрипкин [Скрипкин 1990: 186–187].

Заключение

После того, как проанализирован весь материал, можно предположить следующее. Отличия в обряде погребения: яма впускная, прямоугольная (не квадратная); положение погребенного у стенок ямы — признаки, более характерные для богатых погребений прохоровской культуры, т.е. для группы погребений с тайниками. В среднесарматской же культуре преобладают основные погребения, часто так называемые «диагональные» в квадратных ямах. К предметам, датируемым временем бытования прохоровской культуры, т.е. последними веками до нашей эры, относятся меч с серповидным навершием, деталь кельтского шлема и большие серебряные фалары с тремя петлями. Наличие в том же погребении предметов, уверенно датируемых первыми веками нашей эры и являющихся характерными для среднесарматских погребений, можно объяснить только тем, что погребенный был представителем племени, проживавшего на этой территории ранее и наследовавшего обряд погребения и предметы роскоши ближайших предков. А удила, нашивные бляшки, наконечники ремней и малые фалары принадлежали ему самому. В литературе уже отмечались факты переживания своего времени отдельными предметами, что, как представляется, может служить свидетельством сосуществования прежнего населения с вновь пришедшим и установившим политический приоритет племенем [Сергацков 2000: 150–157; Симоненко 2000: 187–205]. Такая интерпретация объясняет вполне логично сочетание раннесарматских и среднесарматских черт погребального обряда и, самое главное, разброс датировок вещевого комплекса. Ряд исследователей также склоняются к поздней — среднесарматской датировке яшкульского погребения [Treister, Yatsenko 1998: 54, 72; Глебов 2007: 97–103].

Предлагаемая дата яшкульского комплекса остается дискуссионной. А. С. Скрипкин приводит новые аргументы, которые, по его мнению, подтверждают раннесарматскую принадлежность комплекса [Скворцов, Скрипкин 2008: 98–116]. Судя по последним исследованиям, материал комплекса дает основание для обеих датировок [Глебов, Дедюлькин, Гордин 2014: 77–83].

В заключение хотелось бы остановиться еще на одном интересном моменте. Некоторые предметы, причем наиболее специфичные для комплексов среднесарматского времени, такие, как «ложковидные» подвески, стержневидные псалии с дисковидными окончаниями, не имея следов в раннесарматских памятниках, имеют прямые аналогии в ранних памятниках скифского времени, а именно пазырыкской культуры Горного Алтая. Это, конечно, не влияет на датировку этих предметов, однако свидетельствует об истоках культуры кочевников европейской части первых веков нашей эры, ассоциируемых с культурой аланов в письменных источниках.

Литература

- Беспалый 1992 — *Беспалый Е. И.* Курган сарматского времени у г. Азова // *Российская археология.* 1992. № 1. С. 175–190.
- Боковенко 1977 — *Боковенко Н. А.* Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе // *Советская археология.* 1977. № 4. С. 228–235.
- Буюклиев 1995 — *Буюклиев Хр.* К вопросу о фракийско-сарматских отношениях в 1 – начале 2 века н. э. // *Российская археология.* 1995. № 1. С. 37–47.
- Глебов 2007 — *Глебов В. П.* О культурно-этнической принадлежности сарматского погребения у пос. Яшкуль (группа 37, курган 1) // *Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Мат-лы II Междунар. Нижневолжской археологической конф.* Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. С. 97–104.
- Глебов, Дедюлькин, Гордин 2014 — *Глебов В. П., Дедюлькин А. В., Гордин И. А.* Шлемы восточнокельтского типа в погребальных и ритуальных комплексах на территории Сарматии // *Сарматы и внешний мир. Проблемы сарматской археологии и истории. Мат-лы VIII Всерос. (с международным участием) науч. конф. (г. Уфа, 12–15 мая 2014 г.). Вып. 14.* Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. С. 77–83.
- Гущина, Засецкая 1994 — *Гущина И. И., Засецкая И. П.* «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб: Фарн. 1994. 172 с.
- Дворниченко, Федоров-Давыдов 1981 — *Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А.* Серебряные фалары из сарматского погребения могиль-

- ника Кривая Лука 9 в Астраханской области // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 168. М.: ИА АН СССР, 1981. С. 100–105.
- Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993 — *Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А.* Сарматское погребение скептуха 1 в. н. э. у с. Косика Астраханской области // Вестник древней истории, 1993. № 3. С. 141–179.
- Демиденко 1997 — *Демиденко С. В.* Типология литых котлов савромато-сарматского времени с территории Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа // Древности Евразии. М.: изд-во МГУ, 1997. С. 120–160.
- Ковалевская 1977 — *Ковалевская В. Б.* Конь и всадник (пути и судьбы). М.: Наука, ГРВЛ, 1977. 150 с.
- Косяненко, Флеров 1978 — *Косяненко В. М., Флеров В. С.* Бронзовые литые котлы Нижнего Подонья (к вопросу о типологии и хронологии) // Советская археология. 1978. № 1. С. 192–205.
- Кубарев 1987 — *Кубарев В. Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, СО АН ССР, 1987. 304 с.
- Максимова и др. 1968 — *Максимова А. Н., Мерицев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М.* Древности Чардары (археологические исследования в зоне Чардарийского водохранилища). Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1968. 263 с.
- Мамонтов 1995 — *Мамонтов В. И.* Погребение знатного воина из кургана у пос. Первомайский // Донские древности. Вып. 4. 1995. С. 169–178.
- Марченко 1996 — *Марченко И. И.* Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1996. 336 с.
- Маслов 1999 — *Маслов В. Е.* О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника // Евразийские древности. М.: ИА РАН, 1999. С. 219–236.
- Мордвинцева, Мыськов 1999 — *Мордвинцева В. И., Мыськов Е. П.* Курганы сарматской знати у районного поселка Октябрьский // Археологические вести. Вып. 6. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 179–191.
- Мордвинцева, Сергацков 1995 — *Мордвинцева В. И., Сергацков И. В.* Богатое сарматское погребение у станции Бердия // Российская археология. 1995. № 4. С. 114–124.
- Мордвинцева, Шинкарь 1999 — *Мордвинцева В. И., Шинкарь О. А.* Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного крае-

- ведческого музея // Нижневолжский археологический вестник. 1999. Вып. 2. С. 138–149.
- Мошкова 1963 — *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры. Свод археологических источников. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Вып. Д-10. 56 с.
- Мыськов и др. 1999 — *Мыськов Е. П., Кияшко А. В., Скрипкин А. С.* Погребение сарматской знати с Есауловского Аксяя // Нижневолжский Археологический Вестник. 1999. Вып. 2. С. 149–166.
- Очир-Горяева 2005 — *Очир-Горяева М. А.* Некоторые наблюдения по географическому распространению археологических памятников в Нижнем Поволжье // Нижневолжский археологический вестник. 2005. Вып. 7. С. 15–34.
- Очир-Горяева, Лапа 2002 — *Очир-Горяева М. А., Лапа Н. Л.* Комплекс сарматского воинского погребения из фондов Калмыцкого Республиканского Краеведческого Музея // Вестник древней истории. № 3. 2002. С. 179–191.
- Раев 1979 — *Раев Б. А.* Новое погребение с римским импортом в Нижнем Подонье // Советская археология. 1979. № 4. С. 201–211.
- Прохорова, Гугуев 1992 — *Прохорова Т. А., Гугуев В. К.* Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // Советская археология. 1992. № 1. С. 142–161.
- Сергацков 1992 — *Сергацков И. В.* О времени заселения сарматами северной части Волго-Донского междуречья // Советская археология. 1992. № 1. С. 162–174.
- Сергацков 2000 — *Сергацков И. В.* Финал раннесарматской культуры: хронология и проблемы этнической истории сарматов на рубеже эр // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. Вып. 2. С. 150–157.
- Симоненко 1999 — *Симоненко А. В.* Сарматське поховання з тамгами на території Ольвійської держави // Археологія. 1999. № 1. С. 106–118.
- Симоненко 2000 — *Симоненко А. В.* Соотношение ранне- и среднесарматской культур в Северном Причерноморье // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. Вып. 2. С. 187–204.
- Симоненко, Лобай 1991 — *Симоненко А. В., Лобай Б. И.* Сарматы северо-западного Причерноморья в 1 в. н. э. (погребения знати у с. Пороги). Киев: Наукова думка, 1991. 112 с.

- Скворцов, Скрипкин 2008 — *Скворцов Н. Б., Скрипкин А. С.* Погребение сарматской знати из волгоградского Заволжья // Нижневолжский археологический вестник. 2008. Вып. 9. С. 98–116.
- Скрипкин 1990 — *Скрипкин А. С.* Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. 300 с.
- Скрипкин 1992 — *Скрипкин А. С.* Об уточнении хронологии сарматских культур // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1992. С. 3–24.
- Скрипкин 2000 — *Скрипкин А. С.* Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // Нижневолжский археологический вестник. 2000. Вып. 3. С. 17–41.
- Смирнов 1940 — *Смирнов А. П.* Новый сарматский могильник в Воронежской области // Вестник древней истории. 1940. № 3–4. С. 363–366.
- Шилов 1975 — *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975. 208 с.
- Шилов 1983а — *Шилов В. П.* Запорожский курган (к вопросу о погребениях аорской знати) // Советская археология. 1983. № 1. С. 178–192.
- Шилов 1983б — *Шилов В. П.* Аорсы (историко-археологический очерк) // История и культура сарматов. Сб. ст. Саратов: Изд-во СГУ, 1983. С. 34–48.
- Alte Schätze 1966 — *Alte Schätze aus Bulgarien.* Sofia: Fremdsprachenverlag, 1966. 19 p.
- Carnap-Bornheim, Jorgen 1996 — *Claus von Carnap-Bornheim, Jorgen Ilkjaer.* Illerup Adal. Jutland Archeological Society Publications XXV: 1996. Band 1–8.
- Carnap-Bornheim 1997 — *Claus von Carnap-Bornheim.* Neue Forschungen zu den beiden Zierscheiben aus dem Thorsberger Moorfund. Germania, 75. 1997. Pp. 69–101.
- Ilyasov, Rusanov 1997/98 — *Ilyasov J., Rusanov D.* A Study on the Bone Plates from Orlat // *Silk Road Art and Archaeology.* 5. 1997/98. P. 107–161.
- Kaul et al. 1991 — *Kaul F., Marazov I., Best J., Vries N. de.* Thracian Tales on the Gundestrup Cauldron. Amsterdam. 1991. 114 p.
- Lucian 1981 — *Lucian.* Toxaris or Friendship. Bibliothek der Antike 2. 1981. Pp. 253–254.

- Megaw 1970 — *Megaw J. V. S.* Art of the European Iron Age. A study of the elusive image. Somerset: Adams & Dart, 1970. 195 p.
- Megaw 1990 — *Megaw R., Megaw V.* Celtic art: From its beginnings to the Book of Kells. London: Thames & Hudson, 1990. 228 p.
- Mordvinceva 2001 — *Mordvinceva V.* Sarmatische Phaleren. Archäologie in Eurasien. Band 11. Berlin, 2001. Pp. 43–53.
- Ochir-Goryaeva 1998 — *Ochir-Goryaeva M.* Sarmatian Antiques of Kalmyk Ethnographic Museum // Kontakt-Kooperation-Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und 4. Jahrh. n. Chr. Zusammenfassung der Vorträge. Marburg. 1998. Pp. 31–33.
- Ochir-Goryaeva 2004 — *Ochir-Goryaeva M.* The peculiarities of the geographical distribution of the archaeological sites in Lower Volga region (Scythian epoch) // British Academy Reports (BAR). The Use of living Space in Prehistory. Papers from a session held at the European Association of Archaeologists. Sixth Annual Meeting in Lisbon 2000. Oxford: Archaeopress, 2004. Pp. 135–146.
- Ochir-Goryaeva 2008 — *Ochir-Goryaeva M.* Ein sarmatisches Grab bei Jashkul, Kalmückien // *Eurasia Antiqua*. 2008. Vol. 8. Pp. 353–387.
- Prazgodovina Smarjete 1973 — Prazgodovina Smarjete. *Vida Stare*. Katalogi in monografije. 10. Ljubljana. 1973. 52 p.
- Raev 1986 — *Raev B.* Roman Imports in the Lower Don Basin. BAR International Series 278. 1986. 41 p.
- Schaaff 1980 — *Schaaff U.* Ein spätkeltisches Kriegergrab mit Eisenhelm aus Novo mesto. Zbornik posvečen Stanetu Gabrovcu ob šestdesetletnici. Ljubljana. 1980. Pp. 397–413.
- Schaaff 1988 — *Schaaff U.* Keltische Helme. Antike Helme. Mainz. 1988. Pp. 293–317.
- Symonenko 1997 — *Symonenko A.* Eine sarmatische Bestattung von südlichen Bug // *Eurasia Antiqua*. Bd. 3. 1997. Pp. 389–408.
- Treister, Yatsenko 1998 — *Treister M., Yatsenko S.* About the Centers of Manufacture of Certain Series of Horse-Harness Roundels in 'Gold-Turquoise Animal Style' of the 1st-2nd Centures A. D. // *Silk Road Art and Archaeology*. 5. 1998. Pp. 51–106.
- Venedikov, Gerassimov 1973 — *Venedikov I., Gerassimov T.* Thrakische Kunst. Wien-München: Schroll, 1973. 368 p.

Werner, 1941 — *Werner Joachim*. Die beiden Zierscheben des Thorsberger Moorfundes. Röm.-Germ. Forschungen. B. 16. Berlin. 1941. 262 S.

Yatsenko 2000 — *Yatsenko S.* Archaeological Complex with Extremely Early found in the Territory of the former USSR. Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. 2000. Vol. 7. No. 1–2. Pp. 45–55.

Таблица 1. Количество трех видов золотых бляшек в сарматских погребениях

Погребение	Круглые бляшки	Бляшки в виде пирамиды	Бляшки в виде четырех лепестковой розетки
Косика	2.590	—	58
Дачи	2.075	57+1	41
Высочино	3	*	
Кобяково	*	*	
Терновский	287+6	20	
Октябрьский 2	2.308	*	*
Октябрьский 5		129	90
Яшкуль	3.071	179	76

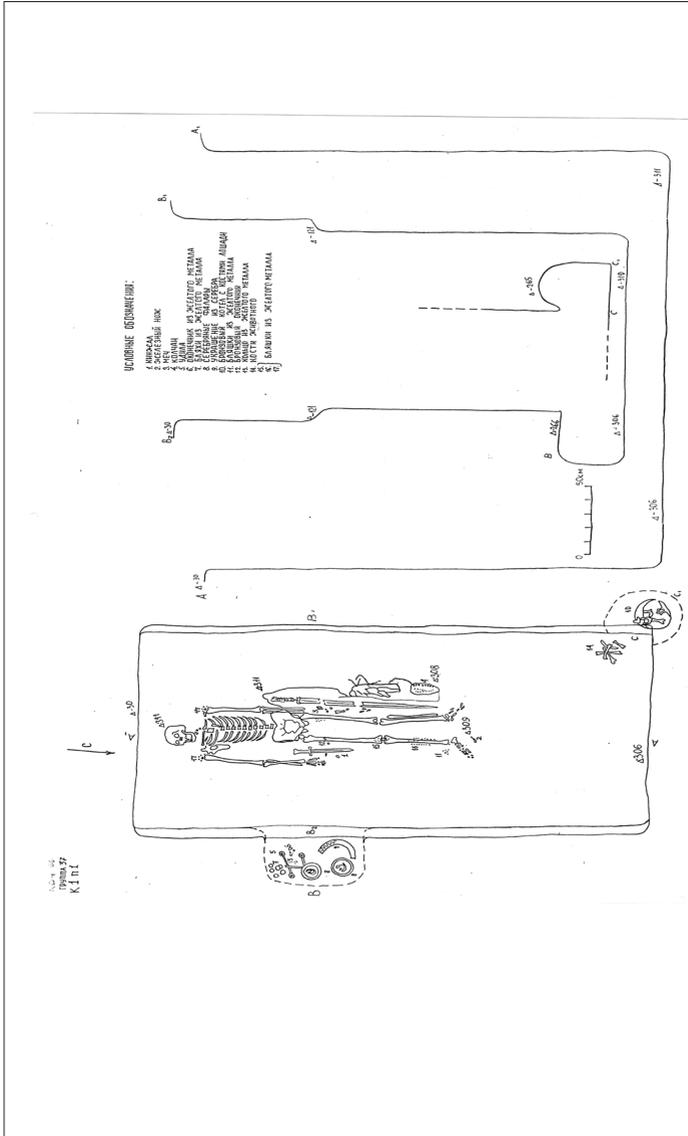

Рис. 1. Яшкуль, курган 1. План погребения.

- 1 — кинжал; 2 — нож; 3 — меч; 4 — колчан; 5 — удила и псалии; 6, 12 — наконечники ремней;
 7, 11 — фалары уздечные; 8 — фалары нагрудные; 9 — нагрудное украшение-пектораль;
 10 — котел; 13 — кольца; 14 — кости животных; 15-17 — бляшки нашивные

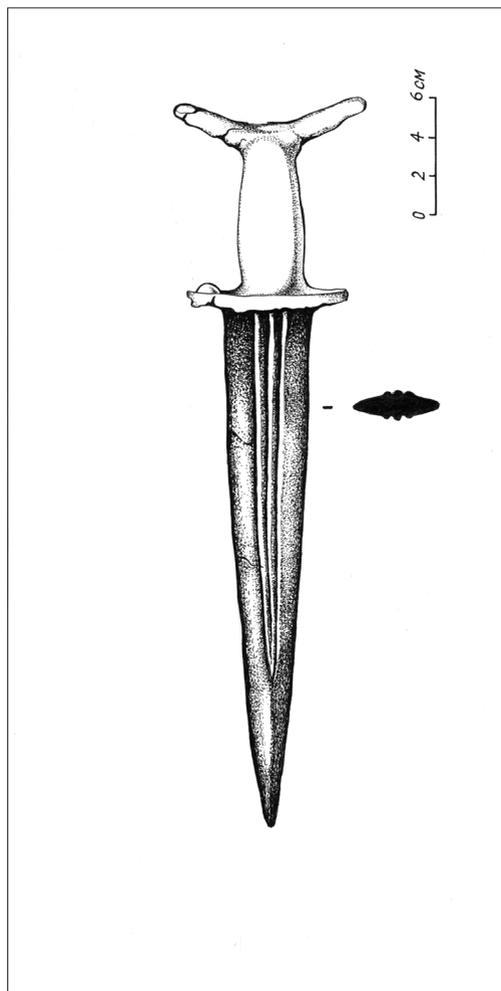

Рис. 2. Яикуль. Курган № 1.
Кинжал железный с обкладкой из золота

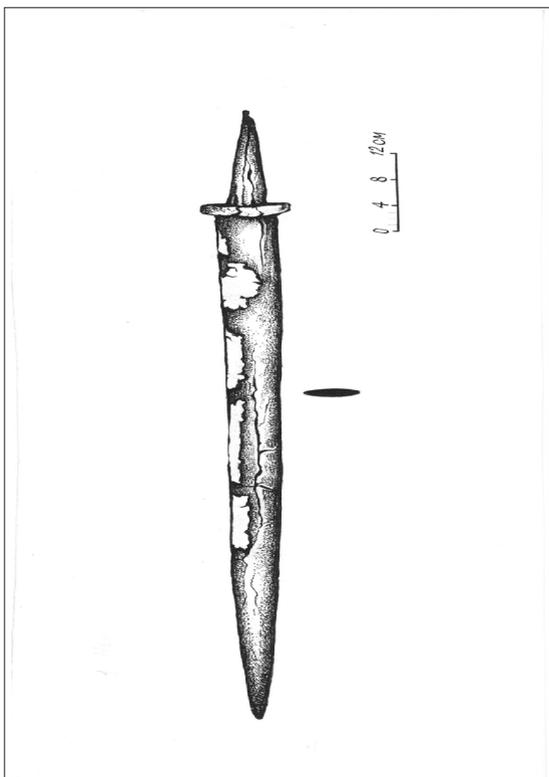

Рис. 3. Яшкуль. Курган № 1. Меч железный

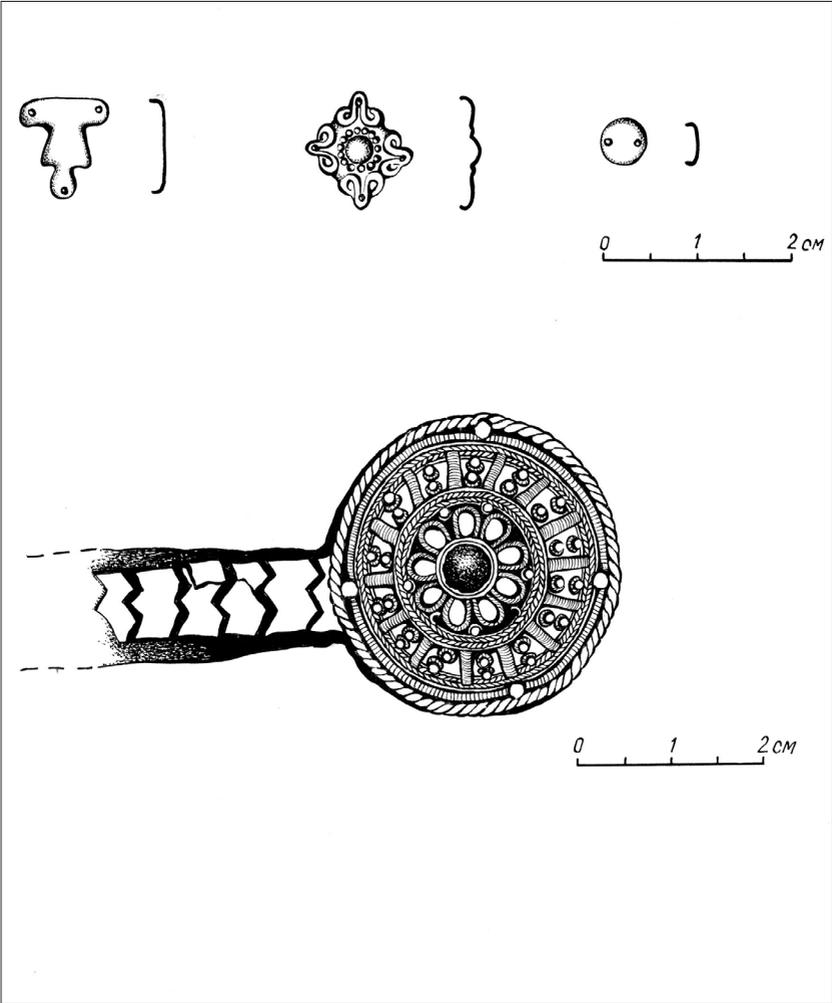

Рис. 4. Яшкуль. Курган № 1. Бляшки из золотой фольги

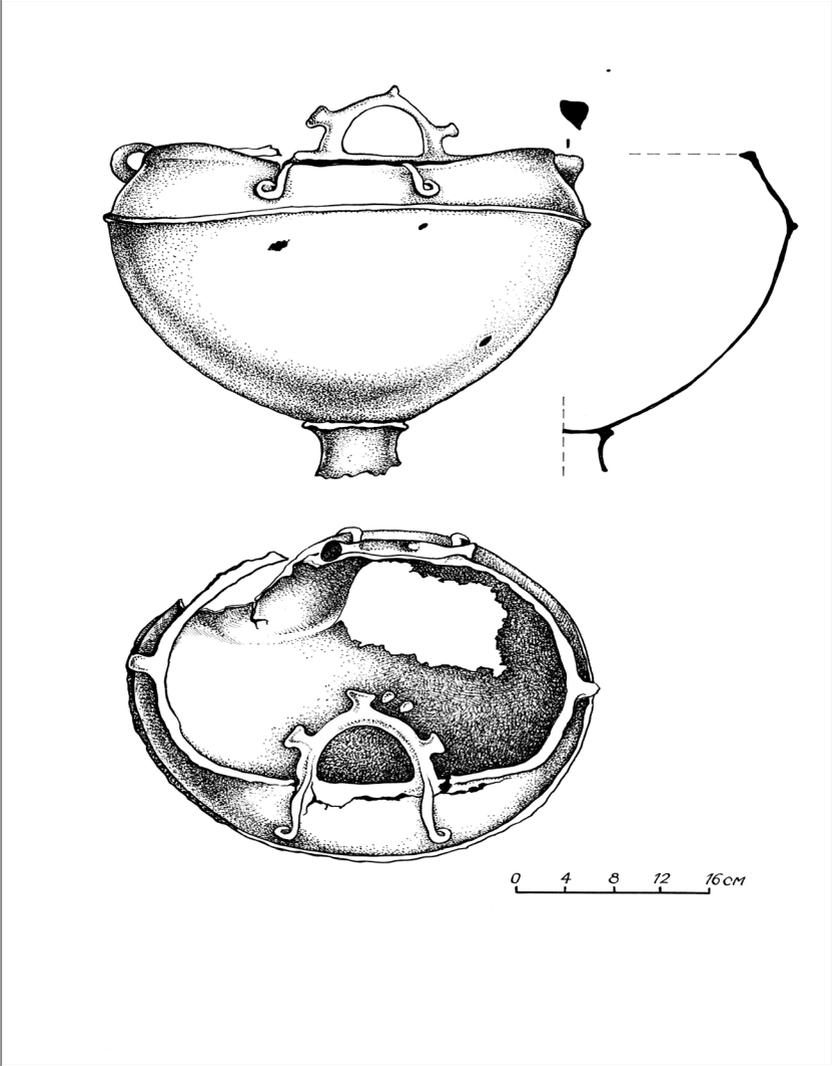

Рис. 5. Яшкуль. Курган № 1. Котел бронзовый

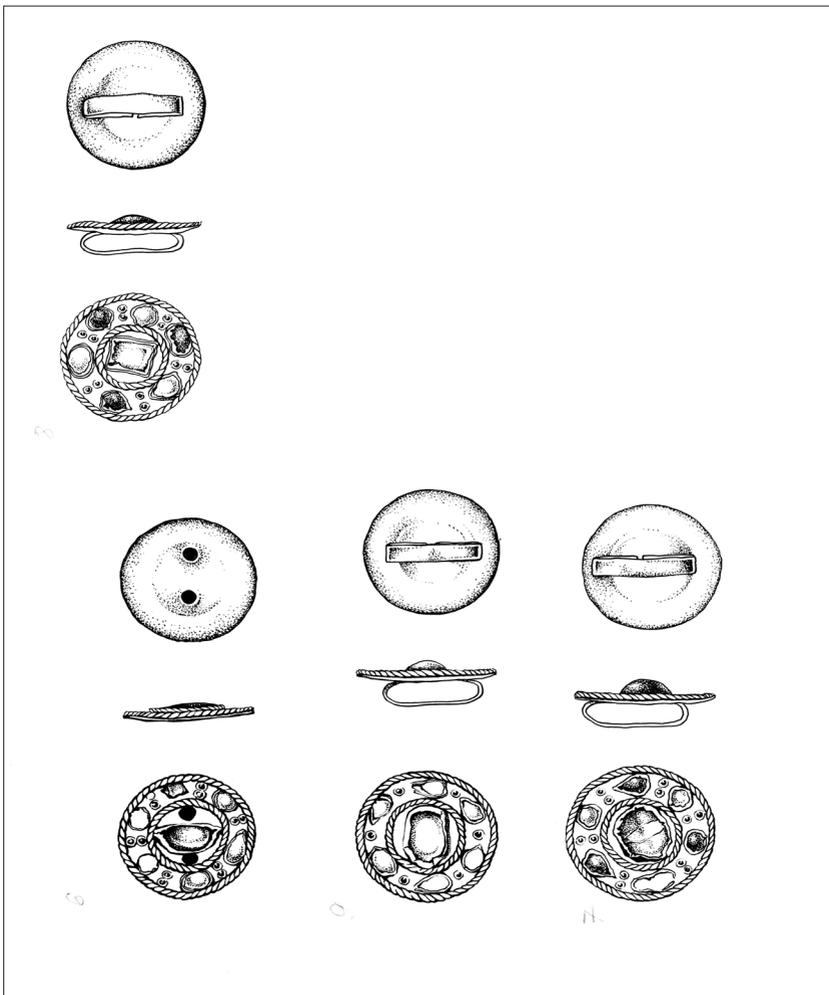

Рис. 6 (а-в). Яшкуль. Курган № 1.
Фалары уздечные золотые со вставками

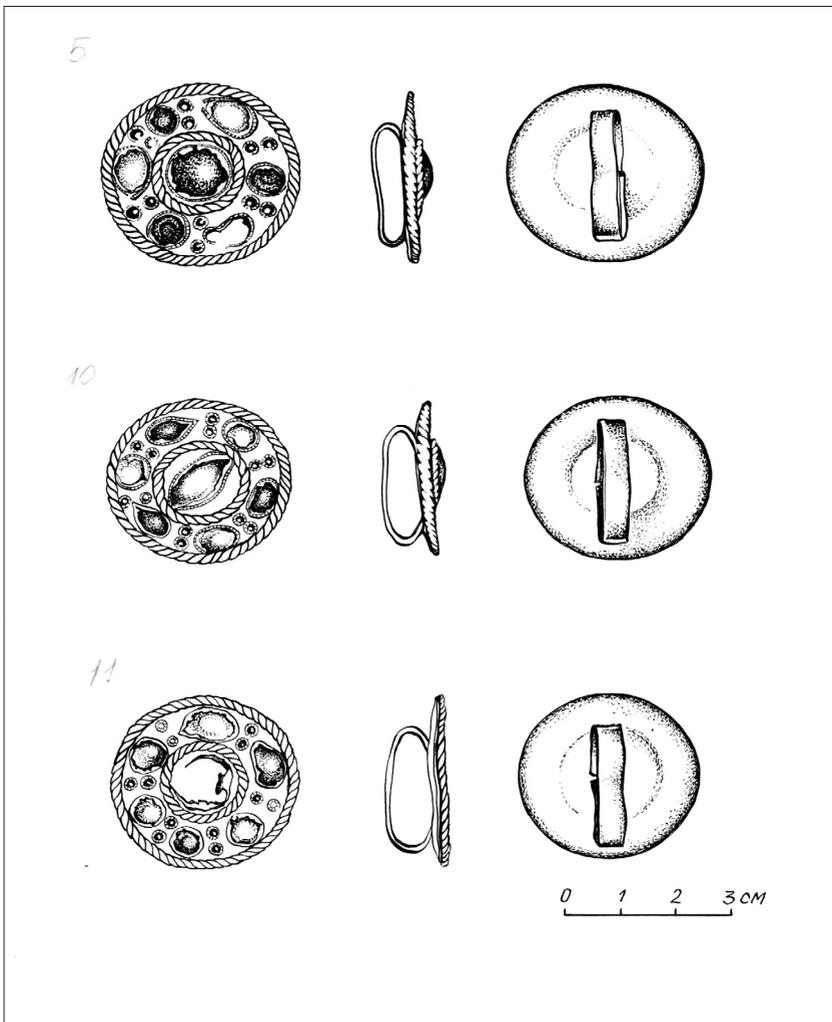

Рис. 6 (а-в). Яшкуль. Курган № 1.
 Фалары уздечные золотые со вставками

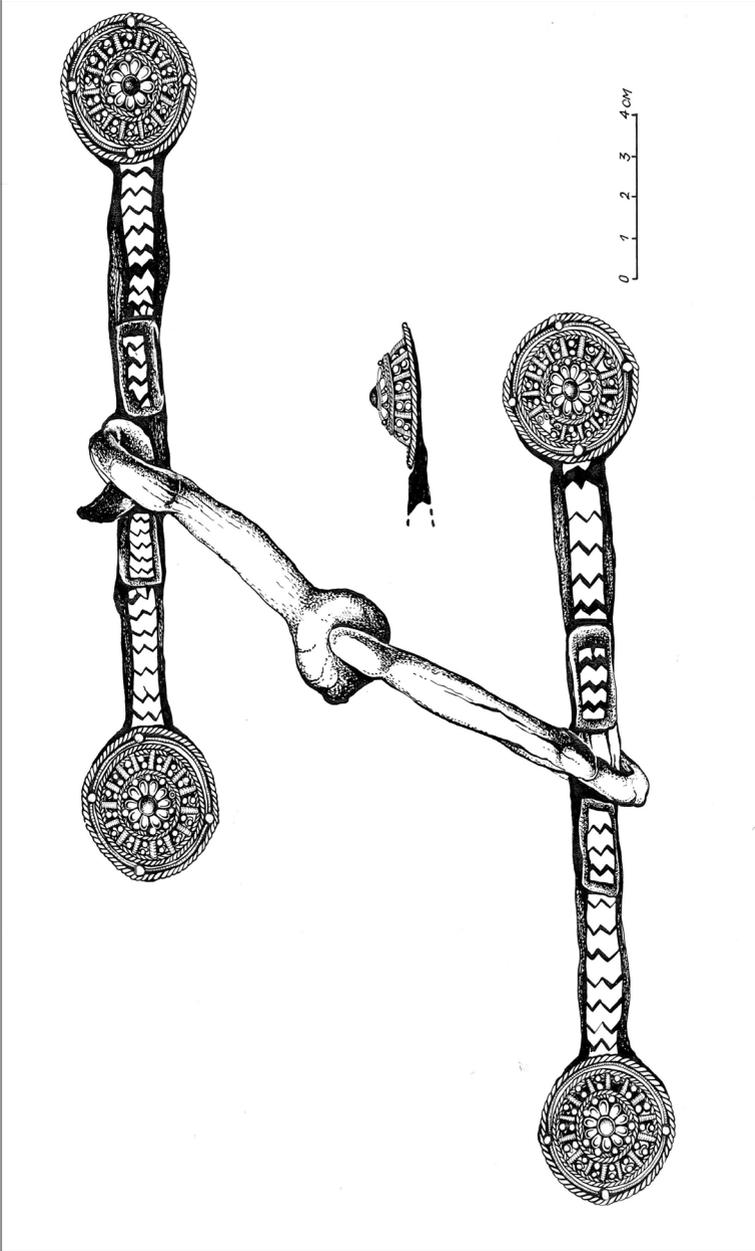

Рис. 7 (а-с). Яшкуль. Курган № 1.

Псалии железные с инкрустацией из золота и дисковидными золотыми окончаниями

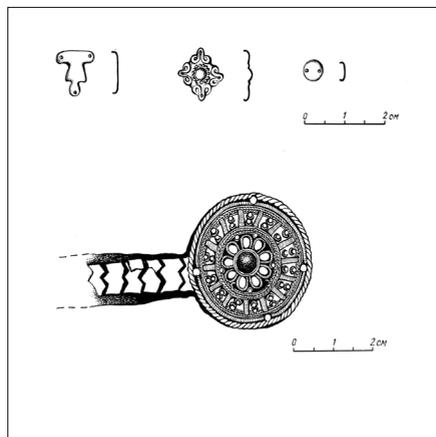

Рис. 7 (а-с). Яшкуль. Курган № 1.
 Псалии железные с инкрустацией из золота и
 дисковидными золотыми окончаниями

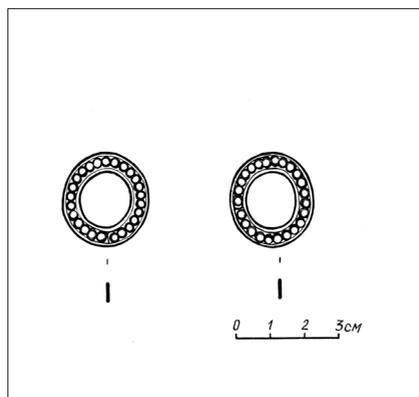

Рис. 8. Яшкуль. Курган № 1.
 Кольца плоские золотые

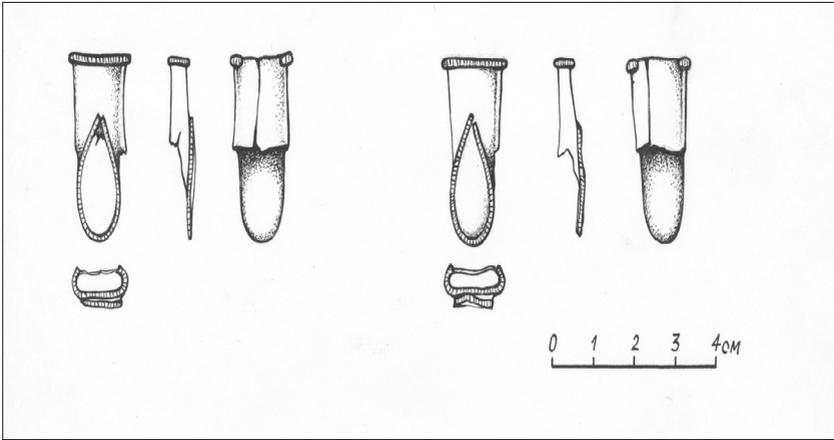

Рис. 9. Яшкуль. Курган № 1.
Наконечники ремней «ложковидные» золотые

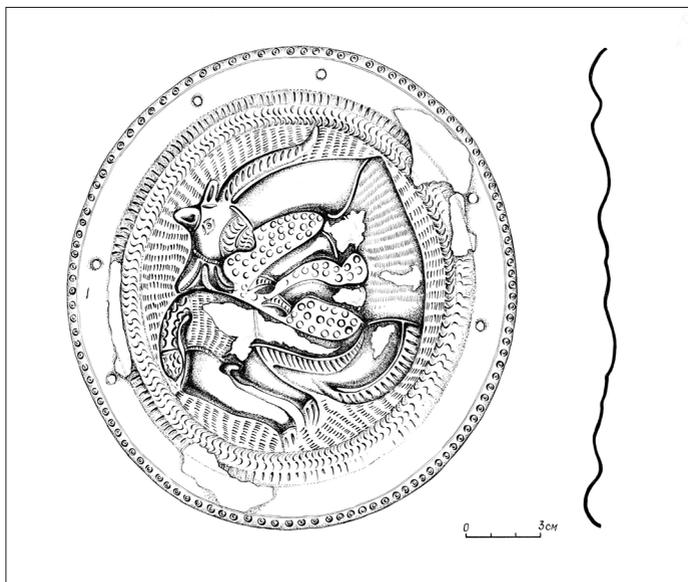

Рис. 10. Яшкуль. Курган № 1.

Фалар нагрудный серебряный позолоченный, правый

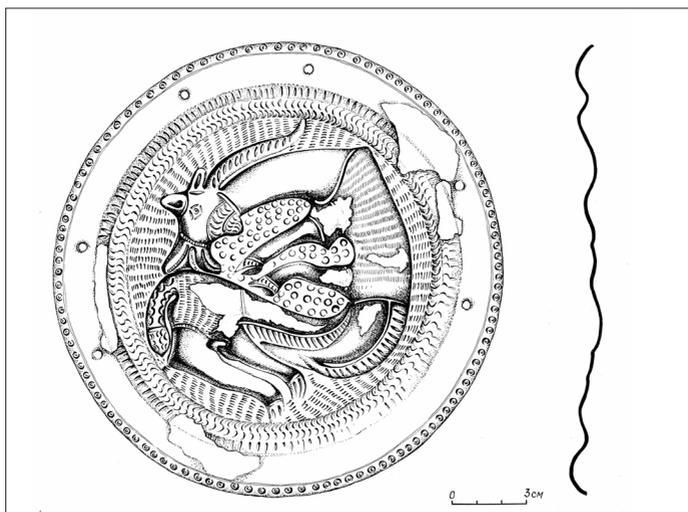

Рис. 11. Яшкуль. Курган № 1.

Фалар нагрудный серебряный позолоченный, левый

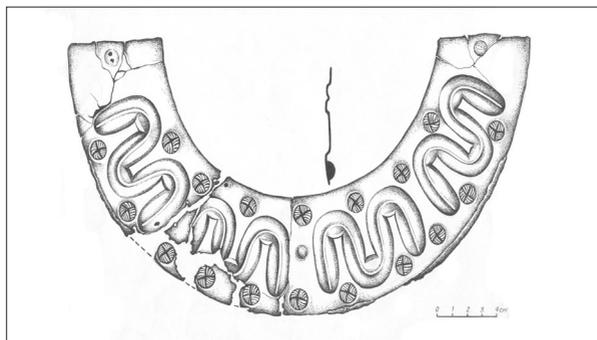

Рис. 12. Яшкуль. Курган № 1.
Украшение конское нагрудное серебряное

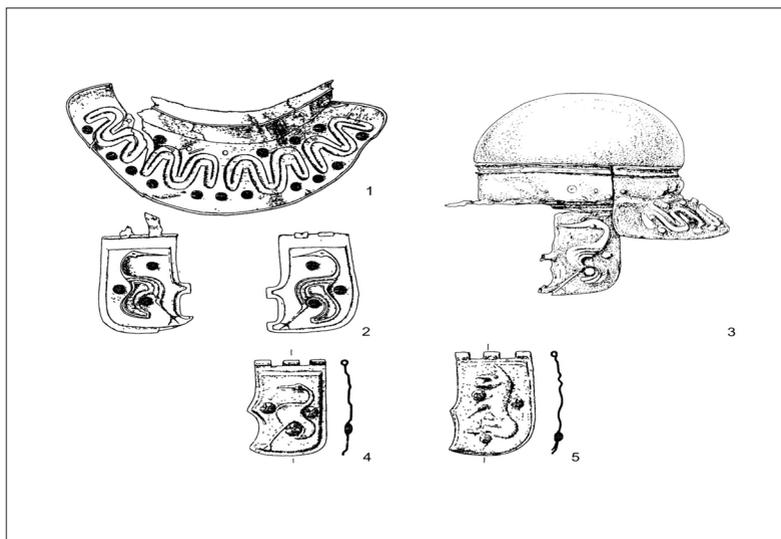

Рис. 13. Аналогии конскому нагрудному украшению.
а, в, с — Виньи, Вида Старе, Ново место (бронза)
(а, b — [Schaaf 1973: Т 14, 2]; с — [Megaw 1990: ill. 250];
с — Ново место — Белетов, погребение 169 (железо); d — Михово,
погребение 1656/58 (Eisen); e, d — [Schaaf 1980: Abb. 7, 1, 2]

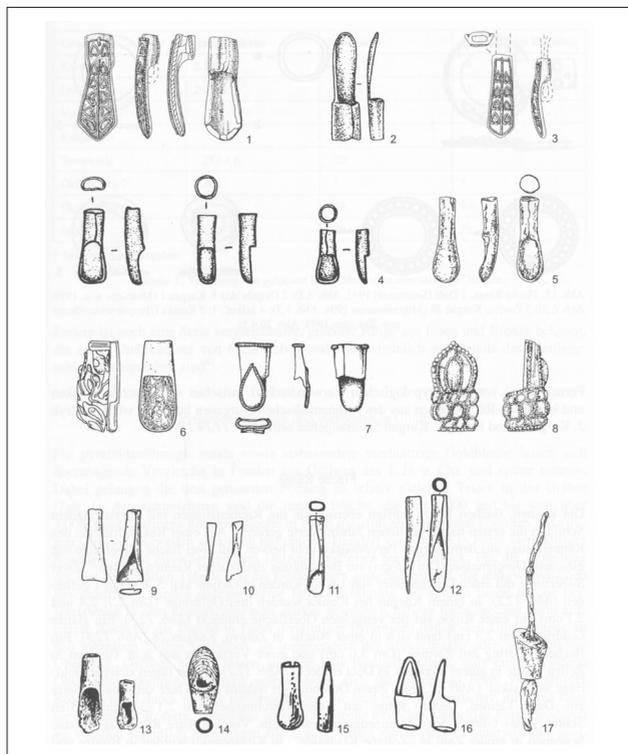

Табл. 14. «Ложковидные» наконечники.

1, 2 — *Пороги* [Симоненко, Лобай 1991: рис. 13, 1–2]; 3 — *Жутово*, к. № 28 [Мордвинцева, Мыськов 1999]; 4 а-в — *Октябрьский-5*, к. № 1 [Мыськов, Кияшко, Скрипкин 1999: рис. 6, 5–7]; 5 — *Косика* [Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993: рис. 11, 3]; 6 — *Яикуль*; 7–8 — *Дачи* [Беспалый, 1992: рис. 3, 4–7]; 9 — *Верхнее Погромное*, к. № 6, п. № 8; 10 — *Калиновка* к. № 8, п. № 40; 11 — *Попов* 58/26 п. № 9 [Мошкова, 1963: табл. 21, 18–21]; 13 — *Охлебинский* могильник, п. № 172 [Пшеничнюк, 1993: рис. 12, 6, 7]; 14 — *Уландрык*, к. № 6 [Кубарев, 1987: табл. XLVI, 11]; 15 — *Бишкентский* могильник, БМ-У, к. № 37 [Медведская, 1979: рис. 1]; 16 — *Туз-Гэр* [Лоховиц, Хазанов, 1979: табл. 6, 8]; 17 — *Пазырык*, к. № 3 [Руденко, 1953: табл. LI, 2]

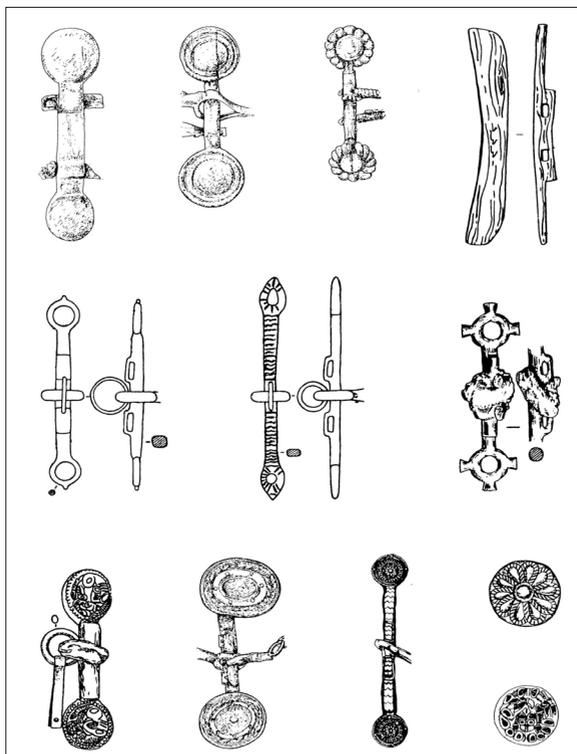

Табл. 17. Стержневидные псаали с дисковидными окончаниями.

1 — *Пазырык*, к. № 3; 2, 3 — *Пазырык*, к. № 5 [Руденко, 1953: табл. XLIX, 3; LXVI; LXX, 1]; 4 — *Уландрык*, к. № 14 [Кубарев, 1987: 34–35, табл. 32, 3]; 5, 6 — *Октябрьский-5*, к. № 1. [Мыськов и др. 1999: рис. 5, 3, 5]; 7 — ст. *Усть-Лабинская*, к. № 43 [Гущина, Засецкая, 1994: табл. 49, кат. 472]; 8 — *Жутово*, к. № 28 [Мордвинцева, 1999: рис. 1,1]; 9 — *Дачи* [Беспалый, 1992: рис. 4]; 10 — *Яшкуль*; 11 — *Запорожский курган* [Шилов, 1983: рис. 7]; 12 — *Садовый* [Mordvinceva, 2001: kat. 102]

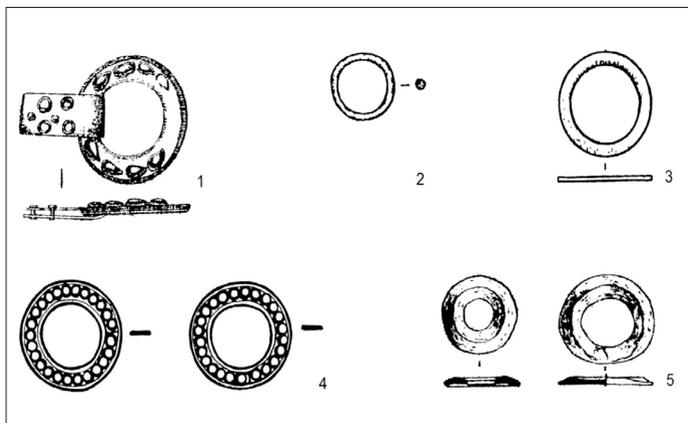

Табл. 15. Плоские кольца.

1 — *Дачи* [Беспалый, 1992: рис. 3, 2]; 2 — *Жутово*, к. № 28 [Мордвинцева, 1999: рис. 1, 3]; 3 — *Октябрьский-5*, к. № 1 [Мыськов, Кияшко, Скрипкин, 1999: рис. 6, 8]; 4 — *Яикуль*, 1; 5 — *Косика* [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993: рис. 20, 4, 5]

Выявление археологических памятников на территории Республики Калмыкия по картографическим данным 1870–1880-х гг.

*Кекеев Эрдни Анатольевич*¹

¹Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

научный сотрудник

ORCID: 0000-0002-2460-8518. E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru

Аннотация. Целью данного исследования является выявление археологических объектов на картах 1870–1880 гг. Именно на картах этого периода масштаб проработки местности позволил обозначить большое количество объектов, и практически все они нанесены со своими названиями. В данном исследовании приведены результаты работы по выявлению археологических памятников по данным двух карт: «Военно-топографическая пятиверстная карта Кавказского края 1877 года» и «Специальная карта Европейской России (карта Стрельбицкого) (1865–1871 гг.) (листы издания 1882 г.)». В процессе исследования было проведено сравнение объектов на этих картах с объектами, обозначенными на современных картах. Было выявлено 69 объектов, и только в шести случаях есть возможность соотнести их с современными курганами, однако названия их совершенно не узнаваемы. Анализ этой информации вместе с другими данными о памятнике, о его взаиморасположении с другими памятниками, объектами рельефа и гидросети является важной составной частью неразрушающих (nondestructive) методов археологических исследований.

Ключевые слова: археологический памятник, курган, картографирование, карты Российской империи, картографический материал, неразрушающий метод

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Кекеев Э. А. Выявление археологических памятников на территории Республики Калмыкия по картографическим данным 1870–1880-х гг. Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019: (4): 61-89. DOI: 10.22162/2587-6503-2019-4-12-61-89.

UDC 902

Identification of Archaeological Monuments on the Territory of the Republic of Kalmykia Based on the Cartographic Data of the 1870-1880s.

*Erdni A. Kekeev*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Research Associate

ORCID: 0000-0002-2460-8518. E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru

Abstract. The purpose of this study is to identify archaeological sites on the maps from 1870-1880s. It is on the maps of that period that the scale of the study of the area allowed to indicate a fairly large number of the objects, and almost all of them are inscribed with their names. This study presents the results of the work on identification of archaeological monuments based on two maps: «Military topographic five-versta map of the Caucasian region of 1877» and «Special map of European Russia (Strelbitsky's map) (1865-1871) (sheets of the 1882 edition)». In the course of the study, the objects on these maps were compared with the objects on the modern maps. 69 objects were identified and only in six cases it is possible to correlate them with the modern mounds, but their names are completely unrecognizable. The analysis of this information, together with the other data on the monument and its interposition with the other monuments, relief sites and hydrographs, is an important part of non-destructive archaeological research methods.

Keywords: archaeological monument, mound, mapping, maps of the Russian Empire, cartographic material, non-destructive method

Acknowledgements: The reported study was funded by a government subsidy — project name ‘Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes’ (State Reg. No. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Kekeev E. A. Identification of archaeological monuments on the territory of the Republic of Kalmykia based on the cartographic data of the 1870-1880s. Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS. 2019; (4): 61-89. DOI: 10.22162/2587-6503-2019-4-12-61-89.

Первые следы пребывания человека на территории современной Республики Калмыкия датируются эпохой мезолита [История Калмыкии ... 2009: 38], и практически до XX в. большая ее часть представляла собой равнинную степь без крупных естественных преград. Только после широкомасштабных государственных программ освоения степных территорий появились водохранилища, каналы, лесозащитные полосы, дороги с твердым покрытием, линии электропередач, крупные населенные пункты и т. д.

До этого периода ориентирами в степи служили естественные объекты рельефа и гидросети, которые для нас сейчас не кажутся столь важными. Однако большую часть периода истории на территории Волго-Маньчских степей не существовало ни крупных мест проживания человека, ни постоянных дорог, и протяженные маршруты прокладывались от одного водного источника до другого. Ориентирами в этих путешествиях служили водоемы, колодцы, балки, возвышенности и др. И благодаря тому, что степные курганы достигают крупных размеров (до 9–10 м в высоту) и часто существуют в составе курганных групп, скопления которых занимают большие площади и насчитывают иногда больше сотни насыпей, они являлись наряду с водными источниками и элементами рельефа значимыми ориентирами для равнинной и слабохолмистой местности.

Целью данного исследования является выявление археологических объектов на картах 1870–1880 гг. Именно на картах этого периода масштаб проработки местности позволил обозначить большое количество объектов, и практически все они нанесены со своими названиями. К сожалению, из-за неоднократной смены населения в степях Калмыкии мы уже никогда не узнаем существовавшие ранее названия элементов рельефа и гидросети, но благодаря исследованиям XVII–XX вв. известно большое количество

зафиксированных топонимов, большая часть которых имеет индоевропейское, тюркское и монгольское происхождение.

Первые упоминания топонимов территории современной Калмыкии встречаются в Книге Большому чертежу (1627 г.): гора Улка (совр. Ергенинская возвышенность), оз. Арпа (совр. Сарпинские озера), р. Маныч (Манача) [Книга Большому Чертежу 1950: 86–88, 92, 147]. Подробное изучение Калмыцкой степи Астраханской губернии началось с академических экспедиций XVIII в.: Самуил Готлиб Гмелин в 1772 г., Петер Симон Паллас в 1773 г. и др. [Калмыцкая степь ... 1868: 4]. В течение XVIII в. начались работы по картографированию территории современной Калмыкии, были проведены линии нивелировки и работы, связанные с созданием триангуляционной сети с опорными пунктами. Известно большое количество топонимов, относящихся к Ергенинской возвышенности и степи между ней и р. Волгой, однако их координаты не были определены до 1847 г. [Калмыцкая степь ... 1868: 7]. Большая часть известных пунктов с установленными координатами находилась на более исследованных территориях вдоль рр. Волги и Кумы, побережья Каспийского моря. Важным этапом всестороннего изучения Калмыцкой степи стала комплексная Кумо-Манычская экспедиция 1860–1861 гг. под руководством полковника К. И. Костенкова, в задачи которой входило изучение р. Маныч и гидрографической сети, исследование геологии, топографическая нивелировка и определение координат основных пунктов, а также описание почв, дорог, кочевых маршрутов, сбор данных о населении и хозяйстве. Одним из результатов этой экспедиции стали две карты: карта с обозначением хозяйственного распределения земель и почвенная карта. Эти карты являются самыми ранними подробными источниками по топонимике Калмыцкой степи Астраханской губернии. Однако в список задач экспедиции не входило изучение археологических памятников, и их на карте зафиксировано мало (объект «Кур. Шардолынь» и «Толга»). Косвенным признаком наличия курганов является составная часть наименований — «толга» (калм. ‘курган, бугор, возвышение’), например, местности Гарбунь-Толга, Горбунь-талга и Шардинь-толга, оз. Шарь-Толгота и др. [Калмыцкая степь ... 1868: Карта I, II].

Более подробная съемка территории современной Калмыкии была проведена в 1870–1880 гг. На этих картах нанесено гораздо больше объектов, и хотя, естественно, в задачи картографов не входило исследование археологических памятников, этими специалистами зафиксировано большое количество курганов с названиями. Данные материалы являются наиболее ранними картами, на которых подробно указаны объекты, обозначенные как курганы (значок в виде круга с шестью лучами) и соответствующе подписанные — «К.», «Кур.», «К-нь», «В.» (вершина) и «Б.» (бугор).

Карты второй половины XVIII в., сделанные военными, профессионалами в области топографии, отличаются от более ранних качеством самой съемки, точность которой позволяет привязать их к современным картам и производить наиболее достоверную локализацию необходимых объектов.

В данном исследовании приведены основные результаты работы по выявлению археологических памятников, а именно курганов по данным двух карт: «Военно-топографическая пятиверстная карта Кавказского края 1877 года» и «Специальная карта Европейской России (карта Стрельбицкого) (1865–1871 гг.) (листы издания 1882 г.)». В процессе исследования было проведено сравнение объектов на этих картах с объектами, обозначенными на современных картах.

Далее кратко опишем указанные карты.

«Военно-топографическая пятиверстная карта Кавказского края 1877 года» (далее — карта 1877), масштаб: 5 верст в английском дюйме (1:210000; 2,1 км в 1 см). Издавалась в Тифлисе: в 1869 г. (55 л.), в 1871 г. (26 л.) и в 1892 г. (58 л.), в дальнейшем дополнялась картами, составленными по съемкам прилегающих территорий. В 1902–1914 гг. карта была полностью исправлена, и количество ее листов достигло 83 [Подробная карта ... 2011]. В 1913 г. в составе «Записок Кавказского отдела Императорского Русского географического общества» был напечатан алфавитный указатель к пятиверстной карте Кавказского края, составленный Д. Д. Пагиревым. В этом издании содержится около 34 000 географических названий [Пагирев 1913].

Результаты съемки современной территории Калмыкии представлены на листах D1, D2, E1, E2, F2. Съемкой была охвачена лишь южная и юго-западная часть республики. Данные листы изданы в 1882 г., дополнительно были проанализированы более поздние издания, однако было установлено — на картах начала XX в. практически нет изменений.

Вторым источником является «Специальная карта Европейской России 1882 г. (карта Стрельбицкого)» масштаб: 10 верст в английском дюйме (1:420000; 4,2 км в 1 см) (далее — карта 1882). В 1865 г. редакционная комиссия назначила ответственным исполнителем проекта составления Специальной карты Европейской России и ее редактором капитана Генерального штаба И. А. Стрельбицкого, под руководством которого была проведена окончательная отработка условных знаков и всех инструктивных документов, определявших методы составления, подготовки к изданию и издания нового картографического произведения. В 1872 г. было закончено составление всех 152 листов карты. Десятиверстка многократно переиздавалась и частично дополнялась; в 1903 г. она состояла уже из 167 листов [Глушков 2007].

Съемкой охвачена вся территория современной Калмыкии (листы 77, 78, 94, 95, 96). Выяснилось после подробного анализа карт, как и в работах более ранних авторов, топонимов на территории Ергенинской возвышенности меньше, чем обозначенных объектов, находящихся ближе к р. Волге, побережью Каспийского моря и в Кумо-Манычской впадине (рис. 1, 2). Это можно объяснить тем же фактом: подробнее изучались уже освоенные территории, а местности, находящиеся в стороне от крупных дорог и населенных пунктов, судя по всему, были более труднодоступными, и в процессе съемки им уделялось меньшее внимание.

В силу того, что дальнейшая работа с этими картами производилась в специализированных ГИС-программах, был осуществлен поиск необходимой информации в электронных графических форматах (jpeg, png, tiff и др.). Основными источниками стали интернет-ресурсы, содержащие в свободном доступе необходимые карты: retromap.ru, verstovka.net, maps.southklad.ru и starayakarta.com.

Привязка, обработка и анализ карт производились с помощью программ Global Mapper и Quantum GIS. Хорошее качество съемки местности позволило произвести привязку с ориентиром на градусную сетку, после этого проводилась проверка точности — основным ориентиром служили изгибы водотоков и места их соединения. Курганы как объекты для привязки не использовались. В результате получилась карта, состоящая из нескольких частей, в программе являющаяся единым слоем, при сверке которой с современной картой выявлена погрешность до 1–2 км. Было решено принять данную погрешность как допустимую. Во-первых, более точное местоположение памятника возможно выявить только после наземного изучения местности. Во-вторых, вероятнее всего обозначенный на карте объект является не одним курганом, а группой, и, следовательно, название носит не он один, а вся группа.

Перед изучением карт были определены основные принципы идентификации необходимых объектов: условный значок и тип объекта в его названии. Условным обозначением кургана на картах 1877 г. и 1882 г. является круг с шестью лучами. Перед названием объекта обычно обозначен его тип — «К.», «Кур.», «К-ны», «В.» (вершина) и «Б.» (бугор). В ряде случаев объекты, обозначенные указанным выше значком, не имели в своем названии указания его типа, но несли его в своем названии (например, Красный курган, Кодегин-толга и др.).

В результате подробного обследования карт 1877 г. 36 объектов, идентифицированных как курганы, все обозначены принятым условным значком, 19 обозначены «К.», 8 — «В.» (вершина), 8 — без обозначения, 1 — «К-ны» (табл. 1). На карте 1882 г. выявлено 44 объекта: 26 обозначены «Кур.», 14 — «К.», 2 — «Б.» (бугор), 2 — без обозначения (табл. 2).

В итоге исследования двух карт суммарно выявлено 80 объектов с высокой степенью вероятности являющимися курганами, местоположение и названия которых дошли до наших дней благодаря картографическим работам того периода. Следует уточнить, что при анализе полученных данных и сравнении двух карт между собой были выявлены случаи, когда на карты нанесены одни и те

же курганы (табл. 3). В итоге выявлено 69 объектов, которые на современных картах не отображены: 25 — на карте 1877 г., 33 — на карте 1882 г. и 11 — на обеих картах.

ГОРОВОВИКОВСКИЙ РАЙОН

Курган (К.) Гогагынъ-эжени-хартъ-толга (по карте 1877 г.) (№ 1 на рис. 1) является современным курганом Большой Го. Этот курган находится в 8,2 км к западу от современного пос. Шин-Бял и в 6,5 км к северу от устья р. Большой Го (Гок) (на карте 1877 г. эта река обозначена как «Большой Го (Гокь)»).

Курган (К.) Керимъ-толга (по карте 1877 г.) (№ 2 на рис. 1) является современным безымянным курганом, который расположен в 1 км северо-восточнее с. Чапаевского.

Курган (К.) Ямгата-толга (по карте 1877 г.) (№ 3 на рис. 1) является современным безымянным курганом, который расположен в 2,8 км северо-восточнее с. Чапаевского, находится в непосредственной близости к границе Калмыкии и Ростовской области.

ЯШАЛТИНСКИЙ РАЙОН

Курган (К.) Тулгай (по карте 1877 г.) (№ 4 на рис. 1), курган (К.) Тулга (по карте 1882) (№ 2 на рис. 2). Отметка находится в 6 км к западу от с. Красномихайловское. В данном районе нет объектов, обозначенных как курганы, но есть несколько тригонометрических пунктов, которые часто устанавливаются на кургане.

Курганы (К-ны) Тюгень-норъ-толга (по карте 1877 г.) (№ 5 на рис. 1), курган (К.) Тегеньноръ Толга (по карте 1882) (№ 1 на рис. 2). На карте 1877 г. южнее объекта обозначен колодец (Кол.) Тегенуръ. В 4 км к востоку от местности, отмеченной на современной карте как Теегин Нур, и в 7,3 км к западу от пос. Ики-Чонос. В данном районе нет объектов, обозначенных как курганы, но есть несколько тригонометрических пунктов.

Курган (К.) Хаптга толга (по карте 1877 г.) (№ 6 на рис. 1), курган (К.) Хапчгачалга (по карте 1882) (№ 3 на рис. 2). Объект расположен в 3 км к северо-востоку от пос. Эсто-Алтай и в 6,2 км к западу от пос. Краснополье. В данном районе нет объек-

тов, обозначенных как курганы, но есть два тригонометрических пункта.

Курган (К.) Шувгурь-толга (по карте 1877 г.) (№ 7 на рис. 1), курган (К.) Шевгурчалга (по карте 1882) (№ 4 на рис. 2). Объект расположен в 2,8 км к югу от пос. Шовгр Толга. В данном районе нет объектов, обозначенных как курганы, но есть два тригонометрических пункта.

ПРИЮТНЕНСКИЙ РАЙОН

Курган (К.) Архаку-толга (по карте 1877 г.) (№ 8 на рис. 1). Объект расположен в 8,2 км к югу от с. Приютное, на северном берегу оз. Маныч. В данном районе есть один тригонометрический пункт.

Курган (К.) Соляные-озера (по карте 1877 г.) (№ 9 на рис. 1). Объект расположен в 18,4 км к юго-востоку от с. Приютное, на северном берегу р. Маныч. В данном районе есть один тригонометрический пункт.

Курган (К.) Танкинъ-села (по карте 1877) (№ 10 на рис. 1). Объект расположен в 11,3 км к западу от пос. Кевюды, на юго-восточном берегу оз. Лысый Лиман. Скорее всего, это название носил современный курган Мухтинский.

Курган (К.) Харлеринъ-толга (по карте 1877 г.) (№ 11 на рис. 1). Объект расположен в 8,3 км к западу от пос. Булг, на северном берегу р. Маныч, около места впадения в нее р. Хара-Зуха. В этом районе есть объект, обозначенный как безымянный курган высотой 3 м.

Курган (К.) Чикалдинский (по карте 1877 г.) (№ 12 на рис. 1). Объект расположен на южной окраине пос. Октябрьский, к западу от устья р. Чикалда. В данном районе есть три тригонометрических пункта, но расположенных на значительном отдалении (более 5 км).

Курган (К.) Шарабулукъ-толга (по карте 1877 г.) (№ 13 на рис. 1). Объект расположен в 3,3 км от места слияния рр. Маныч и Улан-Зуха. В этом районе есть объект, обозначенный как безымянный курган высотой 3 м.

ИКИ-БУРУЛЬСКИЙ РАЙОН

Объект Бамбань-амте-худунь-толга (обозначен значком кургана) (по карте 1877 г.) (№ 14 на рис. 1). Объект расположен в непосредственной близости с границей Калмыкии и Ставропольского края. Ближайший объект — в 9,2 км к юго-востоку курган Кордон Толга. В данном районе есть тригонометрический пункт, но он расположен на значительном отдалении (5,3 км).

Курган (К.) Гелюнь-толга (Кольтюба) (по карте 1877 г.) (№ 15 на рис. 1), курган (К.) Гелюнталга (по карте 1882) (№ 5 на рис. 2). Объект расположен в 2,9 км к северо-западу от пос. Зунда Толга и является курганом, обозначенном на современных картах как Зунда-Толга (обозначенная высота — 8 м).

Вершина (В.) Ихлакь-толга (по карте 1877 г.) (№ 16 на рис. 1). Объект расположен в 2 км к северо-западу от пос. Соста. В данном районе есть три безымянных объекта, обозначенных как курганы, высотой 3–4 м.

Объект Кодегин-толга (обозначен значком кургана) (по карте 1877) (№ 17 на рис. 1). Объект расположен в 2,9 км к югу от оз. Келтикан. В данном районе есть тригонометрический пункт и безымянный курган (высотой 4 м).

Курган (К.) Лахматинь-Толга (по карте 1877 г.) (№ 18 на рис. 1), курган (К.) Лахматенталга (по карте 1882) (№ 6 на рис. 2). На карте 1877 г. объект находится севернее Худ. Ламхаринь. На современной карте локализуется на большом полуострове, на левом берегу Чограйского водохранилища, где обозначены два безымянных кургана (высота 3 и 5 м).

Вершина (В.) Ончагинь-толга (по карте 1877 г.) (№ 19 на рис. 1). На карте 1877 г. объект находится южнее Худ. Ончигинь-булукь. На современной карте объект находится к юго-востоку от оз. Сага-Оца. В данном районе есть тригонометрический пункт и три безымянных кургана (высотой 3 и 6 м).

Вершина (курган) (В. (Кург.) Плоский (по карте 1877 г.) (№ 20 на рис. 1). Объект расположен в 2,7 км к северо-востоку от пос. Зунда Толга и, скорее всего, является безымянным курганом (высота — 6 м), который обозначен как тригонометрический пункт.

Курган (К.) Соинь-дарганчи-субе (по карте 1877 г.) (№ 21 на рис. 1). Объект расположен в 3,8 км к западу от солончака Джанского, в непосредственной близости от границы Калмыкии и Ставропольского края. В данном районе есть один тригонометрический пункт.

Вершина (В.) Толгунь-толга (по карте 1877 г.) (№ 22 на рис. 1). Объект расположен в 10,9 км к юго-западу от пос. Чолун Хамур. На современной карте обозначен как бугор Пять Курганов.

Вершина (В.) Чунгурцикь-толга (по карте 1877 г.) (№ 23 на рис. 1). Объект расположен в 8,2 км к юго-западу от пос. Шар-Булг, рядом с местом впадения р. Восточный Маныч в Состинские озера. В данном районе есть два тригонометрических пункта и два безымянных кургана (высотой 4 м).

ЧЕРНОЗЕМЕЛЬСКИЙ РАЙОН

Курган (К.) Алабужский (по карте 1882 г.) (№ 7 на рис. 2). На карте 1882 г. курган отмечен к юго-западу населенного пункта «Алабужинская». На современной карте объект расположен в 0,2 км к югу от озер Алабугинских, рядом обозначен тригонометрический пункт.

Объект Бодогирь-тюбе (обозначен значком кургана) (по карте 1877 г.) (№ 24 на рис. 1). Объект расположен в 10,6 км к юго-востоку от пос. Рогульский. В данном районе есть один тригонометрический пункт.

Объект Бусурукь толга (обозначен значком кургана) (по карте 1877 г.) (№ 25 на рис. 1). Объект расположен в 7,1 км к северо-востоку от пос. Майхара и в 2,2 км к северо-западу от Чограйского канала. В данном районе есть один тригонометрический пункт.

Объект Гайдукский (обозначен значком кургана) (по карте 1877 г.) (№ 26 на рис. 1). На карте 1877 г. расположен южнее Ст. Гайдукская. На современной карте объект расположен в 9,2 км к востоку от пос. Артезиан. В данном районе обозначен один тригонометрический пункт.

Курган (К.) Естьстолга (по карте 1882 г.) (№ 8 на рис. 2). Объект расположен в 1,7 км к югу от оз. Кек-Хаг. В данном районе обозначен один тригонометрический пункт.

Красный кургань (по карте 1877 г.) (№ 27 на рис. 1), курган (К.) Красный (по карте 1882) (№ 9 на рис. 2). Объект расположен в 10,9 км к северо-западу от пос. Артезиан, в 1 км от песков Орзе. В данном районе обозначен один тригонометрический пункт, но он расположен в 5 км к западу от объекта.

Вершина (В.) Кюлюкнь-бачкинъ-толга (по карте 1877 г.) (№ 28 на рис. 1). Объект расположен в 5,9 км к северо-востоку от кургана Кордон Толга. В данном районе обозначен один тригонометрический пункт.

Курган (К.) Лабганъ-толга (по карте 1882) (№ 10 на рис. 2). Объект расположен в 13,5 км к юго-западу от пос. Нарын Худук. В данном районе обозначено три тригонометрических пункта.

Курган (К.) Майли-хара (по карте 1877 г.) (№ 29 на рис. 1), курган (К.) Майли хара (по карте 1882) (№ 11 на рис. 2). На карте 1877 г. обозначен южнее В. Майлихара и юго-восточнее балки (?) Майли-хара-голь. На современной карте расположен в 8,6 км к западу от пос. Майхара. В данном районе обозначен один тригонометрический пункт.

Вершина (В.) Майлихара (по карте 1877 г.) (№ 30 на рис. 1). На карте 1877 г. обозначен южнее К. Майли-хара. На современной карте расположен в 7,5 км к западу от пос. Майхара. В данном районе обозначен один тригонометрический пункт.

Курган (К.) Маметь-али-суба (по карте 1877 г.) (№ 31 на рис. 1). Находится на границе Калмыкии и Дагестана. В 5 км к западу обозначен тригонометрический пункт.

Курган (Кур.) Плі́шивый (по карте 1882 г.) (№ 12 на рис. 2). Объект расположен в 11,9 км к юго-востоку от пос. Калининский. В данном районе обозначен один тригонометрический пункт.

Вершина (В.) Суберганъ-тюбе (по карте 1877 г.) (№ 32 на рис. 1). Объект расположен в 7,5 км к юго-западу от пос. Рогульский. В данном районе обозначен один тригонометрический пункт.

Объект Шонтинъ-толга (по карте 1877 г.) (№ 33 на рис. 1). Объект расположен в 7 км к востоку от пос. Кумской. В данном районе нет обозначенных тригонометрических пунктов.

Объект Эмта-худукъ-толга (по карте 1877 г.) (№ 34 на рис. 1), курган (К.) Эмта худ. Талга (по карте 1882) (№ 13 на рис. 2). Объект расположен в 5,6 км к северо-западу от ж/д станции Белое Озеро. В данном районе обозначен один тригонометрический пункт.

Курган (К.) Ястытолга (по карте 1882 г.) (№ 14 на рис. 2). Объект расположен в 4,5 км к западу от колодцев Яста-Худук. В данном районе обозначено два тригонометрических пункта, но они расположены более чем в 5 км от объекта.

ЛАГАНСКИЙ РАЙОН

Курган (К.) Армянский (по карте 1877 г.) (№ 35 на рис. 1), бугор (Б.) Армянский (по карте 1882) (№ 15 на рис. 2). На карте 1877 г. расположен на южном берегу оз. Армянское. На современной карте это озеро отсутствует, вся территория изрезана каналами. Сам объект расположен в 16,5 км к юго-востоку от пос. Артезиан. Находится на границе Калмыкии и Дагестана. В данном районе обозначен один тригонометрический пункт.

Курган (К.) Ибрагимъ-тюбе (по карте 1882 г.) (№ 16 на рис. 2). Объект расположен в 2,5 км к югу от пос. Улан Хол. В данном районе обозначен один тригонометрический пункт.

Курган (К.) Кумская ватага (по карте 1877 г.) (№ 36 на рис. 1), бугор (Б.) Кумская ватага (по карте 1882) (№ 17 на рис. 2). Объект расположен в 14,8 км к юго-востоку от пос. Артезиан. Находится на границе Калмыкии и Дагестана. В данном районе обозначен один тригонометрический пункт.

Курган (К.) Таталанъ-Толга (по карте 1882 г.) (№ 18 на рис. 2). Объект расположен в 12,7 км к югу от пос. Улан Хол. В данном районе обозначен один тригонометрический пункт.

МАЛОДЕРБЕТОВСКИЙ РАЙОН

Курган (Кур.) Искридынь толга (по карте 1882 г.) (№ 19 на рис. 2). Объект расположен в 14,7 км к западу от пос. Восход. На этой территории создана сеть каналов, и значительные площади отведены под рисовые чеки. В данном районе обозначен один тригонометрический пункт.

Курган (Кур.) Неинчинь-толга (по карте 1882 г.) (№ 20 на рис. 2). Объект расположен в 12,1 км к востоку от пос. Ханата. В данном районе обозначен один тригонометрический пункт.

Курган (Кур.) Хуцынь толга (по карте 1882 г.) (№ 21 на рис. 2). Объект расположен на восточной окраине пос. Ики Бухус, на берегу лимана Хуцин-Толга. В данном районе обозначено два тригонометрических пункта.

Курган (Кур.) Цагань-толга (по карте 1882 г.) (№ 22 на рис. 2). Объект расположен в 10,3 км к северо-востоку от пос. Ханата и является современным курганом Сага-Толга (обозначенная высота — 10 м).

ОКТЯБРЬСКИЙ РАЙОН

Курган (Кур.) Бауцынь толга (по карте 1882 г.) (№ 23 на рис. 2). Объект расположен в 16,6 км к северо-западу от пос. Большой Царын, на восточном берегу лимана Боцык. На этой территории создана сеть каналов, и значительные площади отведены под рисовые чеки. В данном районе обозначен один тригонометрический пункт.

Курган (Кур.) Царань большой (по карте 1882 г.) (№ 24 на рис. 2). Объект расположен в 3,5 км к юго-западу от пос. Восход. На этой территории создана сеть каналов, и значительные площади отведены под рисовые чеки. В данном районе обозначен один тригонометрический пункт.

Курган (Кур.) Царань малый (по карте 1882 г.) (№ 25 на рис. 2). Объект расположен в 4,5 км к юго-западу от Кур. Царань большой в 8,5 км от пос. Восход. На этой территории создана сеть каналов, и значительные площади отведены под рисовые чеки. В данном районе обозначен один тригонометрический пункт.

КЕТЧЕНЕРОВСКИЙ РАЙОН

Курган (Кур.) Гарвинь Толга (по карте 1882 г.) (№ 26 на рис. 2). Объект расположен в 7,5 км к западу от пос. Тугтун. В данном районе обозначен один тригонометрический пункт и в 4,5 км к северо-западу отмечен курган Горвун Адрык.

Курган (Кур.) Тавунь-толга (по карте 1882 г.) (№ 27 на рис. 2). Объект расположен в 7,7 км к западу от пос. Шорвин Кец. В данном районе обозначено два тригонометрических пункта, но они расположены более чем в 5 км от объекта.

ЮСТИНСКИЙ РАЙОН

Курган (Кур.) Галзынь-толга (по карте 1882 г.) (№ 28 на рис. 2). Объект расположен в 8,4 км к северо-западу от пос. Татал. В данном районе обозначен один тригонометрический пункт.

Объект Горбунь-толга (обозначен значком кургана) (по карте 1882 г.) (№ 29 на рис. 2). Объект расположен в 12 км к востоку от пос. Чомпот. Находится на границе Калмыкии и Астраханской области.

Курган (Кур.) Дасте-толга (по карте 1882 г.) (№ 30 на рис. 2). Объект расположен в 14 км к юго-западу от пос. Эрдниевский. В данном районе обозначено два тригонометрических пункта.

Курган (Кур.) Менгуче-горбунь-толга (по карте 1882 г.) (№ 31 на рис. 2). Объект расположен в 14,8 км к северо-западу от пос. Юста. В данном районе обозначен один тригонометрический пункт.

Объект Молла-толга (обозначен значком кургана) (по карте 1882 г.) (№ 32 на рис. 2). Объект расположен на северной окраине пос. Эрдниевский. В данном районе обозначен один тригонометрический пункт.

Курган (Кур.) Му-эрха (по карте 1882 г.) (№ 33 на рис. 2). На карте 1882 г. расположен в 10 км юго-восточнее объектов Кур. Эрха-толга и Худ. Уласта Эрха, в 8,2 км севернее второго объекта Кур. Эрха-толга, в 8,4 км восточнее Худ. Эрхань-боро. На современной карте эти объекты не обозначены, ориентиром является колодец Му-Эр-Хар, расположенный в 3 км к югу от Кур. Му-эрха. В данном районе обозначено два тригонометрических пункта.

Курган (Кур.) Улань-толга (по карте 1882 г.) (№ 34 на рис. 2). Объект расположен в 14,6 км к юго-востоку от пос. Татал. В данном районе обозначен один тригонометрический пункт.

Курган (Кур.) Улань-толга (по карте 1882 г.) (№ 35 на рис. 2). Объект расположен в 3,6 км к востоку от пос. Первомайский. В данном районе обозначен один тригонометрический пункт.

Курган (Кур.) Харабань-хара-ардыкъ (по карте 1882 г.) (№ 36 на рис. 2). Объект расположен на южной окраине пос. Харба. В данном районе обозначен один тригонометрический пункт.

Курган (Кур.) Хурджинь (по карте 1882 г.) (№ 37 на рис. 2). Объект расположен в 14,3 км к юго-западу от пос. Татал. В данном районе обозначен один тригонометрический пункт.

Курган (Кур.) Шарымь-дамба (по карте 1882 г.) (№ 38 на рис. 2). Объект расположен в 7,2 км к северо-востоку от пос. Харба. В данном районе обозначено два тригонометрических пункта, но они расположены более чем в 5 км от объекта.

Курган (Кур.) Эдмыкъ-толга (по карте 1882 г.) (№ 39 на рис. 2). Объект расположен в 17,1 км к юго-востоку от пос. Иджил. В данном районе обозначено два тригонометрических пункта, но они расположены более чем в 5 км от объекта.

Курган (Кур.) Эрха-толга (по карте 1882 г.) (№ 40 на рис. 2). На карте 1882 г. расположен в 8,2 км южнее объекта Кур. Му-эрха и юго-восточнее Худ. Эрхань-боро. На современной карте объект расположен в 13,4 км к западу от пос. Долан и, скорее всего, является курганом, отмеченным как бугор Урга-Толга.

ЯШКУЛЬСКИЙ РАЙОН

Курган (Кур.) Манджа-шара-толга (по карте 1882 г.) (№ 41 на рис. 2). Объект расположен в 5,8 км к северу от пос. Шарва и, скорее всего, является курганом, отмеченным на современной карте как курган Итлик-Толга (высота — 5 м).

Курган (Кур.) Мая-толга (по карте 1882 г.) (№ 42 на рис. 2). Объект расположен в 12,6 км к северо-востоку от пос. Привольный. В данном районе обозначено два тригонометрических пункта.

Курган (Кур.) Улань-шарынъ (по карте 1882 г.) (№ 43 на рис. 2). Объект расположен в 7,2 км к северу от пос. Привольный. В данном районе обозначен один тригонометрический пункт.

Курган (Кур.) Эрха-толга (по карте 1882 г.) (№ 44 на рис. 2). На карте 1882 г. расположен в 4,3 км севернее от объекта Худ. Эрхань-боро, южнее объекта Уласта Эрха и в 10,3 км к северо-западу от объекта Кур. Му-эрха. На современной карте объект расположен в 19,6 км к юго-востоку от пос. Алтн Булг. В данном районе обозначен один тригонометрический пункт.

В результате исследования двух карт («Военно-топографическая пятиверстная карта Кавказского края 1877 года» и «Специальная карта Европейской России (карта Стрельбицкого) (1865–1871 гг.) (листы издания 1882 г.)») было выявлено 69 объектов. Но только в шести случаях возможно соотнести их с современными курганами: «К. Танкинъ-села» (по карте 1877 г.) (№ 10 на рис. 1) — современный курган Мухтинский; «К. Гелюнь-толга (Кольтюба)» (по карте 1877) (№ 15 на рис. 1), он же — «К. Гелюнталга» (по карте 1882) (№ 5 на рис. 2) — современный курган Зунда-Толга; «В. Толгунъ-толга» (по карте 1877) (№ 22 на рис. 1) — объект на современной карте обозначенный как бугор Пять Курганов; «Кур. Цаганъ-толга» (по карте 1882) (№ 22 на рис. 2) — современный курган Сага-Толга; «Кур. Эрха-толга» (по карте 1882) (№ 40 на рис. 2) — является курганом, отмеченным как бугор Урга-Толга; «Кур. Манджа-шара-толга» (по карте 1882) (№ 41 на рис. 2) — курган Итлик-Толга.

В итоге проведенного анализа видно, что во всех шести случаях, когда удалось соотнести данные карт XIX в. с курганами на современных картах, нет ни одного случая, где бы название объекта дошло до нас в неизменном виде. Естественно, что при записи топонимов у картографов, не владевших калмыцким языком, возникали трудности с правильным перенесением устной информации на карту. В трех случаях из шести выявленных названия объектов дошли до нас в трансформированном виде: «В. Толгунъ-толга» — скорее всего, правильное его название — «Тавн толга», т. е. по-калмыцки — «Пять курганов», на современной карте объект носит именно это название — бугор Пять Курганов; название «Кур. Цаганъ-толга» изменилось и стало трудноопределимым «Сага-Толга»; «Кур. Эрха-толга» — видоизменилось до «Урга-Толга».

Археологической экспедицией КалмНИЦ РАН в 2018 г. были проведены разведки в Городовиковском районе Республики Калмыкия и были использованы данные, представленные в данной статье [Очир-Горяева 2018]. В числе других маршрутов один был проложен именно с целью выявления объектов, обозначенных на карте 1877 г., отсутствовавших на современных картах: «К. Гогагынъ-экени-хартъ-толга», «К. Керимъ-толга» и «К. Ямгата-толга». В ходе опроса местного населения было установлено, что эти объекты известны, однако из названий сохранилось только имя первого объекта — «курган Большой Го». В результате полевых выездов было установлено, что данные объекты существуют и являются курганами, были зафиксированы их точное местоположение и размерные данные.

Данный пример является наглядным. Названия многих объектов не сохранились в народной памяти и в письменных источниках, только на картах XIX в., а сохранившиеся названия объектов, во-первых, нигде больше письменно не зафиксированы, а во-вторых, сильно видоизменились. Так в Городовиковском районе название кургана было сокращено и стало одноименным речке, что протекает южнее — «Большой Го». Необходимо отметить возникшую смысловую разницу между этими названиями: «Гогагынъ-экени-хартъ-толга» и «Большой Го». Оригинальное название можно перевести как «Черный курган у истоков [реки] Гог (Гок, Го)» или «Курган севернее истоков [реки] Гог (Гок, Го)». Конечно, такое длинное название со временем, скорее всего, претерпело бы подобные сокращения, однако в данном случае такая трансформация заметно изменила оригинальное название.

Проведенное исследование показало, что изученные карты являются незаменимым источником при исследовании археологических памятников Республики Калмыкия. Ценность заключается не столько в локализации этих памятников на местности, а в выявлении их оригинальных названий, которые до наших дней практически не сохранились, а те, что известны, практически неузнаваемы. А между тем название любого объекта является важной информацией для его изучения. Так в исследовании А. Б. Лиджиева и М. А. Очир-Горяевой был проведен этимологический и лингви-

стический анализ названий археологических памятников Калмыкии и показана важность сохранения его оригинального названия [Лиджиев, Очир-Горяева 2008: 277–287]. Правильный перевод монголо- и тюркоязычных топонимов и их интерпретация может стать важным источником информации о памятнике еще до исследования непосредственного самого объекта, будь то разведки или раскопки. Анализ такого рода информации вкупе с другими данными о памятнике, о его взаиморасположении с другими памятниками, объектами рельефа и гидросети является важной составной частью недеструктивных (не разрушающих) методов археологических исследований.

Литература

- Глушков 2007 — *Глушков В. В.* История военной картографии в России (XVIII – нач. XX в.). М.: ИДЭЛ, 2007. 528 с.
- История Калмыкии ... 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. 848 с.
- Барбот-де-Марни 1868 — *Барбот-де-Марни*. Геологическое описание Калмыцкой степи и прилежащих к ней земель // Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Маньчской экспедиции. СПб., 1868. 36+76+166 с.
- Книга Большому Чертежу 1950 — Книга Большому Чертежу / подгот. к печ. и ред. К. Н. Сербиной. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 229 с.
- Лиджиев, Очир-Горяева 2008 — *Лиджиев А. Б., Очир-Горяева М. А.* Названия археологических памятников: перевод, значение и лингвистический анализ // Очир-Горяева М. А. Археологические памятники Волго-Маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. С. 277–287.
- Очир-Горяева 2018 — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники Городовиковского района Республики Калмыкия // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2018. № 4 (8). С. 84–100.
- Пагирев 1913 — *Пагирев Д. Д.* Алфавитный указатель к пятиверстной карте Кавказского края, издания Кавказского военно-топографического отдела. Тифлис, 1913. 334 с.
- Подробная карта 2011 — Подробная карта Кавказского края с прилегающими частями Турции и Персии в масштабе 5 верст в дюйме [электронный ресурс] // СПб.: Альфарет, 2011. 6 с., 84 л. карт. URL: <https://alfaret.ru/item.php?prod=503&subid=&catid=> (дата обращения: 30.07.2019).

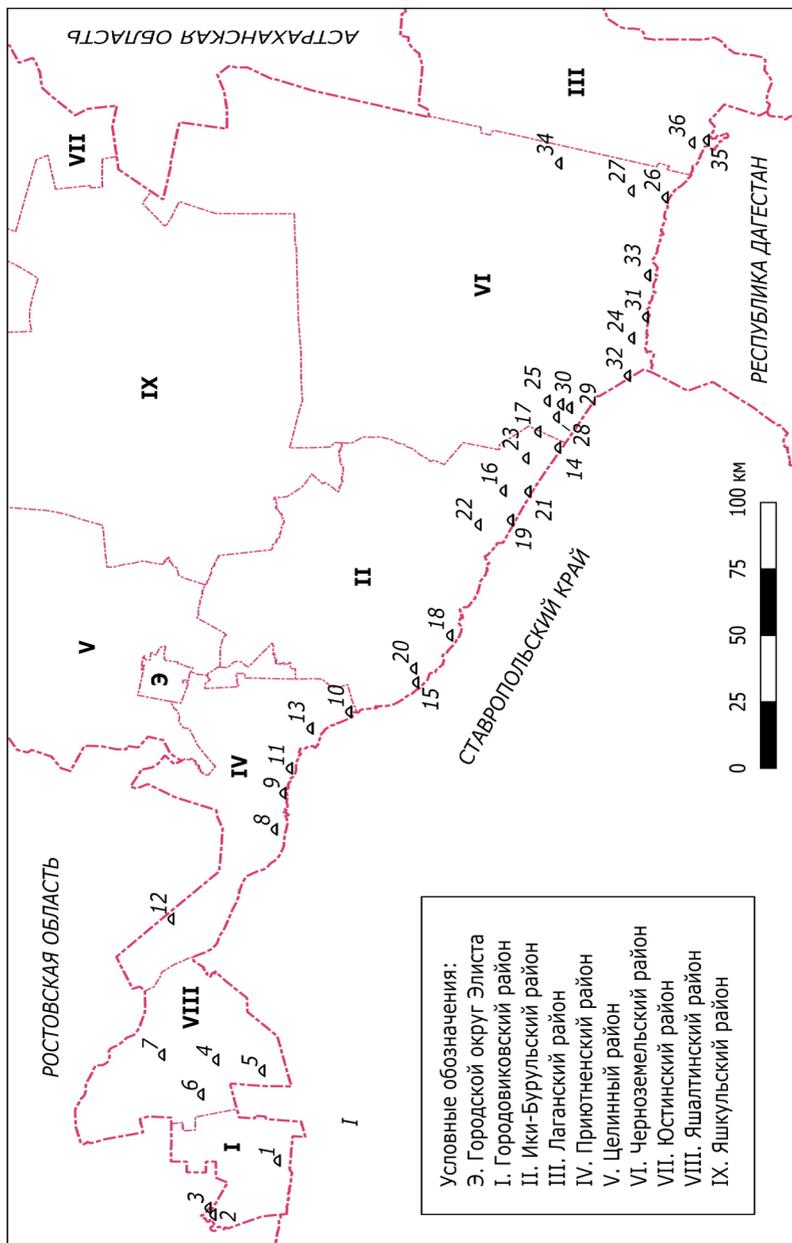

Рис. 1. Курганы на карте «Военно-топографическая пятиверстная карта Кавказского края» 1877 г.

Цифрами обозначены: 1 — К. Гогагынъ-экени-хартъ-толга, 2 — К. Керимъ-толга, 3 — К. Ямгата-толга, 4 — К. Тулгай, 5 — К-ны Тюень-норъ-толга, 6 — К. Хаптга толга, 7 — К. Шувгуръ-толга, 8 — К. Архаку-толга, 9 — К. Соляные-озера, 10 — К. Танкинъ-села, 11 — К. Харлеринъ-толга, 12 — К. Чикалдинскій, 13 — К. Шарабулукъ-толга, 14 — Бамбанъ-амте-худунъ-толга, 15 — К. Гелюнь-толга (Кольтюба), 16 — В. Ихлакъ-толга, 17 — Кодегин-толга, 18 — К. Лахматинъ-толга, 19 — В. Ончагинъ-толга, 20 — В. (Кург.) Плоский, 21 — К. Соинъ-дарганчи-субе, 22 — В. Толгунъ-толга, 23 — В. Чунгурцикъ-толга, 24 — Бодогиръ-тюбе, 25 — Бусурукъ толга, 26 — Гайдукскій, 27 — Красный курганъ, 28 — В. Кюлюкнъ-бачкинъ-толга, 29 — К. Майли-хара, 30 — В. Майлихара, 31 — К. Маметъ-али-суба, 32 — В. Суберганъ-тюбе, 33 — Шонтинъ-толга, 34 — Эмта-худукъ-толга, 35 — К. Армянский, 36 — К. Кумская ватага

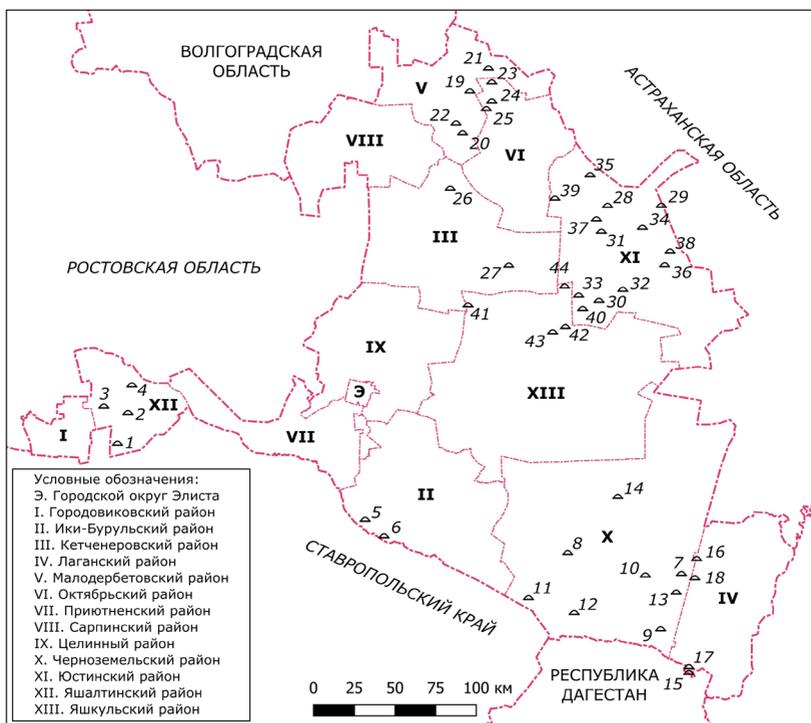

Рис. 2. Курганы на карте «Специальная карта Европейской России» 1882 г.

Цифрами обозначены: 1 — К. Тегеньноръ Толга, 2 — К. Тулга, 3 — К. Хапчгачалга, 4 — К. Шевгурчалга, 5 — К. Гелюнталга, 6 — К. Лахматенталга, 7 — К. Алабужский, 8 — К. ЕСТЬСТОЛГА, 9 — К. Красный, 10 — К. Лабганъ-толга, 11 — К. Майли хара, 12 — Кур. Плішшивый, 13 — К. Эмта худ. Талга, 14 — К. Ястытолга, 15 — Б. Армянский, 16 — К. Ибрагимъ-тюбе, 17 — Б. Кумская ватага, 18 — К. Таталанъ-толга, 19 — Кур. Искирдынь толга, 20 — Кур. Неинчинъ-толга, 21 — Кур. Хуцынь толга, 22 — Кур. Цаганъ-толга, 23 — Кур. Бауцынь толга, 24 — Кур. Царанъ большой, 25 —

Кур. Царанъ малый, 26 — Кур. Гарвинъ Толга, 27 — Кур. Тавунъ-толга, 28 — Кур. Галзынь-толга, 29 — Горбунъ-толга, 30 — Кур. Дасте-толга, 31 — Кур. Менгуче-горбунъ-толга, 32 — Молла-толга, 33 — Кур. Му-эрха, 34 — Кур. Уланъ-толга, 35 — Кур. Уланъ-толга, 36 — Кур. Харабанъ-хара-ардыкъ, 37 — Кур. Хурджинъ, 38 — Кур. Шарымъ-дамба, 39 — Кур. Эдмыкъ-толга, 40 — Кур. Эрха-толга, 41 — Кур. Манджа-шара-толга, 42 — Кур. Мая-толга, 43 — Кур. Уланъ-шарынъ, 44 — Кур. Эрха-толга

Таблица 1. Курганы на карте «Военно-топографическая пятиверстная карта Кавказского края», 1877 г.

***(В. — вершина, К. — курган, К-ны — курганы, Кол. — колодец, оз. — озеро, р. — река, с. — село, Ст. — станция, Х. и Худ. — худук, N — с. ш., Е — в. д.) (полужирным шрифтом отмечены курганы, также отмеченные на «Специальной карте Европейской России» 1882 г.)

№	Тип, название объекта	Географические координаты	Объекты на карте 1877 г., находящиеся в непосредственной близости к объекту и имеющие схожее название	Объекты на современной карте, находящиеся в непосредственной близости к объекту
Городовиковский район				
1	К. Гогагын-экени-хартъ-толга	46°00'29.2»N 41°58'12.4»E	Севернее устья р. Большой Го (Гокъ)	Современный курган Большой Го
2	К. Керимъ-толга	46°11'03.5»N 41°43'16.3»E		Современный безымянный курган севернее с. Чапаевское, Городовиковского района

3	К. Ямгага-толга	46°11'37.7»N 41°44'28.7»E		Современный безымянный курган севернее с. Чапаевское, Городовиковского района
Яшалтинский район				
4	К. Тулгай	46°10'27.8»N 42°26'47.8»E		Есть несколько отмеченных курганов
5	К-ны Тюгень-норь-толга	46°03'03.2»N 42°23'38.0»E	Севернее объекта Кол. Тегенурь	В 4 км западнее местности Теггин Нур, которая находится в 6 км к югу от с. Веселое, Яшалтинского района
6	К. Хапга толга	46°12'56.2»N 42°16'47.6»E		Есть несколько отмеченных курганов
7	К. Шувгурь-толга	46°19'28.2»N 42°28'12.7»E		Населенный пункт Шовгр Толга в Яшалтинском районе
Приютненский район				
8	К. Архаку-толга	46°00'55.8»N 43°32'22.9»E		Следов нет
9	К. Соляные-озера	45°59'23.6»N 43°42'24.8»E		Есть несколько отмеченных курганов

10	К. Танкинъ-села	45°48'44.3»N 44°05'28.3»E		Возможно это современный курган Мухтинский
11	К. Харлеринъ- толга	45°58'24.2»N 43°49'32.9»E		Есть несколько отмеченных курганов
12	К. Чикалдинский	46°17'49.9»N 43°06'40.3»E	Южнее р. Чикалды	Есть несколько отмеченных курганов
13	К. Шарабулукъ- толга	45°55'08.4»N 44°01'00.8»E	Западнее устья р. Шарабулук	Возможно современный курган Шаурга
Ики-Бурульский район				
14	Бамбанъ-амте-ху- дунъ-толга	45°13'16.3»N 45°23'33.0»E		Есть несколько отмеченных курганов
15	К. Гелюнь-толга (Коль-люба)	45°37'34.0»N 44°13'54.8»E		Современный курган Зунда-Толга
16	В. Ихлакъ-толга	45°23'17.2»N 45°08'19.7»E	Севернее Х. Ехлакъ	Есть несколько отмеченных курганов
17	Кодегин-толга	45°17'21.8»N 45°25'09.1»E		Есть несколько отмеченных курганов
18	К. Лахмагинъ- Толга	45°32'02.4»N 44°27'14.4»E	Южнее Худ. Ламхаринь	Есть несколько отмеченных курганов
19	В. Ончагинъ-толга	45°21'37.1»N 45°00'02.9»E	Южнее Худ. Он- чигинь-булукъ	Есть несколько отмеченных курганов

20	В. (Кург.) Плоский	45°37'56.3»N 44°17'54.6»		Есть несколько отмеченных курганов
21	К. Соинь-дарганчи-субе	45°18'44.3»N 45°07'59.9»E		Есть несколько отмеченных курганов
22	В. Толгунь-толга	45°27'17.6»N 44°58'53.4»E		Современный бугор Пять Курганов
23	В. Чунгурцикь-толга	45°19'19.9»N 45°17'47.4»E		Есть несколько отмеченных курганов
Черноземельский район				
24	Бодогирь-гюбе	45°01'48.7»N 45°51'48.2»E		Есть несколько отмеченных курганов
25	Бусурукь толга	45°15'45.7»N 45°33'55.4»E		Есть несколько отмеченных курганов
26	Гайдукский	44°56'01.7»N 46°31'40.8»E	Южнее Ст. Гайдукская	Есть несколько отмеченных курганов
27	Красный кургань	45°01'55.6»N 46°33'42.8»E		Есть несколько отмеченных курганов
28	В. Кюлюкнь-бачкинь-толга	45°14'15.7»N 45°29'20.8»E		Южнее — курган Кордон Толга

29	К. Майли-хара	45°12'35.6"N 45°32'03.1"E	Южнее В. Майлихара и юго-восточнее балки? Майли- хара-голь	Восточнее — населенный пункт Майхара
30	В. Майлихара	45°13'36.1"N 45°32'58. 2"E	Севернее К. Майли-хара и восточнее балки? Майли- хара-голь	Восточнее — населенный пункт Майхара
31	К. Маметъ-али- суба	44°58'58.8"N 45°57'44.6"E		Следов нет, находится на границе Калмыкии и Дагестана
32	В. Субергань- тюбе	45°02'18.6"N 45°41'04.9"E		Есть несколько отмеченных курганов
33	Шонпинь-толга	44°59'09.6"N 46°09'41.0"E		Есть несколько отмеченных курганов
34	Эмта-худукъ- толга	45°14'01.3"N 46°41'37.7"E		Есть несколько отмеченных курганов
Лаганский район				

35	К. Армянский	44°49'20.6"N 46°48'09.4"E	На южном берегу оз. Армянское	Есть несколько отмеченных курганов
36	К. Кумская ватага	44°51'41.4"N 46°47'15.0"E	На южном берегу «Кумская прорань»	Есть несколько отмеченных курганов

**Позднесарматские погребения курганной группы
Ергенинский (по материалам раскопок 1981–1982 гг.)**

*Евгений Гаврилович Буратаев*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)

научный сотрудник

ORCID: 0000-0003-4496-1666. E-mail: burataev1981@mail.ru

Аннотация. Начавшиеся в 1970-х гг. планомерные раскопки в Калмыкии, проводимые экспедициями из гг. Москвы, Петербурга и Элисты, выявили новые памятники позднесарматской культуры. В данной статье рассмотрены подробно четыре погребения раннего железного века, исследованные в курганной группе Ергенинский. Три погребения из этого числа — впускные и единственное погребение в кургане № 7 — основное. И одно впускное, женское захоронение безынвентарное. Проанализированы особенности погребального обряда и инвентаря, установлена их датировка и этнокультурная принадлежность к позднесарматской культуре. Позднесарматская культура была распространена в степной зоне от Южного Приуралья до Северного Причерноморья в II–IV вв. до н. э. Первые элементы позднесарматской культуры в Нижнем Поволжье появляются на рубеже I–II вв. н. э. — начале II в. н. э. За это время сложились характерные для позднесарматского сообщества черты погребального обряда. К тому же наряду с новыми сохранялись и старые традиции погребального обряда.

Ключевые слова: сарматы, поздние, погребение, обряд, Нижнее Поволжье, Ергенинская возвышенность, хронология

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Буратаев Е. Г. Позднесарматские погребения курганной группы Ергенинский (по материалам раскопок 1981–1982 гг.). Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019: (4): 90–105. DOI: 10.22162/2587-6503-2019-4-12-90-105.

UDC 902

Late Sarmatian Burials of the Ergeninsky Barrow Group (Based on the Materials from 1981–1982 Excavations)

*Evgenii G. Burataev*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Research Associate

ORCID: 0000-0003-4496-1666. E-mail: burataev1981@mail.ru

Abstract. The systematic excavations that began in the 1970s in Kalmykia, conducted by the expeditions from Moscow, St. Petersburg and Elista, revealed new monuments of Late Sarmatian culture. This article examines in detail four burials from the Early Iron Age that were investigated in the Ergeninsky barrow group. Three of these burials are the entrance burials and the only one in the burial mound No. 7 is the main one. And one inlet burial, a woman's burial without an inventory. The peculiarities of the funeral ceremony and inventory were analyzed and their dating and ethno-cultural belonging to the Late Sarmatian culture were established. The Late Sarmatian culture was spread in the steppe zone from the Southern Urals to the Northern Black Sea coast in the II-IV centuries B.C. The first elements of the Late Sarmatian culture in the Lower Volga region appear at the turn of the I-II centuries A.D. - the beginning of the II century A.D. During this time the features of the funeral ceremony characteristic for the Late Sarmatian community have developed. In addition, along with the new ones, the old traditions of the funeral ceremony were preserved.

Keywords: Sarmatians, late, burial, rite, Lower Volga region, Ergeninsky upland, chronology

Acknowledgements: The reported study was funded by a government subsidy — project name 'Socio-Political and Cultural Development of South Russia's Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes' (State Reg. No. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Burataev E. G. Late Sarmatian burials of the Ergeninsky barrow group (based on the materials from 1981–1982 excavations). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2019; (4): 90-105. DOI: 10.22162/2587-6503-2019-4-12-90-105.

Целью настоящей статьи является анализ трех погребений позднесарматского периода курганного могильника Ергенинский с синхронными погребениями Ергенинской возвышенности.

В 1982 г. Волго-Донская экспедиция продолжила раскопки Ергенинского могильника, начатые в 1981 г. В 1982 г. с целью получения стратиграфических наблюдений для памятников предкавказской культуры здесь был исследован один большой курган № 6. В этом кургане были обнаружены первые во всей группе погребения раннего железного века: это впускные захоронения кургана № 6 — погребения № 1 и № 4. Интересующие нас погребения более позднего периода — раннего железного века — отнесены к позднесарматской археологической культуре. Они представлены впускными, в насыпь бронзового века захоронениями детей: ребенка 2–3 лет (курган № 6, погребение № 1) и ребенка 5–6 лет (курган № 6, погребение № 4).

Следует напомнить, что уникальность курганной группы Ергенинский заключается в том, что подавляющее число исследованных курганов группы было сооружено в период катакомбной культурно-исторической общности бронзового века, а единственный не катакомбный курган сооружен в центральной части Ергенинского курганного могильника и датирован также позднесарматской археологической культурой.

Оба погребения снабжены сопутствующим инвентарем, характерным для погребений позднесарматского периода. Так, в погребении № 1 кургана № 6 среди инвентаря найдены бусы из разноцветного стекла и лепной горшок. Само захоронение обнаружено в юго-западном секторе кургана, в 5,85 м на ЮЗ от отметки запад 20, на самом краю курганной насыпи в прямоугольной яме с округлыми углами, ориентированной длинной осью по линии С–Ю. Длина ямы — 0,92 м, ширина — 0,42 м, глубина около 0,17 м от уровня погребенной почвы.

На дне могилы на остатках тлена подстилки темно-коричневого цвета лежал костяк ребенка 2–3 лет на спине, вытянуто, ориентированный черепом на ЮЮЗ. Имелись передние молочные зубы и не полностью прорезавшиеся коренные. Позвоночник изогнут

дугой. Кости ног отведены вправо. Сверху на костях левой половины груди и предплечье наблюдались остатки темно-серого тлена. Слева у ног ребенка стоял лепной горшок с округлыми боками и отогнутым наружу краем. Дно кругло-приплюснутое. Поверхность сосуда темно-коричневая с темными пятнами. Черепок в изломе черный с включениями частиц песка и извести. Высота сосуда — 13 см; диаметр края — 10 см; наибольший диаметр — 12,2 см; диаметр днища — 6,1 см.

Погребение № 4 обнаружено в засыпи внутреннего ровика в северо-западном секторе этого же кургана на глубине 0,34 м. Форма могильной ямы не прослежена. Костяк ребенка, верхняя часть которого была повреждена ножом бульдозера, лежал в деревянной долбленной колоде, остатки которой сохранились у ног и за черепом костяка. Толщина стенок колоды: вверху — около 2 см, а внизу — до 7 см. Высоту определить не удалось. Сверху колода была накрыта крышкой, изготовленной из досок толщиной около 0,5 см, окрашенных в розовый цвет. Под крышкой колоды обнаружена кучка растений с мелкими семенами.

От костяка ребенка в возрасте 5–6 лет (возраст дан по молочным зубам), *in situ* сохранились одна тазовая кость и кости обеих ног. Судя по их положению, костяк лежал на спине, вытянуто, головой на ЮЗ.

Слева от костяка, около черепа, позвоночника и ребер обнаружены обломки чернолощеного сосуда с узким цилиндрическим горлом, выпуклыми боками и плоским широким днищем. На месте перехода горла в плечики проходит валик, украшенный отпечатками овальных и треугольных оттисков. Ниже валика — отверстие диаметром 0,7 см. Черепок в изломе черный с включениями частиц песка и извести. Высота сосуда 16 см; диаметр края — 6,8 см; диаметр горла у валика — 6,4 см; наибольший диаметр — 14 см; диаметр дна — 8,3 см. Северо-восточнее сосуда у стенки деревянной колоды обнаружена зонная бусина из синеватого прозрачного стекла диаметром — 4 см, длиной — 1,2 см; диаметр отверстия — 0,3 см.

Впоследствии, в 1984 г., Волго-Донская археологическая экспедиция продолжила исследования курганной группы Ергенин-ский. В этом году исследовано всего 4 кургана, из них один большой № 10.

В процессе раскопок был накоплен обильный археологический материал: металлические орудия и изделия, а также керамика предкавказской культуры. В этом полевом сезоне впервые в группе обнаружен отдельный курган, сооруженный в эпоху раннего железного века — в позднесарматское время (курган № 7). Основное и единственное погребение, к сожалению, ограблено в древности.

Насыпь кургана располагалась в 80 м на северо-запад от кургана № 6. Высота насыпи — 25 м, диаметр — 16 м. Насыпь сегментовидной формы едва заметна на окружающем поле. Вокруг насыпи прослежен ровик шириной — до 3 м и глубиной от уровня погребенной почвы — 0,2 м, заполненный гумусом. Насыпь состояла из дернового слоя мощностью — до 0,07 м. Погребенная почва сильно разрушена грызунами. В супесчаной насыпи прослеживались кусочки коричневого карбонатного слоя. В центре под насыпью в материке обнаружено одно погребение.

Четвертое захоронение этого периода обнаружено в насыпи кургана № 8 (погребение 2) в северо-западном секторе в прямоугольной яме с округлыми углами размерами — 1,8x0,58x1,05 м. Длинная ось ориентирована по линии СЗ–ЮВ. На дне ямы покоился костяк женщины на спине, вытянуто, головой на северо-запад. Череп повернут влево. Кисти рук на бедрах. Ноги слегка согнуты в коленях. Вещей нет. Погребение неопределенное.

В тексте полевого отчета не была уточнена культурно-историческая принадлежность погребения, но судя по обряду трупоположения, ориентировке, положению рук относительно туловища, форме могильной ямы, его также можно с полной уверенностью отнести к позднесарматскому времени.

Для решения вопроса точного определения принадлежности перечисленных погребений предлагается соотнести их с подобными памятниками, изученными на территории Ергенинской возвышенности.

В первую очередь обращает внимание на себя то, что два детских погребения (курган № 6: погребение № 1 и курган № 6: погребение № 4), во-первых, устроены в одном кургане бронзового века. Погребение № 1 устроено в юго-западном секторе кургана, в материке, а погребение № 4 в засыпи внутреннего ровика кургана. Недалеко от этих погребений в это же время насыпан отдельный курган с единственным захоронением, ограбленным в древности. Во-вторых, они имеют одинаковую ориентировку положения тела в могилах — юго-западное направление.

Захоронение из погребения № 1 сооружено в обычной яме без каких-либо конструкций и с сосудом в ногах. Это погребение отличается от остальных более богатым по составу инвентарем. Помимо сосуда, здесь обнаружена россыпь бус и бисера, также отмечен браслет, россыпь которого фиксировалась на кистях рук. Концентрация бисера (111 ед.) прослежена над костяком и со всех сторон корпуса. Изделия изготовлены из синей и голубоватой египетской пасты и имели кольцевидную и цилиндрическую форму. Диаметр бус в среднем — 0,4–0,5 см. Такое расположение может говорить о первоначальном убранстве костюма погребенного.

В районе запястья правой руки обнаружен браслет, в состав которого входили: биконическая бусина светлого стекла (1 шт.), размерами 0,7 x 0,6 см; кольцевидные бусинки синего стекла (4 шт.) — 0,5 x 0,5 см; цилиндрическая бусина светлого стекла (1 шт.) — 0,5 x 0,4 см.

Следы браслета обнаружены и на левом запястье. Здесь он состоял из кольцевидных бусинок синего стекла (19), размерами — 0,4 x 0,2 см; цилиндрических бусинок синего стекла (4), размерами — 0,5 x 0,5 см; одной цилиндрической бусины зеленого стекла, размерами — 0,5 x 0,4 см.

Бусы, изготовленные из такого стекла, имеют распространение практически на всем протяжении интересующего нас периода. Будучи предметами, бытовавшими достаточно долгое время, они встречаются в комплексах со второй половины VI в до н. э. по IV в. н. э. [Скрипкин 1984: 35]. Фаянсовый бисер доставлялся повсеместно в волго-маньчские и донские степи и был доступен

даже небогатым людям. Он встречается как в составе ожерелий и браслетов, так и в случаях, когда в могиле с погребенным обнаружена только одна бусинка или бисер.

Такое явление мы видим в погребении № 4 кургана № 6, во втором детском погребении этого же кургана. Погребение, как сказано выше, открыто в засыпи ровика кургана. Отличительной особенностью захоронения является то, что ребенок лежал в долбленной колоде, накрытой крышкой.

Захоронение в колодах — весьма редкое явление в погребальном обряде поздних сарматов Нижнего Поволжья, самый близкий аналог этому погребению был открыт в 1962 г. у с. Цаца В. П. Шиловым [Шилов 1985: 94]. Костяк человека был помещен в гроб, выкрашенный также в розовый цвет.

Все эти бусины и бисер, равно как и остальные детали инвентаря этих погребений, к сожалению, в фондах Национального музея Республики Калмыкия найти не удалось. В тексте полевого отчета имеются только черно-белые фотографии не самого лучшего качества и набросок рисунка бусины. Однако по этим фотографиям и описанию все же можно приблизительно определить их хронологическую позицию.

По классификации А. С. Скрипкина, набор предметов из погребения № 1 — бусы — можно отнести к Группе I, Стекланные бусы. Раздел I, Одноцветные. Отдел А. Круглые. Тип VI, бисер зеленый, голубой, прозрачный [Скрипкин 1984: 35].

Керамический материал — сосуд — можно отнести к Группе I, Кувшины. Раздел II, Лепные. Отдел А, Без ручек. Тип I — с туловом грушевидной формы и сужающимся кверху горлом. Датировка по А. С. Скрипкину: II в. — вторая половина II в., видимо, с большим уклоном на первую половину и середину II в. н. э. Круговые сероглиняные одноручные кувшины V–VIII типов также встречаются с одновременными вещами II — середины III вв. н. э. Этот вид описанного инвентаря бытовал на протяжении всей позднесарматской археологической культуры (рубеж I–II вв. — IV в. н. э.) [Скрипкин 1984: 26–27].

Сосуд из погребения 4 по такой же схеме отнесен нами к лепным плоскодонным горшкам. Тип VII с вытянутым баночным туловом, горло широкое, воронкообразное. Отдел Б. С уплощенным дном. Такой тип посуды также встречен в погребениях периода конца I–II — второй половины II в. н. э. [Скрипкин 1984: 26–27].

Единственная бусина из этого погребения также находится в широком хронологическом отрезке, охватывающем весь диапазон существования позднесарматского культурно-исторического общества.

Еще одной немаловажной чертой в деле определения культурно-хронологического круга являются конструкции могильных ям и курганов. Известно, что большая часть позднесарматских погребений сделана в насыпь более ранних курганов. Насыпи отдельных курганов характеризуются своими сравнительно небольшими насыпями и однотипностью сооружения. Какие-либо намогильные или околокурганные конструкции пока что неизвестны, кроме случаев сооружения ровиков. Также неизвестны и следы поселений поздних сарматов, что говорит о кочевой специфике этих народов.

Наиболее распространенной формой ямы являются подбойные (Три Брата II, Купцын Толга); удлиненные, квадратные или широкие прямоугольные (Восточный Маныч, гр. I, II); ямы с заплечиками и катакомбы. Пласт погребений Ергенинской возвышенности, равно как и всей территории Калмыкии, характеризуется длинными узкими ямами.

Оба погребения совершены в длинных узких ямах, без подбоев и других конструкций. Ребенок в погребении № 4 положен в колоду и накрыт крышкой. Это довольно редкое явление в пласте позднесарматских погребений Нижнего Поволжья встречается только в прямоугольных ямах без подбоя [Скрипкин 1984: 76]. Вероятно, колода и крышка, по существу, заменяли подбой. Сопоставив ориентировку погребенных, форму ямы, инвентарь с уже известным, точно датированным массовым материалом комплексов позднесарматской археологической культуры, можно с уверенностью предположить, что оба впускных детских погребения, обнаруженные в

кургане бронзового века, были совершены почти одновременно: в середине или во второй половине II в. н. э.

Отдельным в ряду захоронений поздних сармат группы Ергенинский является единственное погребение кургана № 7. Высота кургана — 0,25 м, диаметр — 16 м. Насыпь его сегментовидной формы была едва заметна на окружающем поле. Вокруг насыпи прослежен ровик шириной до 3 м и глубиной от уровня погребенной почвы 0,2 м. Под насыпью обнаружена могильная яма прямоугольной формы с сильно округлыми углами, ориентирована длинной осью по линии север – юг. Размеры ямы — 2х1,5 м, яма повреждена грабительским раскопом. В насыпи и на дне ямы были обнаружены лежащие в беспорядке кости взрослого человека. Ориентировку и положение погребенного восстановить не удалось. Среди костей человека найдены оселок из зеленоватой гальки, обломок овального в сечении песчаника и фрагмент подквадратной железной пряжки ремня. Конструкции в насыпи и фрагменты перекрытия могильной ямы не зафиксированы.

Для датировки этого комплекса по примеру двух предыдущих можно было взять форму и размер ямы, однако погребение было разрушено в древности, поэтому яма повреждена. Инвентарь, обнаруженный во время раскопок, в настоящее время не найден в фондах Национального музея Республики Калмыкия, также не найдены и костные останки погребения. К тому же найденные предметы были представлены во фрагментах.

Форма и размер насыпи кургана, которая изменялась с течением времени, также не может служить точным индикатором хронологической позиции. К тому же известно, что определенной закономерности в форме и насыпи кургана с дальнейшей привязкой погребения нет. Насыпи подобного типа сооружались над разновременными погребениями не только в рамках сарматского времени, но и раньше. Вероятно, автор раскопок, имея перед собой инвентарь и ситуацию погребения в целом, мог достаточно точно определить его хронологический диапазон, определив его как позднесарматский.

Последним погребением в ряду захоронений железного века мы считаем впускное в кургане № 8 погребение. Всего в кургане открыто 3 погребения.

Интересуемое погребение зафиксировано под номером 2. В нем в прямоугольной яме с округлыми углами, устроенной в насыпи кургана, открыт костяк женщины, лежавшей вытянуто на спине, головой на северо-запад. Кисти рук скелета покоились на бедрах, ноги слегка согнуты в коленях. Вещей при погребенной не оказалось. Здесь определяющим является зафиксированная форма ямы и ориентировка погребенного.

Появившись сначала в Заволжье, северная ориентировка распространилась по всему Нижнему Поволжью и стала характерной для погребального обряда позднесарматской культуры. С северной ориентировкой связывают и появление еще одной примечательной черты — прижизненная деформация черепа. Распространение этих двух важных для определения хронологической позиции аспектов в деле изучения позднесарматского археологического общества исследователи связывают с серединой II в. н. э. [Смирнов 1947: 75–80; Граков 1947: 105–106; Смирнов 1950: 97–114].

Подытоживая, можно условно обрисовать и картину очередности погребений, совершенных в курганной группе. Прежде всего следует сказать о том, что все рассмотренные погребения были совершены на протяжении I–II вв. нашей эры. При этом два впускных детских погребения в одном кургане были, вероятно, самыми первыми, так как имеют черты, характерные для среднесарматского погребального обряда, но инвентарь соответствует II в. н. э. Одно из них, погребение в колоде, совершено в ровике. Позже (в начале II в. н. э.) в курган бронзового века было совершено женское захоронение. Об этом может свидетельствовать северная ориентировка костяка и форма ямы. Решение вопроса о хронологической позиции единственного в этом ряду погребения, имевшем свою насыпь, в силу того, что было полностью разрушено в древности, на момент раскопок остается неясным. Поврежденная конструкция первоначальной ямы, разрозненные кости человека, малое ко-

личество инвентаря, представленного фрагментами, не позволит нам точно определить его место в этом ряду. Большие размеры ямы, вероятно, поврежденной, и зафиксированная насыпь также не дают полноценного ответа на этот вопрос.

Территория Республики Калмыкия является одним из основных районов концентрации памятников сарматской и позднесарматской культуры.

В окрестностях г. Элисты и на всей протяженности Ергенинской возвышенности находится компактная группа могильников, датированных сарматским временем. Общее количество погребений насчитывает 425 захоронений сарматской археологической культуры. В общем, анализируя ситуацию с распространением погребений этого периода по территории Калмыкии, можно выделить несколько наиболее крупных регионов с массовыми сарматскими памятниками. Географически эти регионы совпадают со следующими геоморфологическими областями — это Ергенинская возвышенность, Кумо-манычская впадина и северная часть Прикаспийской низменности Сарпинская низменность.

В целом же количество погребений скифо-сарматской эпохи составляет более 780 известных на сегодняшний день захоронений. Это 20 % от количества всех изученных погребений [Очир-Горяева 2008б: 145]. Выделение из общей массы сарматских погребений отдельных хронологических групп этого культурно-исторического пласта еще не предпринималось. Хронологическое дробление известных нам сарматских погребений дается по результатам датировки самих авторов раскопок, их публикациям и полевым отчетам. Зачастую погребения, имеющие тот или иной признак, атрибутировались как просто сарматские. Под этим широким обозначением, как известно, имеется в виду ряд племенных союзов и объединений разных этнических групп, существовавших в период с VI в. до н. э. — IV в. н. э. (раннесарматский — II вв. до н. э.; среднесарматский — I в. до н. э.—II в. н. э.; позднесарматский — II–IV вв. н. э.).

История изучения сарматских древностей на территории Калмыкии начинается с исследований П. С. Рыкова в 1929 г. Эти рас-

копки, как уже указывалось выше, открыли около 80 сарматских погребений. Исследования коснулись таких курганных групп, как Элиста 2 — 1929 г. (Элиста); Три Брата — 1933–1936 гг. (Целинный район); Кегульта — 1929 г. (Кетченеровский район); Абганеры — 1929 г. (Сарпинский район); Станция 5, Улан Эрге, Хурул Деед Ламин, Хурул Ханата — 1929 г. (Малодербетовский район). После ареста П. С. Рыкова в 1937 г. И. В. Синицын продолжил раскопки еще двух курганных групп — Цаган Эльсн и Бичкн Булук в Приютненском районе, в результате которых открыто 18 сарматских погребений. Из этого числа 9 датированы позднесарматским временем.

Самый интересный комплекс из этих могильников — это погребения второй половины III — начала IV вв. Все они были сосредоточены в одном памятнике — в курганной группе Три Брата: там выделено 38 сарматских погребений из 139 раскопанных. Анализ немногочисленных памятников указанной эпохи, расположенных на Ергенинской возвышенности и в Кумо-Маньчской впадине, выявил некоторые закономерности. Например, если какие-то погребения раннего железного века были раскопаны на Ергенинской возвышенности, то они относились, как правило, к позднесарматской культуре. Еще 5 погребений курганной группы Садовое–АБЗ, раскопанных К. Б. Фирсовым в 1994–1996 гг. в северной части Ергенинской возвышенности, относятся к позднесарматской культуре [Фирсов 1996]. Общее число погребений достигает 230 единиц. В то время как на близлежащей Сарпинской низменности цифра многим меньше — 78 погребений позднесарматской культуры.

Погребальный обряд позднесарматских памятников Ергенинской возвышенности в целом не отличается от обряда на сопредельных территориях. Здесь распространены узкие, прямоугольные могилы с подбоями. Над этими могилами сооружали небольшие в плане курганы с невысокой насыпью. Могильные ямы сооружались подбоями, подбои, как правило, начинаются с середины входной ямы, сама яма в основном ориентирована в на-

правлении север – юг. Погребенные в таких могилах лежат вытянуто на спине, головой на юг или на север, причем ориентировка на север считается одним из основных признаков именно позднесарматской культуры, равно как и искусственная деформация черепа [Скрипкин 1984: 82].

Наиболее массовым материалом погребений этого периода является керамика. Керамические изделия представлены гончарными мисками с закругленными внутрь бортами, лепными и гончарными горшками, кувшинами, хорошо известными в позднесарматское время. Находки гончарных кувшинов и мисок могут свидетельствовать о контактах этого населения с гончарными центрами Северного Кавказа [Мошеева 1995: 40–45].

Другой классический элемент погребений позднесарматской культуры — это находки металлических изделий. Среди них выделяются бронзовые фибулы, встречающиеся почти в каждом погребении. Бронзовые зеркала-подвески с геометрическим орнаментом, мечи, кинжалы, луки с костяными накладками. Из украшений широко распространены бусы из разных видов материала.

В качестве примера можно привести богатое погребение в Сарпинской низменности, открытое в 1993 г. Курганная группа Аршан-Зельмень-II располагалась к юго-востоку от с. Садовое. В типичном для позднесарматского времени погребении: небольшой курган, узкая прямоугольная яма с подбоем вдоль длинной стороны, ориентация погребенной в северный сектор. Нетипичным было только не вытянутое, как было принято у сарматов, а скорченное положение погребенной, на боку, с подогнутыми ногами и кистями, расположенными перед лицом. В ногах погребенной найден железный нож, у пояса — бронзовые пряжки-«сюльгамы», бронзовый флакон с раздутым туловом и плотно закрытой крышкой. Рядом фрагменты зеркала, бусы из янтаря, сердолика, горного хрусталя, гагата, египетского фаянса. К сожалению, судьба большей части обнаруженного инвентаря осталась неизвестной [Очир-Горяева 2008а: 197]. Черты этого погребения, казалось бы, не характерны для позднесарматской традиции укладки умершего. Однако инвентарь, сопутствующий погребению, указывает

точную хронологическую позицию данного комплекса. Подобный случай смешения исторических культур характерен для волго-маньчских степей и может объясняться переходами от одной погребальной обрядности к другой.

Как показывает весь исследованный пласт захоронений периода, в позднесарматский период практиковалось устройство кладбищ. Яркий тому пример — это погребения группы Кермен Толга в Октябрьском районе республики. Из 34 погребений 24 имели свою насыпь, местом для сооружения кладбища послужил естественный холм, вся площадь которого была усыпана небольшими курганами [Цуцкин 1979]. Подобные крупные скопления встречаются и в других могильниках, расположенных в Сарпинской низменности. Это Купцын Толга, 1974 г. (41); Гува-1, 1975 г. (15); Заханата, 1976 г. — 29 погребений; Хар Нуурин Толга, 1980 г. — 21; Дюкер, — 19; Чкаловский, 1984 г. — 29 [Шнайдштейн 1979; Шнайдштейн 1981; Шнайдштейн 1985; Цуцкин 1979; Цуцкин 1980; Цуцкин 1982].

Литература

- Граков 1947 — *Граков Б. Н.* Пережитки матриархата у сарматов // Вестник древней истории. 1947. № 3. С. 105–106.
- Мошеева 1995 — *Мошеева О. Н.* Ожерелье из Аршань-Зелменя-II // Древности Волго-донских степей. Вып. 5. Волгоград: Волгоградск. гос. ун-т, 1995. С. 40–45.
- Очир-Горяева 2005 — *Очир-Горяева М. А.* Некоторые наблюдения по географическому распространению археологических памятников в Нижнем Поволжье // Нижневолжский археологический вестник. 2005. № 7. С. 15–34.
- Очир-Горяева 2008а — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники волго-маньчских степей: (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.
- Очир-Горяева 2008б — *Очир-Горяева М. А.* Вопросы охраны археологического наследия в Республике Калмыкия (1977–1997 гг.) // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2008. Вып. 1. С. 30–42.

- Синицын 1946 — *Синицын И. В.* К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья // Советская археология. 1946. VIII. С. 73–95.
- Синицын 1978 — *Синицын И. В.* Древние памятники Восточного Маньча. Ч. 1–2. Саратов: Сар. гос. ун-т, 1978. Ч. 1. 130 с.; Ч. 2. 117 с.; ил.
- Синицын, Эрдниев 1963 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 году // Труды Республиканского краеведческого музея. Вып. 1. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1963. 60 с.; ил.
- Синицын, Эрдниев 1971 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Элистинский курганный могильник (по раскопкам 1964 года). Элиста: КНИИЯ-ЛИ, 1971. 140 с.; ил.
- Скрипкин 1984 — *Скрипкин А. С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984. 150 с.
- Скрипкин 1984 — *Скрипкин А. С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов. Изд-во Саратовского ун-та, 1984. 149 с.
- Смирнов 1947 — *Смирнов К. Ф.* Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. Вып. V. М.: Изд-во МГУ, 1947. С. 75–80.
- Смирнов 1950 — *Смирнов К. Ф.* Сарматские племена Северного Прикаспия // Краткие сообщения Института материальной культуры. Вып. 34. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 97–114.
- Фирсов 1996 — *Фирсов К. Б.* Комплексные исследования сарматских памятников в Калмыкии в 1993–1995 годах // Тезисы докладов Отчетной сессии ГИМ по итогам полевых исследований и новых поступлений в 1991–1995 годах. М., 1996. С. 53–58.
- Цуцкин 1979 — *Цуцкин Е. В.* Отчет о работе археологической экспедиции КНИИФЭ и КГУ в 1979 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 17.
- Цуцкин 1980 — *Цуцкин Е. В.* Отчет о работе археологической экспедиции КНИИФЭ в 1980 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 22.
- Цуцкин 1982 — *Цуцкин Е. В.* Отчет о работе археологической экспедиции КНИИФЭ в 1982 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29.

- Шилов 1985 — *Шилов В. П.* Курганный могильник у с. Цаца // Древности Калмыкии. Элиста: Калмыцкий НИИ истории, филологии и экономики при Совете Министров Калмыцкой АССР, 1985. С. 94–140.
- Шилов, Цуцкин 1986 — *Шилов В. П., Цуцкин Е. В.* Исследования Волго-Донской экспедиции // Археологические открытия. М.: Наука, 1986. С. 160–161.
- Шишлина 1993 — *Шишлина Н. И.* Отчет о работе Калмыцкой археологической экспедиции ГИМ в Сарпинском районе в 1993 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1.17768.
- Шнайдштейн 1974 — *Шнайштейн Е. В.* Раскопки курганов в Калмыкии // Первое Поволжское Археолого-этнографическое совещание. Тезисы докладов. Казань: ИЯЛИ, 1974. С. 19–20.
- Шнайдштейн 1979 — *Шнайштейн Е. В.* Раскопки курганов в урочище Гува // Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста: КНИИИФЭ, 1979. С. 55–68.
- Шнайдштейн 1981 — *Шнайштейн Е. В.* Раскопки курганной группы Купцын Толга // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста: КНИИИФЭ. 1981. С. 78–119.
- Шнайдштейн 1985 — *Шнайштейн Е. В.* Раскопки курганной группы Заханата // Древности Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ. 1985. С. 71–93.

Таблица 1. Позднесарматские погребения курганной группы Ергенинский 1982, 1984 гг.

Курган / Погребение	Размер ямы (м)	Ориентировка		Инвентарь	Дата
		могил	погребенных		
К. № 6 п. № 1	0,92x0,42	С–Ю	ЮЗ	бусы; сосуд.	середина II в. н. э.
К. № 6 п. № 4		не зафиксировано	ЮЗ	бусина; сосуд.	вторая половина II в. н. э.
К. № 7	2x1,5	С–Ю	ограблено	оселок; фрагмент песчаника, фрагмент пряжки	вторая половина II в. н. э.
К. № 8 п. № 2	1,8x0,6x1,05	СЗ–ЮВ	СЗ	нет	вторая половина II в. н. э.

Престижное погребение восточноманычской катакомбной культуры из могильника Чограй IX

*Андреева Марина Владимировна*¹

¹ Институт археологии РАН (д. 19, ул. Дмитрия Ульянова, 117036 Москва, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, научный сотрудник

E-mail: amvlad11@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена публикации материалов одного нерядового погребения, относящегося к восточноманычскому варианту предкавказской катакомбной культуры (ок. 2500–2250 гг. до н. э.). Женское захоронение сопровождалось престижными (бронзовые нож и стержень-шило, сердоликовые и бронзовые бусы) и редкими (костяные пряслица) вещами. За исключением последних, назначение которых все же не до конца ясно, вещи в погребении не могут служить гендерными маркерами, что связано со спецификой погребального обряда, включенного, по-видимому, в жертвоприносительный ритуал.

Ключевые слова: Предкавказье, эпоха средней бронзы, погребальный обряд, катакомбная культурно-историческая общность, финальнокатакомбный период

Благодарность: Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Содержание и тенденции культурного процесса на территории Евразии в первобытности по данным археологических источников» (№ госрегистрации: АААА-А18-118011790090-1).

Для цитирования: Андреева М. В. Престижное погребение восточноманычской катакомбной культуры из могильника Чограй IX. Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019: (4): 106-114. DOI: 10.22162/2587-6503-2019-4-12-107-115.

The Prestigious Burial of Eastern Manych Catacomb Culture from Chograi IX Burial Site

Marina V. Andreeva ¹

¹Institute of Archaeology of the RAS (19, Dmitriy Ul'yanov St., 117036 Moscow, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Research Associate

E-mail: amvlad11@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the publication of materials of one upscale burial belonging to the Eastern Manych version of the pre-Caucasian catacomb culture (ca. 2500-2250 BC). The women's burial was accompanied by the prestigious (bronze knife and sewing rod, cornelian and bronze beads) and rare (bone spindles) items. Except for the latter, the purpose of which is still not clear, the burial items cannot serve as gender markers, which is associated with the specific funeral rite, apparently included in the sacrificial rite.

Keywords: Ciscaucasia, Middle Bronze Age, funeral rite, catacomb cultural-historical community, final catacomb period

Acknowledgements: The research was conducted within the framework of the state subsidy — the project «Content and trends of the cultural process in Eurasia in the primordially according to archaeological sources» (№ state registration: AAAA-A18-118011790090-1).

For citation: Andreeva M. V. The Prestigious burial of Eastern Manych catacomb culture from Chograi IX burial site. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2019; (4): 106-114. DOI: 10.22162/2587-6503-2019-4-12-107-115.

Курганный могильник Чограй IX находился в Арзгирском районе Ставропольского края, в 20 км к югу от Чограйского водохранилища (р. Восточный Маныч). По данным топосъемки 1977 г. и археологической разведки 1980 г., могильник состоял из более чем 30 насыпей, образывавших скопление, вытянутое в направлении СЗ–ЮВ, параллельно линиям рельефа, на возвышенном участке между урочищем Серая Падина и балкой Козьей, по которой проходит трасса Арзгир-Садовое. Вследствие интенсивной распашки

часть насыпей оказалась полностью сnivelирована, часть — не попала в зону строительства объектов Родниковской оросительной системы, в результате чего охранные археологические раскопки, проведенные Институтом археологии АН СССР в 1986 г., затронули 16 курганов, содержавших захоронения от раннего бронзового века до нового времени [Андреева, Ульянова 1986]. В частности, были открыты 15 погребений эпохи средней бронзы. Среди последних наиболее выделялись инвентарными наборами два: парное погребение № 5 кургана № 5 [Андреева 2014: ил. 88] и индивидуальное погребение № 4 кургана № 9, рассматриваемое ниже.

Курган № 9 входил в основную цепочку (курганы 1–9), был наиболее крупным в могильнике (размеры насыпи на момент раскопок: высота — 2,6, диаметр — 60 м) и содержал 15 погребений разной степени сохранности, в том числе:

5 — финала ранней — начала средней бронзы (степной северокавказской культуры — погребения №№ 3 (основное), 5, 13; позднейшего облика — погребение № 8; раннекатакомбной культуры — погребение № 12);

4 — эпохи средней бронзы (восточноманычской (предкавказской) катакомбной культуры — погребения №№ 4, 6, 7 и 15);

1 — с широкой датой от раннего железного века до позднекочевнического времени (погребение № 9);

5 — без определенной даты (погребения №№ 1, 2, 10, 11, 14).

Погребение № 4 (рис. 1) находилось на расстоянии 11 м к ЮВ от основного погребения № 5, рядом с восточным фасом восточной бровки. Отметим, что ни в этом в фазе, ни в плане не было выявлено следов выкида из данного погребения, очевидно, впущенного с поверхности насыпи.

Контуры могильной конструкции были выявлены в материке на глубине 2,65 м от 0. Погребение было совершено в яме, имевшей форму квадрата с вогнутыми стенками, размерами 1,8×1,65 м по условному краю, ориентированной сторонами по сторонам света. Стенки ямы слегка наклонны, ко дну яма сужалась до размеров 1,6×1,3 м, сохраняя ту же конфигурацию в плане. Дно ямы находилось на глубине 3,18–3,25 м от 0 (у стен) и было неровным:

в центре имелось овальное возвышение высотой около 0,2 м (не ясно, материковая подсыпка или останец, вокруг которого дно было углублено), на которое был положен погребенный.

Скелет принадлежал взрослой (*adultus*) женщине (определение антрополога Г. П. Романовой), лежавшей скорченно на левом боку, головой на юг. Ноги согнуты под острым углом к позвоночнику в бедрах и максимально — в коленях так, что пятки были прижаты к крестцу (вероятно, имело место связывание трупа и подрезание сухожилий). Руки вытянуты, кистями протянуты к бедрам (правая кисть — под левым бедром, левая кисть — на правом бедре; таким образом, ноги оказываются «зажаты» между руками).

Череп и верхняя часть правой плечевой кости приподняты над остальным скелетом, возможно, неровное дно здесь образовывало своеобразную «подушку».

Под костями фиксировалась меловая подсыпка. Следы подстилки/подушки из органических материалов и охры не прослежены.

Находки:

1. В заполнении могилы, особенно интенсивно непосредственно над останками, встречались остатки деревянной конструкции (в виде тлена), вероятно, остатки перекрытия и/или детали повозки.

Весь остальной обнаруженный в погребении инвентарь находился на одном уровне: в центре на дне, вокруг возвышения, у стен — в заполнении у дна.

2. На дне, в области лобной части черепа погребенной, найдены две сердоликовые цилиндрические бусины; такая же бусина обнаружена сзади черепа, правого плеча и позвоночника. Размеры бус (длина × диаметр): 0,8 × 0,6; 0,7 × 0,6; 0,8 × 0,5 см (рис. 2, 1).

3. В заполнении ямы, у дна, между восточной стенкой и возвышением, на котором находился скелет, за спиной погребенной, обнаружены мелкие фаянсовые (6 шт.; диаметр 0,3 см) и бронзовые (около 25 шт.; некоторые линейно соединены между собой в пронизи; диаметр 0,2 см) бусы (бисер). Очевидно, составленное из бус (бисера) небольшое украшение было намеренно положено отдельно от останков (рис. 2, 2, 3).

4. В заполнении ямы, у дна, за спиной погребенной, к СВ от бус, лежали два костяных предмета усеченно-конической (первый) и дисковидной (второй) формы со сквозными отверстиями в центре (пряслица?), вероятно, изготовленные из эпифизов бедренных костей крупного животного. Оба предмета слегка подполированы. Размеры первого предмета: диаметр большего основания 4,8; диаметр меньшего основания 3,1; высота 1,7; диаметр отверстия 0,6 см. Размеры второго предмета: диаметр 4,5; высота (толщина) 1,4; диаметр отверстия 0,9 см (рис. 2, 4).

5. В заполнении ямы, у дна, на одном уровне с останками, между северной стенкой и возвышением, в ногах погребенной найден бронзовый копьевидный нож с треугольно-ромбовидным обоюдоострым клинком и длинным черенком. Размеры: длина общая 14,1; длина черенка 9,3; высота плеча 2,0; максимальная ширина клинка 4,5 см (рис. 2, 5).

6. В заполнении ямы, у дна, ближе к северо-западному углу, в ногах погребенной, к западу от ножа найден круглый в сечении бронзовый стержень, с обломанным узким (острым?) и целым широким заостренным концом. Размеры: сохранившаяся длина 5,1; диаметр сечения макс. 0,5 см (рис. 2, 6).

Ближе к юго-западному углу, в головах погребенной, перед лицом, в заполнении, но на одном уровне с черепом стояли два лепных сосуда:

7. Приземистый горшок чугунковидной формы, без горла и ручек, с прямым коротким венчиком, «раздутыми» плечиками, подчеркнутыми уступом, и узким, слегка вдавленным дном. Внешняя поверхность светло-коричневого цвета ровно заглажена, со следами нагара (отмечены также маленькие пятнышки (следы капелек) коричневого цвета); внутренняя поверхность серая, с видимыми следами заглаживания травой. Размеры: диаметр макс. 19,0; диаметр венчика 13,5; диаметр дна 6,0; высота общая 12 см (рис. 2, 8).

8. Двуручный сосуд с цилиндрическим горлом и туловом чугунковидной формы (так называемая амфора), с подчеркнутыми уступом плечиками и выделенным, скругленным венчиком, с узким, слегка вдавленным дном. Уступ подчеркнут небрежно прочерченной линией. Внешняя поверхность светло-коричневого

цвета ровно заглажена, с мелкими коричневыми пятнышками; внутренняя поверхность темно-серая, с рельефными следами заглаживания травой. Размеры: диаметр макс. 23,0; диаметр венчика 10,5; диаметр дна 8,0; высота верхней части (горло + венчик) 4,0; высота общая 18 см (рис. 2, 9).

9. Непосредственно перед коленями погребенной найден лепной миниатюрный сосуд — «стаканчик», имевший форму усеченного конуса, с горизонтально-уплощенным краем (венчик не выражен) и плоским дном. Внешняя поверхность неровного (оттенки коричневого и серого) цвета, заглажена, со следами нагара и пятнами охры; внутренняя поверхность заглажена хуже, чем внешняя, с мелкими коричневыми пятнышками. Размеры: диаметр края (макс.) 4,0; диаметр дна 3,2; высота 3,6 см (рис. 2, 7).

По характерным обрядовым особенностям (яма с вогнутыми стенками и «фигурно» оформленным дном; положение погребенной скорченно на левом боку с протянутыми к коленям руками, головой на юг) и инвентарю погребение № 4, безусловно, относится к комплексам восточноманычской катакомбной культуры или по другой, более развернутой, номенклатуре — к восточноманычскому варианту предкавказской катакомбной культуры (финальнокатакомбный период, около третьей четверти III тыс. до н. э.). Присутствие в могиле набора бронзовых орудий (ножа и стержня), особенно в сочетании с «чугунковидным» горшком, сердоликовыми и бронзовыми бусами, а также следов деревянной конструкции — простого перекрытия или перекрытия из платформы повозки — позволяют отнести погребение к числу престижных [Андреева 2019]. В базе данных, включившей 486 индивидуальных восточноманычских погребений с территории Калмыкии и Ставропольского края, сочетание нож + стержень + «чугунок» + сердоликовые и бронзовые бусы встречено всего три раза, включая комплекс, публикуемый в данной статье. Подчеркнем, что эти вещи не являются гендерными маркерами [Андреева 2014: 75, 76]. Не ясно, могут ли считаться таковыми редкие находки — двуручный сосуд-«амфора» и миниатюрный сосуд-«стаканчик», однако на эту роль могут претендовать костяные пряслица, если мы верно понимаем назначение этих уникальных для восточноманычских

комплексов находок, чаще встречаемых на той же территории в погребениях посткатакомбной лолинской культуры [Мимоход 2013: 94–97]. Возвращаясь к бронзовым ножу и стержню, еще раз (см.: [Андреева 2014: 99–105]) напомним, что их важнейшее предназначение — служить орудиями жертвоприносительного ритуала.

Литература

- Андреева 2014 — *Андреева М. В.* Восточноманычская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М.: Таус, 2014. 272 с.
- Андреева 2019 — *Андреева М. В.* Состав и структура наборов инвентаря в погребениях восточноманычской катакомбной культуры // Горы Кавказа и Месопотамская степь. Сб. к 90-летию со дня рождения Р. М. Мунчаева / ред. Х. А. Амирханов. М.: ИА РАН, 2019. С. 203–215.
- Андреева, Ульянова 1986 — *Андреева М. В., Ульянова О. А.* Отчет о работах Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции в 1986 году // Научный архив Института археологии РАН. Р-1. № 11910.
- Мимоход 2013 — *Мимоход Р. А.* Лолинская культура. Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. Материалы охранных археологических исследований. Т. 16. М.: ИА РАН, 2013. 568 с.

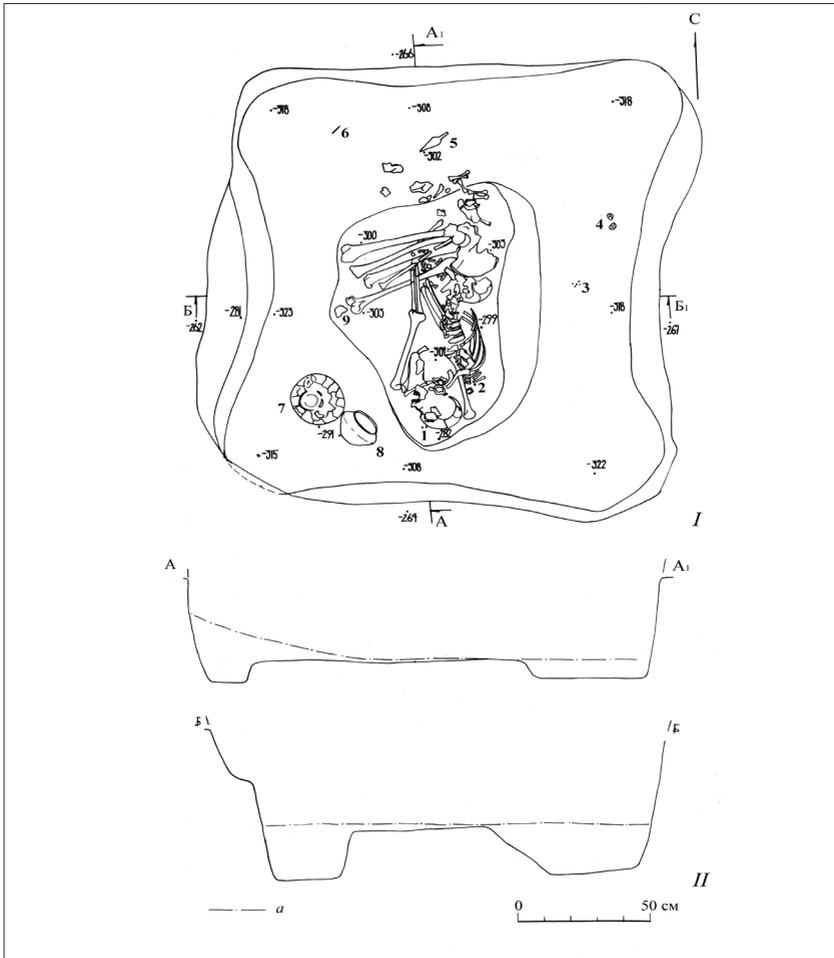

Рис. 1. Чограй IX, курган 9, погребение 4. I. — план, II — разрезы.

1, 2. — сердоликовые бусы; 3. — бронзовый и фаянсовый бисер;
 4. — костяные пряслица; 5. — бронзовый нож; 6. — бронзовый стержень;
 7–9. — керамические сосуды; а — уровень подсыпки по дну

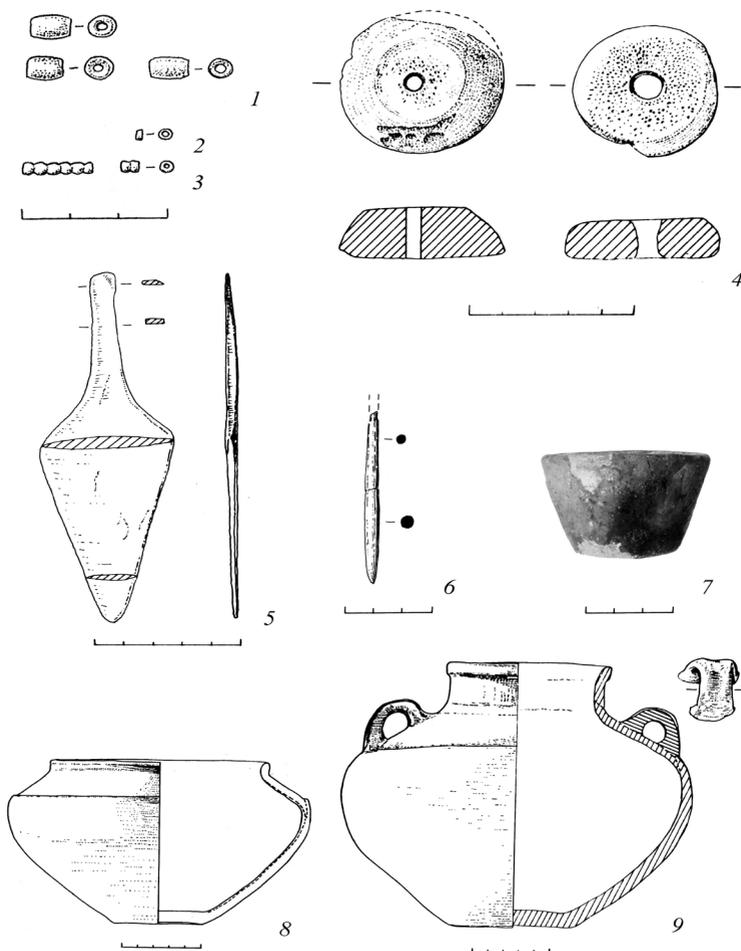

Рис. 2. Вещи из погребения:

1. — сердоликовые бусы; 2. — фаянсовый бисер; 3. — бронзовый бисер;
 4. — костяные пряслица; 5. — бронзовый нож; 6. — бронзовый стержень;
 7. — чугуновидный горшок; 8. — двуручный сосуд-«амфора»;
 9. — миниатюрный сосуд (7–9 — керамика)

Археозоологический материал из погребений хазарского времени курганной группы *Дюкер*

Манджиева Влада Владимировна¹

Шарманджиева Цагана Владимировна²

¹Калмыцкий научный центр РАН (д.8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

ORCID: 0000-0002-0724-1128. E-mail: vlada.mandzhieva@mail.ru

²Калмыцкий научный центр РАН (д.8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

ORCID: 000-0002-2232-4458. E-mail: tsaganashm@gmail.com

Аннотация: В статье изложены результаты исследования археозоологического материала из спасательных раскопок курганной группы *Дюкер* хазарского времени, которые проводились в 1982 г. под руководством Е. В. Цуцкина. Анализ этих данных и сравнение с полевым отчетом позволили отразить характер культовых представлений по эпохе поздних кочевников. Очевидно, что основными ритуальными животными являлись мелкий рогатый скот и лошади. Кроме того, в статье приведено детальное описание костных остатков животных и определение видового состава.

Ключевые слова: археозоология, остеологический материал, курганы, погребение, хазарское время, погребальный обряд, видовой состав, курганная группа *Дюкер*, Республика Калмыкия, археология, археологические памятники

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Манджиева В. В., Шарманджиева Ц. В. Археозоологический материал из погребений хазарского времени курганной группы *Дюкер*. Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019; (4): 115-134. DOI: 10.22162/2587-6503-2019-4-12-115-134.

UDC 902

Archaeozoological Material from the Burials of the Khazar Period of the Duker Mound Group

*Vlada V. Mandzhieva*¹

*Tsagana V. Sharmandzhieva*²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Junior Research Associate

ORCID: 0000-0002-0724-1128. E-mail: vlada.mandzhieva@mail.ru

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Junior Research Associate

ORCID: 000-0002-2232-4458. E-mail: tsaganashm@gmail.com

Abstract. The article presents the results of the research of the archeological material from the rescue excavations of the Duker barrow group of the Khazar time, which were conducted in 1982 under the leadership of E. V. Tsutskin. The analysis of these data and comparison with the field report allowed to reflect the nature of cult notions of the late nomadic era. Obviously, the main ritual animals were small cattle and horses. In addition, the article provides a detailed description of the bone remains of animals and definition of species composition.

Keywords: archaeozoology, osteological material, burial mounds, burial, Khazar time, funeral rite, species composition, Duker mound group, Republic of Kalmykia, archaeology, archaeological monuments

Acknowledgements: The reported study was funded by a government subsidy — project name ‘Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes’ (State Reg. No. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Mandzhieva V. V., Sharmandzhieva Ts. V. Archaeozoological material from the burials of the Khazar period of the Duker mound group. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2019; (4): 115-134. DOI: 10.22162/2587-6503-2019-4-12-115-134.

В статье представлен видовой состав археозоологического материала из спасательных раскопок, которые проводились в 1982 г. под руководством Е. В. Цуцкина. Данная группа находится на территории Республики Калмыкия в Октябрьском районе в 6,5 км к югу от пос. Джангар, где на сравнительно небольшом участке сконцентрированы крупные курганные группы республики (рис. 1). Анализ этих данных и сравнение с полевым отчетом позволили изучить культовые представления в эпоху поздних кочевников. Очевидно, что основными ритуальными животными являлись мелкий рогатый скот и лошади.

Исторический период Хазарского каганата — одна из основных тем в изучении эпохи средневековых кочевников. Они занимали огромную территорию в Восточной Европе, в которую также входят Волго-Маньчжурские степи. Хазарский каганат просуществовал около 300 лет — со второй половины VII в. до середины X в. Он представлял собой первое феодальное государственное образование в Восточной Европе [Плетнева 1976]. Изучение богатейшей культуры Хазарского каганата, ее историческая значимость интересовала многих ученых. Фундаментальными работами по этой теме являются «История хазар» [Артамонов 1962], «Очерки хазарской археологии» [Плетнева 1999]. В восточных источниках можно получить общие сведения об этнической культуре хазар в отношении хозяйства, религии и быта населения. Данные эти довольно противоречивы. Арабский географ Шамсуддин аль-Мукаддаси характеризует Хазарию чрезвычайно бедной страной, где «нет ни скота, ни плодов». Арабский ученый Худуд аль-алам, оценивая экономическую ситуацию Хазарского каганата, говорит об их чрезвычайном богатстве. Слава о хазарской овце, которая могла ягниться два раза в год, дошла даже до Испании (Бакри) [Заходер 1962: 139].

Как уже было сказано выше, на территории Республики Калмыкия в Сарпинской низменности были проведены спасательные раскопки курганной группы Дюкер, руководителем которых являлся Е. В. Цуцкин. К сожалению, результаты раскопок этой группы не были опубликованы руководителем раскопок. Подробное изучение этих материалов было начато только в 2017 г. с иссле-

дования позднекочевнических памятников. За этот период было опубликовано две статьи, в которых приведены общие сведения и инвентарный материал погребений [Буратаев 2017а; Буратаев 2017б]. В подавляющем большинстве археозоологические материалы, хранящиеся в фондохранилище Калмыцкого научного центра РАН (далее — КалмНЦ РАН), никогда не были объектом специального анализа. Однако следует сказать, что многие отчеты имеют приложения, где даны определения погребенных животных. Главной целью работы является введение в научный оборот результатов анализа археозоологического материала курганной группы Дюкер. Нами было проведено полное исследование костного материала, а именно:

1) составлен список археозоологического материала периода эпохи поздних кочевников по данным текста отчета Е. В. Цуцкина «Отчет о работе археологической экспедиции КНИИФЭ в 1982 г.» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29] (табл. 1, 2).

2) проведены анализ костей животных и паспортизация согласно современной методике [Антипина 2003] (табл. 3).

В данной курганной группе периода хазарского каганата принадлежат семь погребений: курган № 15, погребение № 1; курган № 27, погребение № 6; курган № 31, погребение № 5; курган № 27, погребение № 4; курган № 27, погребение № 9; курган № 32, погребение № 1; курган № 13, погребение № 1. Кроме того, имеются еще три беспаспортных погребения из кургана № 15. Из всей археозоологической коллекции КалмНЦ РАН были отобраны только остеологические останки животных указанных курганов периода хазарского каганата в количестве 18 млекопитающих, однако из их числа невозможно было определить видовую принадлежность у 5 особей, чьи костные останки находились в плохой сохранности. Археозоологический материал, который удалось определить вплоть до вида, принадлежал трем видам животным: мелкий рогатый скот (*Capra et Ovis*), лошади (*Equus caballus*), крупный рогатый скот (*Bos taurus*).

Погребение животных представляет собой явное ритуальное захоронение. Судя по описанию и разнообразию инвентаря, по-

гребеня хазарского времени отличались от других богатством ритуального обряда [Кольцов 2016: 83].

Сравнительный обзор археозоологического материала

По данным полевого отчета, в кургане № 15 погребения № 1 обнаружены кости лошади, мелкого рогатого скота. К костям лошади относятся позвонки, крестец, ребра и кости конечностей. Мелкий рогатый скот представлен костями конечностей ягненка и скелетом овцы.

В кургане № 27 погребения № 6 найдены кости лошади, мелкого рогатого скота и грызунов. Кости лошади представлены одним крестцом, а мелкий рогатый скот — позвонками, черепом и костями конечностей. В данном погребении найдены две пары черепов грызунов.

В кургане № 31 погребения № 5 обнаружен расчлененный косяк мелкого рогатого скота.

Данные кости животных были выявлены и в коллекции КалмНЦ РАН, т.е. сохранился почти весь костный материал из перечисленных погребений.

В кургане № 15 были найдены кости лошади, мелкого и крупного рогатого скота. Кости лошади представлены фрагментами черепа, ребрами, позвонками, крестцом и костями стоп. В насыпи кургана находились трубчатые кости мелкого рогатого скота, а в самом погребении — крестец, позвонки и метаподии овцы. Интересно то, что только в кургане № 15 погребения № 1 были найдены кости задней конечности крупного рогатого скота, здесь имелись тазовые кости, крестец и большеберцовая кость. Также в кургане № 15 были встречены кости животных в плохой сохранности, поэтому определить вид животного не представляется возможным.

В кургане № 27 погребения № 6 находились кости неопределенного животного, лошади и мелкого рогатого скота. Кости лошади представлены фрагментами нижней челюсти, крестцом, позвонком и таранной костью. К костям овцы относятся позвонки, крестец, ребра и альчики. В этом погребении также были найдены фрагменты черепа животного, чей вид определить не удалось.

В кургане № 31 погребения № 5 обнаружены кости лошади, мелкого рогатого скота. Кости лошади представлены тремя костями стоп, таранной и пяточной костями. Мелкий рогатый скот представлен плохо сохранившимися костями ягненка и неполным скелетом овцы. Кроме того, в этом погребении были найдены позвонок и фрагмент трубчатой кости в плохой сохранности, в связи с чем определить вид животного не удалось.

В двух погребениях — курган № 15, погребение № 1 и курган № 31, погребение № 5 — были найдены останки сопровождающих животных. В обоих случаях были встречены скелеты овцы и лошади.

Согласно полевому отчету, не были отмечены в нем кости животных как инвентарь в погребениях: курган № 27, погребение № 4; курган № 27, погребение № 5; курган № 27, погребение № 9; курган № 32, погребение № 1; курган № 13, погребение № 1, хотя в фондохранилище имеются кости животных из данных погребений. Согласно данным фондохранилища, в кургане № 27 погребения № 4 было найдено ребро овцы, а в кургане № 27 погребения № 9 — кости лошади и овцы. Кости лошади представлены пяточной костью, таранной костью, двумя предплечьями, парой большеберцовыми костями и стопой. К костям овцы относится плечевая кость, лопатка, ребра и метаподии. В кургане № 32 погребения № 1 были встречены фрагменты зубов животного, вид которого определить не удалось. В кургане № 13 погребения № 1 была обнаружена кость предплечья неопределенного животного.

В трех погребениях (курган № 27, погребение № 4; курган № 27, погребение № 5; курган № 32, погребение № 1; курган № 13, погребение № 1) были обнаружены захоронения сопровождающих животных — лошадей.

Описание расположения археозоологического материала по отношению к погребенному

Курган № 15, погребение № 1

На дне подбоя лежал скелет взрослого человека на спине, вытянуто, с разворотом на правую сторону, головой к западу.

Позвонки и крестец лошади находились у западной стенки подбоя. Часть позвоночного столба и ребро овцы находились в естественном сочленении за головой погребенного. Там же находились ребра лошади. Одно ребро лежало на сосуде, другое у затылка черепа человека, касаясь его, и четыре ребра лежали под костью ноги лошади поперек подбоя. Кость конечности лошади лежала в слегка наклоненном положении за черепом человека. Кость конечности ягненка лежала за пяточной костью левой ноги погребенного [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29. Л. 66]. Костяк хранится в фондохранилище КалмНЦ РАН.

Кроме того, в этом погребении имелись кости неопределенного животного. В коллекции сохранились таз, крестец и большеберцовая кость. Нами была определена его видовая принадлежность, кости принадлежали крупному рогатому скоту.

В погребении найдено сопровождающее захоронение лошади. На ступеньке в яме лежал расчлененный костяк лошади: череп и кости конечностей. Череп лежал в западном конце ступеньки по оси входной ямы сводом вверх, мордой к западу. Рядом, справа от затылка черепа лежали перекрещенные кости передних конечностей. Кости передних конечностей, лежащие снизу, были ориентированы копытами к западу. Кости передних конечностей, лежащие выше, были ориентированы копытами к северо-западу. Кости задних конечностей лошади лежали в восточной части подбоя. Выше, поперек этих костей, лежали кости второй задней конечности [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29. Л. 66]. В этом же погребении встречено захоронение овцы. В восточной части подбоя, отчасти захватывая край ступеньки вместе с костями нижних конечностей лошади, лежали кости овцы. Череп овцы лежал сводом вверх на самом краю ступеньки на нижней челюсти, мордой к западу. Основание черепа находилось к западу от восточной стенки могилы. Между черепом овцы и восточной стенкой могилы на краю ступеньки лежали кости передних конечностей овцы параллельно друг другу, копытами к западу. Кости копытной части ноги расположены с северной стороны, лежали поодаль к северо-западу и дальше вглубь ступеньки. Это свидетельствует о том, что перво-

начально кости животных, найденные в восточной части подбоя, лежали на ступеньке, а затем сползли в подбой. Кости задних конечностей овцы лежали южнее костей передних ног овцы. Ориентированы кости задних ног вдоль оси ямы, копытами к западу под небольшим углом друг к другу. Копыта залегали под костью задней ноги лошади [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29. Л. 67].

Расчлененный костяк лошади и овцы хранятся в фондохранилище КалмНЦ РАН.

Курган № 27, погребение № 6

На дне подбоя был обнаружен скелет мужчины зрелого возраста, лежащий на спине, головой ориентирован на юго-восток.

Кости животных были обнаружены на деревянных блюдах справа от погребенного. Крестец лошади лежал на блюде справа от черепа человека. Часть позвоночного столба овцы лежала в средней части блюда. Позвонки овцы лежали на южном крае блюда, у черепа. Череп овцы находился с западной стороны блюда, вплотную к плечевой кости погребенного. Кость конечности овцы лежала горизонтально на дне, у правого локтя погребенного. Два черепа хорьков лежали между северным краем блюда и северо-восточной стенкой подбоя. Один череп суслика лежал на блюде, другой череп лежал севернее правого локтя погребенного. Кости ягненка были встречены в разных местах подбоя. Череп ягненка лежал на дне подбоя севернее правого колена человека. Кости конечности овцы лежали под берцовыми костями погребенного и в средней части подбоя [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29. Л. 117].

В коллекции фондохранилища, к сожалению, не сохранились кости конечностей овцы, кости ягненка, черепа грызунов. Но в коллекции имеются кости лошади, которые не описаны в отчете.

Курган № 31, погребение № 5

На дне подбоя лежал вытянуто на спине скелет взрослого человека, головой на северо-запад.

Позвонки овцы встречены рядом с сосудом в северо-западной части дна входной ямы. Кость овцы с альчиком прилегала к сосу-

ду с северо-восточной стороны. Основание позвоночного столба овцы с копчиком располагалось вдоль левой плечевой кости погребенного до локтевого сустава. Часть позвоночного столба овцы лежала рядом с северной стороны. Крестец лошади лежал по оси могилы на левой плечевой кости погребенного. Позвонки лошади находились под верхней частью позвоночного столба овцы [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29. Л. 147].

В коллекции сохранились данные кости.

В исследованном погребении были встречены захоронения сопровождающих животных — лошади, овцы и ягненка.

В данном погребении хазарского времени был найден скелет лошади, которая являлась сопровождающим животным. На дне входной ямы лежал расчлененный скелет лошади. Череп лошади лежал в северо-западной части подбоя, на левой стороне, мордой к северо-западу. В зубах находились иксовидные железные удила. В юго-восточной части входной ямы лежали кости ног лошади. Передняя нога располагалась по диагонали входной ямы, копытом к северо-западу. Вторая передняя нога лежала рядом, ближе к северо-востоку ямы, на боковой поверхности, под тупым углом, копытом обращенная к северо-востоку. Нога была ориентирована на северо-восток. Южнее, на том же уровне, лежала задняя нога лошади, ориентированная по оси ямы, копытом к северо-западу. Копыто ее лежало на верхней части передней ноги лошади. К северо-востоку от копыта задней ноги лошади лежал позвонок хвоста лошади. Остальные кости хвоста лошади встречены в восточной части входной ямы при доисследовании двух могил [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29. Л. 145].

Помимо этого, в погребении был обнаружен скелет овцы. Череп овцы лежал южнее черепа лошади. С наклоном, мордой к северо-западу. Передняя нога овцы находилась к юго-востоку от черепа овцы. Вторая передняя нога овцы располагалась от левого колена погребенного на юго-восток. Задние ноги овцы — в юго-восточной части подбоя между левыми берцовыми костями чело- века и копытом задней ноги лошади. Задняя нога, лежащая с южной стороны, ориентирована по линии восток-запад, копытом на восток. Задняя нога овцы, лежащая с северной стороны, была со-

гнута под прямым углом, длинной костью ориентирована на юго-восток [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29. Л. 146].

Там же был обнаружен скелет ягненка. Между левым предплечьем и передней ногой овцы, в средней части могилы, на границе подбоя и входной ямы в анатомическом порядке лежал позвоночный столб ягненка, с изгибом к предплечью. В верхней части позвоночного столба сохранились ребра и правая лопатка. Череп ягненка лежал рядом у передней ноги овцы, на правой стороне, мордой к северо-востоку. Восточнее, между позвоночным столбом ягненка и второй передней ногой овцы, вдоль левой бедренной кости, лежали в беспорядке кости конечности ягненка. Одна из них встречена севернее, в средней части дна входной ямы [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29. Л. 146].

Кости сохранились в фондохранилище.

Курган № 27, погребение № 4

В этом погребении позднекочевнического времени найден скелет лошади. Над черепом погребенного человека и верхней части его груди располагался череп лошади сводом вверх, мордой к юго-западу. Над основанием левой плечевой кости погребенного лежала кость конечности лошади. В северо-восточной части ямы, над основанием берцовых костей человека лежала нижняя челюсть лошади, передняя часть которой ориентирована на юго-восток. Зубы лошади располагались чуть глубже. В северо-восточной стороне от нижней челюсти обнаружено копыто лошади [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29. Л. 110].

Кости хранятся в коллекции.

Курган № 27, погребение № 5

В данном погребении поздних кочевников найден скелет лошади. В юго-западной части могильной ямы среди скоплений человеческих костей обнаружены копыта лошади. Вдоль юго-восточной стенки располагались кости передних конечностей в анатомическом порядке. Копытами конечности направлены к юго-западной стенке могилы. В средней части могильной ямы лежала нижняя челюсть лошади, плашмя, на правом боку, передней частью ори-

ентирована на запад. Ниже, на дне ямы, восточнее челюсти, находился череп лошади на левом боку, мордой к югу. К северо-востоку от челюсти лошади обнаружена кость, видимо, ее задней ноги. К северо-западу от остатков перекрытия находилась кость задней ноги лошади [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29. Л. 113].

Кости сохранились в фондохранилище.

Курган № 32, погребение № 1

В погребении найден скелет лошади. Могила, в которой находились останки коня, обнаружена с северо-западной стороны погребения. На дне ямы были обнаружены остатки скелета коня. Кости черепа лежали в юго-западной части ямы, мордой был ориентирован на юго-запад. В юго-восточном углу ямы найдена кость коня, в северо-восточном углу — несколько отдельных костей [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29. Л. 152].

Кости не утеряны.

Курган № 13, погребение № 1

В погребении золотоордынского времени встречено сопровождающее захоронение лошади. На ступеньке входной ямы, выше уровня перекрытия могилы, был обнаружен скелет лошади. Череп лошади лежал на правой стороне, у средней части восточной стороны ямы, мордой к юго-востоку. Кости передних конечностей лошади лежали рядом с черепом на ступеньке вдоль ее оси, копытами на восток. Кости левой передней ноги ориентированы вдоль северной стенки ямы. Кости правой передней ноги располагались ниже. Основание правой передней ноги уходило под череп лошади. Кости задних конечностей лежали на ступеньке в северо-западном углу ямы. Кости левой задней ноги располагались прямо. Кости правой задней ноги верхней частью располагались на уровне костей левой задней ноги. Копыто правой задней ноги было направлено немного вверх. Кости хвоста лошади располагались у средней части западной стенки ямы, параллельно верхней кости правой задней конечности лошади, ориентированы на северо-запад [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29. Л. 54].

Скелет лошади хранится в коллекции.

Результаты исследования

Данные по количеству костного материала на основе полевых отчетов и по фактическому количеству костей, имеющихся в коллекции КалмНЦ РАН, незначительно разнятся. Мелкому рогатому скоту (*Capra et Ovis*) и лошади принадлежит наибольшее количество остатков (по 6 особей (33,3 %) на каждую группу) от общего числа. В погребениях найдены кости всех отделов скелета. Среди отделов во всех выборках преобладают останки туловища и проксимальных отделов конечностей. Среди отделов во всех выборках преобладают остатки позвоночного столба, ребер и тазовых костей. Крупный рогатый скот (*Bos taurus*) встретился один раз. Доля животных, неопределимых до вида, — 27,8 % (табл. 4). Сакральная роль мелкого рогатого скота и лошади в жертвенниках очевидна. Это свидетельствует о том, что в эпоху поздних кочевников данный видовой состав в большинстве случаев являлся заупокойной пищей, но в восьми погребениях имеются целые скелеты сопровождающих животных. Результаты исследования показали, что в погребениях хазарской культуры были найдены кости домашних животных — мелкий и крупный рогатый скот, лошади. Крупный рогатый скот, требующий большого травостоя и обеспеченности водой по сравнению с мелким рогатым скотом и лошадей, никогда не играл ведущей роли в хозяйстве хазарской культуры, что можно косвенно проследить по данным таблиц, приведенных в приложениях, где данный вид животного менее отмечен в ритуальных обрядах захоронения.

Источники

НА КалмНЦ РАН — Научный архив КалмНЦ РАН.

Литература

- Антипина 2003 — *Антипина Е. Е.* Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России. К столетию со дня рождения В. И. Цалкина. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 7–33.
- Артамонов 1967 — *Артамонов М. И.* История хазар. Л.: Гос. Эрмитаж, 1967. 523 с.

- Буратаев 2017а — *Буратаев Е. Г.* Материалы из курганной группы *Дюкер* // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 3 (3). С. 76–90.
- Буратаев 2017б — *Буратаев Е. Г.* Погребения хазарских лучников из курганной группы *Дюкер* // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 4 (32). С. 78–91.
- Заходер 1962 — *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. В 2 т. Т. 1 // АН СССР, Институт народов Азии. М.: Изд-во вост. лит., 1962. 281 с.
- Кольцов 2016 — *Кольцов П. М.* Археологическая карта Республики Калмыкия. Ики-Бурульский, Приютненский, Целинный, Черноземельский районы. Элиста: Джангар, 2016. 299 с.
- Очир-Горяева 2008 — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники волго-маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 299 с.
- Плетнева 1976 — *Плетнева С. А.* Хазары. М.: Наука, 1976. 96 с.
- Плетнева 1999 — *Плетнева С. А.* Очерки хазарской археологии. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 1999. 249 с.

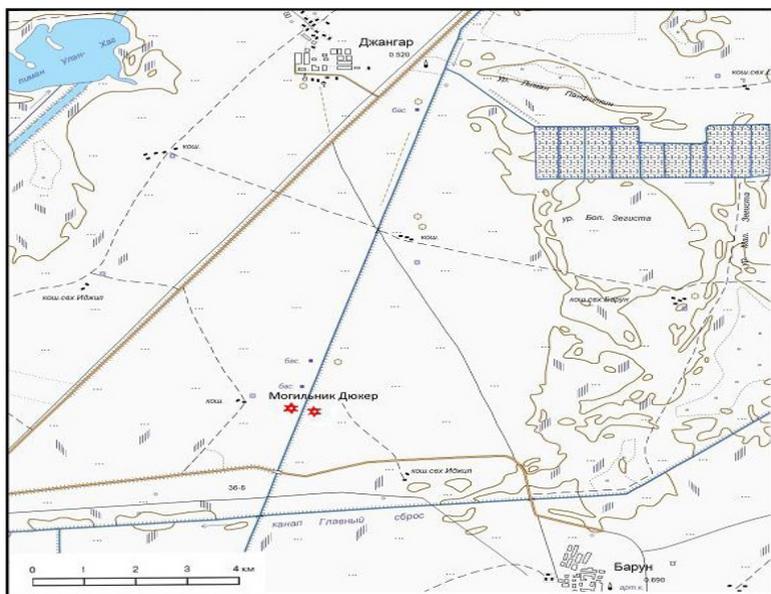

Рис. 1. Географическое положение курганной группы *Дюкер*

Таблица 1. Кости животных помещенных в виде заупокойной пицци
(список составлен по полевому отчету)
(сокращения *взр.* — взрослый; *муж.* — мужское; 3 — запад; ЮВ — юго-восток; Ю — юг)

Курган	Погребение	Пол, возраст погребенного	Поza погребенного	Археозоологический материал			Культурно-хронологическая принадлежность
				Вид	Описание	Положение	
15	ровик	—	—	лошадь	череп (3 шт.)	в заполнении северовосточного ровика	хазарский период
15	1	взр.	вытянуто на спине с разворотом на правую сторону, головой на 3	—	крестец (1 шт.), газ (1 шт.), большая шеберцовая кость (1 шт.)		хазарский период
15	1	взр.	вытянуто на спине с разворотом на правую сторону, головой на 3	лошадь	позвонки и крестец лошади	у западной стенки подбоя в юго-западном углу	хазарский период
15	1	взр.	вытянуто на спине с разворотом на правую сторону, головой на 3	овца	часть позвоночного столба и ребро	у западной стенки подбоя в юго-западном углу	хазарский период
15	1	взр.	вытянуто на спине с разворотом на правую сторону, головой на 3	лошадь	ребра (15 шт.)	за головой погребенного	хазарский период

15	1	взр.	вытянуто на спине с разворотом на правую сторону, головой на З	лошадь	кость конечности	за головой погребенного	хазарский период
15	1	взр.	вытянуто на спине с разворотом на правую сторону, головой на З	овца (ягненок)	кость конечности	за пяточной костью левой стопы погребенного	хазарский период
27	6	муж.	вытянуто на спине, головой на Ю-В	лошадь	крестец	лежал на блюде на северо-восточном крае блюда	хазарский период
27	6	муж.	вытянуто на спине, головой на Ю	овца	часть позвоночно-го столба, череп, кость конечности	в средней части блюда, параллельно оси подбоя	хазарский период
27	6	муж.	вытянуто на спине, головой на Ю	грызун	черепа (2 шт.)	между северным краем блюда и северо-восточной стенкой подбоя	хазарский период
27	6	муж.	вытянуто на спине, головой на Ю	грызун	черепа (2 шт.)	один череп лежал на блюде, другой — у правого локтя погребенного	хазарский период
27	6	муж.	вытянуто на спине, головой на Ю	овца (ягненок)	череп, кости конечностей	у бедра погребенного	хазарский период
27	6	муж.	вытянуто на спине, головой на Ю	овца	кости конечности	с западной стороны блюда, снаружи, вплотную у правой плечевой кости погребенного	хазарский период

Таблица 2. Кости животных, сопровождавших погребенного из курганной группы Дюкер
(по материалам полевого отчета)

Курган	Погребение	Археозоологический материал		Культурно-хронологическая принадлежность
15	1	кости овцы	скелет: череп, кости конечностей (передние и задние)	хазарский период
15	1	кости лошади	скелет: череп, кости конечностей (передние и задние)	хазарский период
31	5	кости овцы	скелет: череп, кости конечностей (передние и задние), копыта	хазарский период
31	5	кости ягненка	скелет: череп, позвоночный столб в анатомическом порядке, ребра, правая лопатка, кости конечностей (передние и задние)	хазарский период
27	4	кости лошади	неполный скелет: череп, кость конечности, копыто	эпоха поздних кочевников
27	5	кости лошади	скелет: череп, нижняя челюсть, кость конечности, копыта	эпоха поздних кочевников
32	1	кости лошади	неполный скелет: череп, кость конечности	эпоха поздних кочевников
13	1	кости лошади	скелет: череп, кости конечностей (передние и задние), кости хвоста	период Золотой Орды

15	1 (насыпь)	взр.	вытянуто на спине с разворотом на правую сторону, головой на З	овца	трубчатые кости без эпифизов (4 шт.)	хазарский период
15	б/п	—	—	—	кость плохой сохранности (1 шт.)	хазарский период
15	б/п	—	—	—	фрагменты зубов (1 шт.)	хазарский период
15	б/п	—	—	лошадь	ребра (15 шт.)	хазарский период
27	6	муж.	вытянуто на спине, головой на Ю	—	фрагмент черепа (1 шт.)	хазарский период
27	6	муж.	вытянуто на спине, головой на Ю	лошадь	позвонки (10 шт.), крестец (1 шт.), ребра (2 шт.), альчики (10 шт.)	хазарский период
31	5	взр.	вытянуто на спине, головой на С-В	—	позвонок плохой сохранности (1 шт.)	хазарский период
31	5	взр.	вытянуто на спине, головой на С-В	овца	метаподия (4 шт.), альчик (4 шт.), фрагменты позвонков (10 шт.), фрагмент черепа (1 шт.), фаланги (6 шт.), крестец (1 шт.), ребро (1 шт.)	хазарский период
31	5	взр.	вытянуто на спине, головой на С-В	овца (ягненок)	трубчатые кости без эпифизов плохой сохранности (2 шт.)	хазарский период

31	5	взр.	вытянуто на спине, головой на С-В	лошадь	3-я пястная кость (3 шт.), проксимальная фаланга (3 шт.), средняя фаланга (2 шт.), дистальная фаланга (2 шт.), пяточная кость (1 шт.), таранная кость (2 шт.), кости запястья (3 шт.)	хазарский период
31	5	взр.	вытянуто на спине, головой на С-В	—	фрагмент трубчатой кости без эпифиза (1 шт.)	хазарский период
27	4	взр.	разрушено	овца	ребро (1 шт.)	эпоха поздних кочевников
27	9	жен.	вытянуто на спине, головой на Ю-В	лошадь	пяточная кость (1 шт.), таранная кость (1 шт.), предплечье (2 шт.), большеберцовая кость (2 шт.), 3-я пястная кость (1 шт.)	эпоха поздних кочевников
27	9	жен.	вытянуто на спине, головой на Ю-В	овца	плечевая кость (1 шт.), лопатка (1 шт.), ребра (5 шт.), метаподия (2 шт.)	эпоха поздних кочевников
32	1	взр.	вытянуто на спине головой на Ю-З	—	фрагменты зубов (2 шт.)	эпоха поздних кочевников
13	1	жен.	вытянуто на спине головой на З	лошадь	кость предплечья (1 шт.)	период Золотой Орды

Таблица 4. Видовой состав костных останков животных по коллекции

Вид	Количество костей	
	особь	%
крупный рогатый скот	1	5,54
мелкий рогатый скот	6	33,33
лошадь	6	33,33
не определен	5	27,8
Всего	18	100

Археозоологический материал из курганной группы *Дюкер* позднесарматского времени

*Шарманджиева Цагана Владимировна*¹

*Манджиева Влада Владимировна*²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
ORCID: 000-0002-2232-4458. E-mail: tsaganashm@gmail.com

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
ORCID: 0000-0002-0724-1128. E-mail: vlada.mandzhieva@mail.ru

Аннотация: В статье представлены результаты полного исследования археозоологического материала из позднесарматских погребений курганной группы *Дюкер*. Было изучено 14 погребений с костным материалом по данным полевого отчета и 7 погребений, выявленных из фондохранилища КалмНЦ РАН. Проведенный анализ полевого отчета и костного материала, хранящегося в фондохранилище КалмНЦ РАН, показал некоторые культовые представления в погребальной обрядности позднесарматского времени. Кроме того, проведено детальное описание костных останков животных, определение видового состава из погребений позднесарматского времени курганной группы *Дюкер*. В погребениях археозоологический материал представлен костями овцы (*Ovis aries*), лошади (*Equus caballus*) и собаки (*Canis familiaris*).

Ключевые слова: археозоологический материал, напутственная пища, животные останки, курганная группа *Дюкер*, сопровождающее животное, археология, остеологический материал, Республика Калмыкия

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Шарманджиева Ц. В., Манджиева В. В. Археозоологический материал из курганной группы *Дюкер* позднесарматского времени. Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019; (4): 135-150. DOI: 10.22162/2587-6503-2019-4-12-135-150.

Archaeozoological material from the tombs of the Late sarmat period of Duker Mound group

Tsagana V. Sharmandzhieva ¹

Vlada V. Mandzhieva ²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Junior Research Associate

ORCID: 000-0002-2232-4458. E-mail: tsaganashm@gmail.com

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Junior Research Associate

ORCID: 0000-0002-0724-1128. E-mail: vlada.mandzhieva@mail.ru

Abstract. The article presents the results of a complete study of archaeozoological material from the Duker barrow group of late Sarmatian burials. There were 14 burials with bone material according to the data of the field report and 7 burials, discovered from the Kalmyk Scientific Center of the RAS fund storage. The analysis of the field report and bone material stored in the Kalmyk Scientific Center of the RAS depository showed that some cult notions in the late Sarmatian burial rites. In addition, a detailed description of the bone remains of animals and determination of species composition from the burials of the Late Sarmatian burial rite of the Duker barrow group was made. In the burials the archaeozoological material is represented by the bones of a sheep (*Ovis aries*), a horse (*Equus caballus*) and a dog (*Canis familiaris*).

Keywords: archaeozoological material, farewell food, animal remains, Mound group Duker, accompanying animal, archeology, osteological material, Republic of Kalmykia

Acknowledgements: The reported study was funded by a government subsidy — project name ‘Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes’ (State Reg. No. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Sharmandzhieva Ts. V. Mandzhieva V. V., Archaeozoological material from the tombs of the Khazar period of Duker Mound group. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2019; (4): 135-150. DOI: 10.22162/2587-6503-2019-4-12-135-150.

Позднесарматский археологический комплекс представлен погребальными памятниками, который отражает определенную сторону жизни кочевников в раннем железном веке. На территории Калмыкии часто встречаются скопления позднесарматских погребений [Очир-Горяева 2008: 195]. Как в комплексах более ранних курганных групп, так и в отдельных видах погребений обнаруживаются костные останки животных, помещенных в погребения и в насыпи курганов в качестве ритуальной пищи [Кольцов 2016: 67]. Так, и курганная группа *Дюкер* также имеет погребения позднесарматского времени с археозоологическим материалом.

Первое исследование особенностей погребального обряда и хронологии памятников позднесарматской культуры Нижнего Поволжья было осуществлено А. С. Скрипкиным [Скрипкин 1984]. Затем стали появляться работы, посвященные данной культуре, и по другим районам, поскольку региональный подход дает возможность более детально проработать вопросы функционирования культуры на естественно ограниченных территориях. Так, по южной части Волго-Донского междуречья подобная работа была выполнена М. В. Кривошеевым [Кривошеев 2011], по нижнедонским памятникам — В. Е. Максименко [Максименко 1998], по Северному Причерноморью — А. В. Симоненко [Симоненко 2004], по урало-казахстанским степям — С. А. Трибунским [Трибунский 2003], по позднесарматским памятникам Южного Приуралья — В. Ю. Малышевым [Малышев 2013]. Эти исследования способствовали выявлению специфики развития позднесарматской культуры указанных регионов.

Самые ранние исследования в Калмыкии проводились с 1929 г., первыми научными археологическими исследованиями руководил профессор П. С. Рыков. В послевоенный период (1960–1970 гг.) были продолжены археологические раскопки, основные работы проводились под руководством И. В. Сеницына и У. Э. Эрдниева. В результате проведенных работ были открыты и изучены такие интересные памятники позднесарматского времени, как *Восточный Маныч*, *Кермен Толга*, *Купцын Толга*. В 1982 г. во время строительства Калмыцкого магистрального канала в рамках

строительных проектов на территории Сарпинской низменности в Октябрьском районе Республики Калмыкия (рис. 1) под руководством В. Е. Цуцкина были проведены спасательные археологические раскопки курганной группы Дюкер [Цуцкин 1982].

Впоследствии Е. Г. Буратаевым опубликовано две статьи, в которых приведены общие сведения и описан инвентарный материал погребений курганной группы Дюкер [Буратаев 2017а; Буратаев 2017б].

До последнего времени археозоологические материалы, хранящиеся в фондохранилище КалМНЦ РАН, не были предметом специального научного исследования. Цель настоящей статьи — частично восполнить данный пробел и ввести в научный оборот результаты анализа археозоологического материала курганной группы Дюкер.

Всего в изучаемом могильнике выявлено 14 погребений позднесарматского времени, в которых присутствовали останки костей животных. На основе исследования погребений сделан вывод, что их главные отличительные черты — это преимущественная ориентировка погребенного в северный сектор, положение погребенного — вытянуто на спине, наличие костей животных в погребениях. Детальный анализ археозоологического материала показал, что все кости животных представлены в погребениях в виде заупокойной пищи.

По мнению М. А. Очир-Горяевой, курганные группы, в которых большинство составляли погребения кочевников раннего железного века и средневековья, чаще встречаются в Сарпинской низменности и в районе Яшкульских озер [Очир-Горяева 2008: 147].

Сарпинская низменность характеризуется рядом приметных погребений, которые вошли в археологическую литературу как образцы сарматских погребений. К ним относятся такие крупные курганные группы, как Адрык (1979 г.), Кермен Толга (1979 г.), Хар Нуурин Толга (1980 г.), Джангар (1980 г.), а также ряд других погребальных памятников [Цуцкин 1979; Цуцкин 1980].

Важным признаком позднесарматской погребальной обрядности является наличие в погребениях костей животных. В погребениях

ниях сарматского времени можно найти кости мелкого и крупного рогатого скота, лошадей, собак. Свидетельством погребальных традиций данного общества являются кости животных из погребений — заупокойная пища.

Для общей характеристики археозоологического материала позднесарматского погребения курганной группы Дюкер было проведено полное исследование костного материала из фондохранилища КалмНЦ РАН, а также изучен машинописный текст отчета, хранящийся в научном архиве КалмНЦ РАН [Очир-Горяева 2008: 44]. Несмотря на краткость описания костей в полевых отчетах 1982 г. и отсутствие альбома иллюстраций и фотографий, которые затрудняли работу по анализу археозоологического материала, была проведена следующая работа с костным материалом:

1) составлен список археозоологического материала по данным текста отчета Е. В. Цуцкина «Отчет о работе археологической экспедиции КНИИФЭ в 1982» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29] (см. табл. 2);

2) проведен анализ костей животных из курганной группы Дюкер, хранящихся в фондохранилище КалмНЦ РАН (см. табл. 3);

3) проведен сравнительный анализ данных, полученных из двух вышеназванных источников, по археозоологической методике [Антипина 2003] (см. табл. 1).

Заупокойная пища представлена в погребениях в виде костей животных: овцы (*Ovis aries*) и лошади (*Equus caballus*). В основном встречались кости овцы. По данным полевого отчета, кости овцы обнаружены в 12 погребениях (70,5 %). В коллекциях же они происходят из четырех погребений (44,4 %). Кроме того, в погребениях присутствовали скелеты собак (*Canis familiaris*), которые являлись сопровождающими животными. Кости собак встречались дважды (11,7 %). В полевом отчете не был определен вид животного в трех случаях (17,6 %). В двух погребениях они определены как кости лошади (22,2 %). Не определен только вид одного животного (11,1 %), поскольку кости были в плохой сохранности (см. табл. 1). Таким образом, данные по количеству костного материала, описанного в полевых отчетах, и фактическое количество костей из коллекции незначительно разнятся.

Обзор костей животных из погребений позднесарматского времени

С датировкой эпохи сарматского времени в 14 погребениях были обнаружены кости животных в виде заупокойной пищи. В девяти сарматских погребениях были найдены кости мелкого рогатого скота — овцы (*Ovis aries*). В качестве заупокойной пищи использовалась задняя нога. Во всех девяти случаях были обнаружены тазовые кости и кости задней конечности в сочленении (см. табл. 1).

В отчете о раскопках вид животного не был указан в трех погребениях: погребение № 1 кургана № 10, погребение № 3 кургана № 11, погребение № 3 кургана № 28.

В фондохранилище были выявлены кости животных из семи погребений сарматского времени, т. е. сохранился материал только из 50 % погребений (см. табл. 2). Кости задних конечностей (тазовые, бедренные и большеберцовые) мелкого рогатого скота были обнаружены в четырех погребениях: в погребении № 1 кургана № 2, погребении № 1 кургана № 12, погребении № 1 кургана № 17 и погребении № 1 кургана № 21. Кости конечностей лошади найдены в двух погребениях: в погребении № 1 кургана № 11 и в погребении № 1 кургана № 12. Здесь же находились кости таза, бедра, голени, стопы и пястей. Помимо этого, в погребениях сарматского времени: в погребении № 1 кургана № 9 и в погребении № 1 кургана № 12 встречены кости животных плохой сохранности, поэтому определить видовую принадлежность не удалось.

В двух погребениях также были обнаружены полные скелеты собак плохой сохранности: в погребении № 1 кургана № 9, а также в погребении № 1 кургана № 10 (см. табл. № 1–2), которые являлись сопровождающими животными.

Характеристика позднесарматских погребений

Курган № 1, погребение № 1

На дне подбоя лежал скелет молодой женщины в вытянутой позе на спине, головой на север [НА КалмНИЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29. Л. 7]

Длинные кости ног овцы с тазовой костью и альчиком лежали за черепом погребенной в северо-западной части подбоя. К сожалению, кости овцы не обнаружены в коллекции фондохранилища, поэтому описание дано по материалам полевого отчета о раскопках.

Курган № 2, погребение № 1

В западном секторе кургана было встречено скопление костей человека. В средней части скопления находился череп человека, обращенный сводом вверх [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29. Л. 11].

Не потревоженными остались кости овцы, встреченные в южной части погребения, около бедренных костей человека. Здесь найдены: крыло таза, большеберцовая кость, эпифиз бедренной кости, альчик. Эти кости сохранились в коллекции фондохранилища.

Курган № 9, погребение № 1

На дне могильной ямы, на глубине 2,15 м, в беспорядке лежали кости взрослого человека. В северной части скопления костей обнаружен череп человека сводом вниз [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29. Л. 31].

В погребении найдено сопровождающее захоронение собаки. Кости собаки были встречены выше уровня залегания костей человека на глубине 1,5 м. В северной части лежали остатки черепа. В 0,1 м юго-западнее от них — кости конечностей. Южнее костей конечностей на 1,35 м лежали ребра и кости конечностей. Еще южнее в 0,2 м — кости конечностей (табл. 2).

В коллекции фондохранилища сохранился неполный скелет собаки: фрагмент черепа, крестец, трубчатые кости без эпифизов.

Курган № 10, погребение № 1

В подбойной могиле на дне лежал неполный скелет взрослого человека. Погребение ограблено в древности. Головой скелет ориентирован на северо-восток [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29. Л. 35].

На дне подбоя, между правым коленом погребенного и северо-западной стенкой подбоя, был обнаружен альчик овцы с просверленным в середине отверстием.

В погребении также был обнаружен неполный скелет собаки. Кости собаки в беспорядке встречены в засыпи грабительской ямы, ближе к ее северо-западному углу на уровне 0,69 м. Здесь были найдены фрагмент нижней челюсти, ребра и кости конечностей. Под этими костями на глубине 0,75 м, ближе к северо-восточному углу ямы, обнаружены кости более крупного животного: фрагмент нижней челюсти и ребра.

В фондохранилище частично сохранился только неполный скелет собаки: фрагмент нижней челюсти, трубчатые кости без эпифизов, крестец, ребра и позвонки. Альчик овцы и кости животного в коллекции не обнаружены. Поэтому определить вид крупного животного не удалось.

Курган № 11, погребение № 3

В центре грабительского раскопа обнаружено скопление смещенных со своего первоначального места костей человека: череп, кости таза, кости рук, ребра, позвонки. Непотревоженными остались кости ног и левого предплечья. Судя по ним, умерший был положен вытянуто на спину, головой на север, с небольшим разворотом вправо, руки вытянуты вдоль корпуса [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29. Л. 41].

У левого предплечья с восточной стороны лежали кости конечностей крупного животного. Длинные кости ориентированы по линии север–юг. По данным полевого отчета, животное не определено. Материал, хранящийся в фондохранилище КалмНЦ РАН, — бедренная кость и кость голени принадлежит лошади.

Курган № 12, погребение № 1

На дне подбоя вытянуто на спине лежал скелет взрослого человека [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29. Л. 49]. Кости овцы (кости ноги и часть таза) лежали за черепом погребенного.

Эти кости имеются в фондохранилище. В коллекции обнаружены кости задней конечности (пястные кости и фаланги) лошади из этого же погребения, а также ребро из отвала. Кости лошади не описаны в полевом отчете.

Курган № 17, погребение № 1

На дне подбоя вытянуто на спине, головой на юг лежал скелет человека. Кости задней ноги и части таза овцы лежали перед лицом погребенного, они располагались параллельно друг другу, на дне, подбоя в его юго-западном углу [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29. Л. 74]. В коллекции фондохранилища имеются фрагмент таза, бедренная кость, кость голени и альчик овцы.

Курган № 20, погребение № 1

На дне подбоя, вытянуто на спине, головой на запад лежал скелет взрослого человека. Череп лежал на затылке, лицевой частью вверх. Часть позвонков, рёбра и правая плечевая кость отсутствовали. Руки протянуты вдоль туловища. Кости кистей отсутствовали. Ноги вытянуты, стопы не соприкасались [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29. Л. 82]. Кости ноги овцы лежали на правом колене погребенного. К сожалению, эти кости не сохранились в коллекции фондохранилища.

Курган № 21, погребение № 1

При зачистке дна могильной ямы была обнаружена непотревоженная часть скелета человека: правая бедренная кость, часть правого крыла таза, правое предплечье и кисть. Судя по положению этих костей, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на север [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29. Л. 88].

У северной стены ямы лежали кости животного — овцы (кость ноги, альчик и часть таза). В коллекции обнаружена россыпь костей.

Курган № 28, погребение № 1

Скелет взрослого человека полностью разрушен грабительским раскопом. На дне могильной ямы *in situ* сохранились только кости ног человека. Судя по их положению, умерший был положен на спину вытянуто, головой на восток [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29. Л. 129]. Мелкие фрагменты костей крупного животного были обнаружены в западном углу ямы, рядом с пле-

чевой костью человека. Севернее правого колена, на дне ямы, лежала длинная трубчатая кость овцы. Кости не сохранились в фондохранилище.

Курган № 30, погребение № 1

Погребение было разрушено грабителями. Кости скелета взрослого человека в беспорядке встречались в засыпи ямы. Непотревоженными остались длинные кости левой ноги и берцовые кости правой ноги. Судя по их положению, умерший был положен вытянуто на спину, головой на восток [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29. Л. 135].

На дне ямы в анатомическом порядке находились кости овцы (часть позвоночного столба с ребрами, кости ноги). В коллекции кости не сохранились.

Курган № 31, ровик

На дне в северной части ровика найдены в анатомическом порядке часть позвоночного столба и хвостовая часть с крестцом овцы [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29. Л. 140].

В фондохранилище кости овцы не сохранились.

Курган № 31, погребение № 3

Скопление костей взрослого человека в беспорядке было найдено в 0,6 м к юго-западу от центра кургана. На уровне 1,04 м лежала длинная кость взрослого человека, ребра, позвонки, кость стопы и крестец. С западной стороны скопления костей лежал череп человека без нижней челюсти, лицевой частью вверх, также в смещенном положении. Лобная часть черепа располагалась на уровне 1,06 м. Установить положение скелета человека не удалось [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29. Л. 142].

Три позвонка овцы в сочленении лежали перед грудью погребенного на уровне 1,13 м. В коллекции позвонки овцы не сохранились.

Выводы

Проведенный анализ полевого отчета и костного материала, хранящегося в фондохранилище КалмНЦ РАН, показал, что погребальная обрядность позднесарматского времени имеет характерные особенности. Так, в погребениях курганной группы *Дюкер* подавляющее количество костей принадлежало домашним видам животных, таким как овца (*Ovis aries*), лошадь (*Equus caballus*), собака (*Canis familiaris*). Заупокойная пища в захоронениях чаще всего представлена костями овцы, которая составляет 70,5 % от всех находок останков животных (см. табл. 1). Преимущественно это кости задних конечностей в сочленении с тазовыми костями (см. табл. 2–3). В погребениях с жертвенной пищей в некоторых случаях встречаются и кости лошади. Они представлены костями задних конечностей (см. табл. 3). Это указывает на то, что погребенному преподносили «мясную» часть животного.

Не было выявлено никакой закономерности по локализации костей животных по отношению к погребенному. Они встречены со всех сторон относительно погребенного, но все же чаще кости животных находятся за головой (см. табл. 2). Имеются случаи, когда кости животных найдены слева, справа и в ногах погребенного.

Большой интерес представляют погребения, где были встречены кости собаки (*Canis familiaris*). Судя по размерам костей, собаки не были крупными. В погребениях найдены кости всех отделов скелета целыми, не раздробленными (см. табл. 2–3). Необходимо отметить, что целостность и положение костей указывает, что собаки являлись сопровождающими животными в захоронениях и не употреблялись в пищу.

Источники

- Цуцкин 1979 — *Цуцкин Е. В.* Отчет о работе археологической экспедиции КНИИФЭ и КГУ в 1979 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 17.
- Цуцкин 1980 — *Цуцкин Е. В.* Отчет о работе археологической экспедиции КНИИФЭ в 1980 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 22.
- Цуцкин 1982 — *Цуцкин Е. В.* Отчет о работе археологической экспедиции КНИИФЭ в 1982 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29.

Литература

- Антипина 2003 — *Антипина Е. Е.* Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России. К столетию со дня рождения В. И. Цалкина. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 7–33.
- Балабанова и др. 2015 — *Балабанова М. А., Клепиков В. М., Коробкова Е. А., Кривошеев М. В., Перерва Е. В., Скрипкин С. А.* Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология. Волгоградский государственный университет. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 272 с.
- Буратаев 2017а — *Буратаев Е. Г.* Материалы из курганной группы *Дюкер* // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 3. С. 76–90.
- Буратаев 2017б — *Буратаев Е. Г.* Позднесарматские погребения могильника *Дюкер* Республики Калмыкия // *Oriental Studies*. 2019. № 2. С. 220–244.
- Очир-Горяева 2008 — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники волго-маньчских степей: (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.
- Кольцов 2016 — *Кольцов П. М.* Археологическая карта Республики Калмыкия. Ики-Бурульский, Приютненский, Целинный, Черноземельский районы. Элиста: Джангар, 2016. 299 с.
- Кривошеев 2011 — *Кривошеев М. В.* Формирование и развитие позднесарматской культуры в Нижнем Поволжье (по данным погребального обряда) // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы VII Международной научной конференции. Ростов на/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 57–92.
- Максименко 1998 — *Максименко В. Е.* Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // *Донские древности*. Азов: ЗАО «Книга», 1998. 304 с.
- Малышев 2013 — *Малышев В. Ю.* Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н. э.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 301 с.
- Симоненко 2004 — *Симоненко А. В.* Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // *Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии*. Докл. к 5 междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар: Фирма НСС, 2004. С. 134–173.
- Трибунский 2003 — *Трибунский С. А.* Позднесарматская культура урало-казахстанских степей: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2003. 22 с.

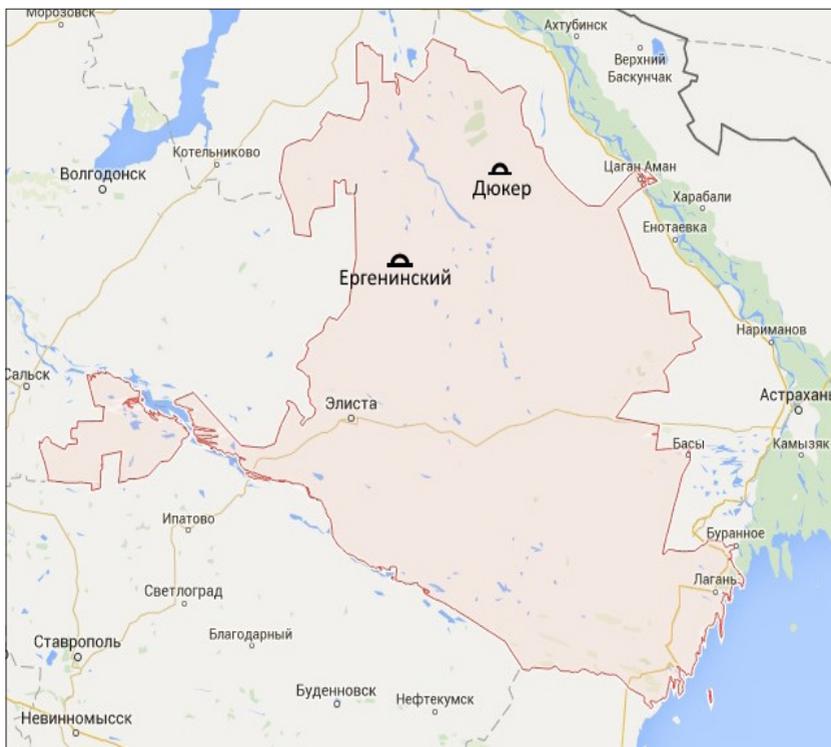

Рис. 1. Географическое положение курганной группы Дюкер

Таблица 1. Частота встречаемости костных останков животных из курганной группы Дюкер

Вид животного	По полевому отчету		Хранится в фондохранилище КалмНЦ РАН	
	кол-во особей	%	кол-во особей	%
овца	12	70,5	4	44,4
лошадь	0	0	2	22,2
собака	2	11,7	2	22,2
не определенное	3	17,6	1	11,1
Всего	17	100	9	100

Таблица 2. Остатки заупокойной пищи и сопровождающих животных по материалам полевых отчетов (сокращения: *жен.* — женский; *мол.* — молодой; *взр.* — взрослый; *С* — север; *СВ* — северо-восток)

Куран	Погребение	Пол, возраст потребителя	Поза погребенного	Археозоологический материал			Культурно-хронологическая принадлежность
				Вид	Описание	Положение	
1	1	жен., мол.	вытянуто на спине, головой на С	овца	длинные кости конечностей с тазовой костью и альчик	за головой погребенного	сарматский период
2	1	взр.	разрушено	овца	крыло таза, эпифиз трубчатой кости, альчик	за бедром погребенного	сарматский период
6	1	взр.	вытянуто на спине, головой на С	овца	длинные кости ног и крыло таза	за головой погребенного	сарматский период
9	1	взр.	разрушено	собака	фрагменты черепа, кости конечностей, ребра	выше уровня залегания костей человека	сарматский период
10	1	взр.	вытянуто на спине, головой на СВ	собака	фрагмент нижней челюсти, ребра, кости конечностей	в засыпи ямы	сарматский период
10	1	взр.	вытянуто на спине, головой на СВ	—	фрагмент нижней челюсти и ребра	в северо-западном углу ямы	сарматский период
10	1	взр.	вытянуто на спине, головой на СВ	овца	альчик с просверленным в середине отверстием	у правого колена погребенного	сарматский период
11	3	взр.	вытянуто на спине, головой на С	—	кости конечности	у левого предплечья погребенного	сарматский период
12	1	взр.	вытянуто на спине	овца	кости ноги и часть таза	за головой	сарматский период

17	1	взр.	вытянуто на спине, головой на Ю	овца	кости конечности и часть таза	перед лицом погребенного	сарматский период
20	1	взр.	вытянуто на спине, головой на З	овца	кость конечности	на правом колене погребенного	сарматский период
21	1	взр.	вытянуто на спине, головой на С	овца	кости конечности, альчик и часть таза	за головой погребенного	сарматский период
28	1	взр. (разрушено)	вытянуто на спине, головой на В	овца	длинная трубчатая кость	у правого колена погребенного	сарматский период
28	1	взр. (разрушено)	вытянуто на спине, головой на В	—	мелкие фрагменты костей	у правого плеча погребенного	сарматский период
30	1	(разрушено)	вытянуто на спине, головой на В	овца	кости в анатомическом порядке: часть позвоночного столба, ребра, кости ног	у правой ноги, ниже колена погребенного	сарматский период
31	ровик	—	—	овца	часть позвоночного столба, часть хвоста, крестец	на дне северной части ямы	сарматский период
31	3	разрушено	разрушено	овца	сочлененные позвонки (3 шт.)	перед грудью погребенного	сарматский период

Таблица 3. Остатки заупокойной пищи и сопровождающих животных из фондохранилища КалмНЦ РАН (сокращения: *взр.* — взрослый; *С* — север; *Ю* — юг)

Курган	Потребные	Пол. возраст	Поза погребенного	Археозоологический материал		Культурно-хронологическая принадлежность
				Вид	Описание	
2	1	взр.	разрушено	овца	фрагмент тазовой кости (1), большеберцовая кость (1), эпифиз бедренной кости (1)	сарматский период
9	1	взр.	разрушено	собака	фрагменты черепа, кости конечностей, ребра	сарматский период
10	1	взр.	вытянуто на спине	собака	фрагмент нижней челюсти, крестец, трубчатые кости без эпифизов, ребра, позвонки	сарматский период
11	3	взр.	вытянуто на спине, головой на С	лошадь	бедренная кость (1), большеберцовая кость (1), фрагменты таза	сарматский период
12	1	взр.	вытянуто на спине	лошадь	3-я пястная кость (1), проксимальная фаланга (1), средняя фаланга (1), кости запястья (2), фрагмент 4-ой пястной кости	сарматский период
12	1	взр.	вытянуто на спине	—	кость из отвала: фрагмент ребра	сарматский период
12	1	взр.	вытянуто на спине	овца	большеберцовая кость (1), фрагмент таза, алычк (1), фрагмент эпифиза	сарматский период
17	1	взр.	вытянуто на спине, головой на Ю	овца	таз (1), большеберцовая кость (1), бедренная кость (1), алычк (1), эпифизы трубчатых костей (3)	сарматский период
21	1	взр.	вытянуто на спине, головой на С	овца	мелкие фрагменты костей	сарматский период

О лингвокультурной атрибуции и семантике «костяных молоточковидных булавок» (по материалам раскопок в Калмыкии)

Николаева Надежда Алексеевна¹

¹ Московский государственный областной университет (д. 10А, ул. Радио, 105005 Москва, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент
ORCID 0000-0003-3961-9284 E-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи — публикация результата раскопок кургана (*Чограй* 1986, группа 6, курган № 3), включающего погребения трех периодов бронзового века на территории Калмыкии. В ранней катакомбе № 3 по «древнеямному обряду» скорченно на спине обнаружена уникальная конструкция из артефактов древнеямной атрибуции — «костяных молоточковидных булавок» и бронзовых пластин с пуансонным орнаментом, являющая религиозные представления носителей древнеямной культуры, ассимилированных катакомбниками. По мнению автора, они указывают на иконографию Великой богини индоиранцев, а помещение ее изображений в виде «булавок» в погребения кубано-днепровской, позднеямной и ямно-катакомбной культур связано с отводимой Великой богине функции возрождения, что согласуется с общей индоевропейской религиозной практикой.

Ключевые слова: бронзовый век, Предкавказье, индоевропейские миграции, древнеямная культура, катакомбная культура, кубано-днепровская культура, кубано-терская культура

Благодарность. Автор выражает благодарность д-ру ист. наук М. А. Очир-Горяевой за содействие в публикации материалов наших раскопок 1986 г. в Калмыкии.

Для цитирования: Николаева Н. А. О лингвокультурной атрибуции и семантике «костяных молоточковидных булавок» по материалам раскопок 1986 года в Калмыкии. Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019; (4): 151-169. DOI: 10.22162/2587-6503-2019-4-12-151-169.

On linguistic-cultural attribution and semantics of “two-hammer bone pins” (based on excavations in Kalmykia)

*Nadezhda A. Nikolaeva*¹

¹ Moscow Region State University (10A, Radio Str., Moscow 105005, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

ORCID: 0000-0003-3961-9284. E-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is the publication of materials of barrow No. 3 in Chogray 1986 (group 6), covering burials of three periods of the Bronze Age in Kalmykia. In the early catacomb 3/3, a unique construction of ancient pit-grave culture artefacts was discovered — “two hammered bone pins” and bronze plates with a punch ornament probably demonstrated the religious beliefs of the carriers of the Late Pit culture. According to the author, these artifacts point to the iconography of the Great Goddess developed by the Indo-Iranians and preserved by assimilated bearers of the Late Pit-Grave culture. Placing Deity’s images in the form of “pins” in the burials of the Kuban-Dnieper, the Late Pit and the mixed Pit-Grave / Catacomb cultures are associated with the revival function assigned to the Great Goddess. This tradition correlates with the general Indo-European practice.

Keywords: Bronze Age, CisCaucasia, Indo-European migrations, ancient Pit-Grave culture, Catacomb culture, Kuban-Dnieper culture

Acknowledgements: The author expresses gratitude to Dr. M. Ochir-Goryaeva for assistance in publishing materials of our 1986 excavations in Kalmykia.

For citation: Nikolaeva N. A. On linguistic-cultural attribution and semantics of “two-hammer bone pins” (based on excavations in Kalmykia). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2019; (4): 151-169. DOI: 10.22162/2587-6503-2019-4-12-151-169.

Территория Калмыкии хорошо исследована в археологическом отношении благодаря масштабным спасательным археологическим раскопкам в зонах строительства крупных объектов народно-хозяйственного значения советского периода. В те годы были в

большом количестве изучены курганные группы с погребениями всех эпох [Очир-Горяева 2008]. Выделяется целый ряд уникальных памятников, значение которых выходит далеко за пределы региона. Особенно это касается погребальных памятников энеолита — бронзового века III–II тыс. до н. э., являющихся предметом нашего внимания.

В 1984–1987 гг. проводились спасательные раскопки курганов в зоне Чограйского водохранилища. В 1986 г. в зоне Чограйского водохранилища нами было раскопано две группы курганов: группа № 6 и группа № 8¹. В группе № 6 было раскопано 7 курганов. Особого внимания заслуживает курган № 3, поскольку там была найдена конструкция из культовых предметов, которая впервые составила надежную основу для определения функции так называемых «костяных молоточковидных булавок»². Назначение этих предметов, как и их происхождение, до сих пор не определено. Они рассматривались либо как украшения, либо как неопределенные сакральные символы. Дискуссионной остается их культурная (катакомбная или ямная) атрибуция.

Цель данной статьи — как методическая (публикация кургана со сложной стратиграфией), так и интерпретационная (определение семантики «костяных молоточковидных булавок» и их лингвокультурной атрибуции, выявляющее религиозные воззрения населения ямной культуры и этнические процессы в Предкавказье в III тыс. до н. э.).

К числу важнейших вех в исследовании этой категории артефактов относятся первый Свод костяных молоточковидных «булавок» Причерноморья и Предкавказья [Латынин 1967], раскопки в Предкавказье и конкретно в Калмыкии, увеличившие выборку

¹ Экспедиция была организована отделом археологии Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии и экономики. Раскопки проводились В. А. Сафроновым и Н. А. Николаевой. В данной статье публикуются впервые материалы одного из курганов [Николаева 1986].

² В статье эта категория предметов будет называться «булавками» в кавычках, поскольку, по нашему мнению, они являются не украшениями, а стилизованными антропоморфными идолами в русле изменений позднетрипольских статуэток [Николаева 2010].

«булавок» [Синицын 1978а; Синицын 1978б]; первые классификации этой категории предметов Предкавказья и Причерноморья по пяти признакам — двум количественным (характеризующим форму булавки) и трем качественным (орнаментация и погребальный обряд) для каждого культурно-хронологического типа [Сафронов 1973; Сафронов 1974; Николаева, Сафронов 1975]. Открытие кубано-днепровской культуры¹ [Николаева 1980: 29] позволило перейти к лингвокультурной атрибуции памятников с этими «булавками», т. е. к реконструкции основных событий этой эпохи — индоиранских миграций из Центральной Европы в степи Восточной Европы и в том числе в Предкавказье с дальнейшим разделением на индоариев и праиранцев [Николаева, Сафронов 1983: 43–83; Николаева 2007: 3–26].

Материалы и методика. Курган № 3 высотой 0,4 м и диаметром 11 м представлял собой небольшую насыпь на естественном всхолмлении (бровка 1 — рис. 1) и содержал 6 погребений. Все погребения были впущены почти по центру, что создало сложную прямую стратиграфию, потребовало нестандартного порядка вскрытия погребений и тщательной разборки заполнения при уточнении контуров могил. В Отчете указано, что основным в кургане было материковое погребение 3/2 в катакомбе (материковый выкид на холме длиной 4 м был законсервирован насыпью, что видно в бровке 1 — рис. 1), но сделана оговорка, что основным могло быть как погребение 3/2, так и близко расположенное погребение 3/3 с уникальной конструкцией булавок. Однако анализ чертежей и расстояний между возможными основными погребениями показал, что наряду с выкидом от п. 3/2 был законсервирован также выкид из погребения 3/6 с другой группой «булавок», о чем можно судить по бровке 1 с восточной стороны. Линза выкида 3/6 лежит на погребенной почве и перекрыта слоем насыпи. За-

¹ Позднее наше открытие признали, но кубано-днепровская культура была переименована [Гей 2000: 3] в «новотитаровскую» по первой находке в Нижнем Прикубанье. Хотя два наименования культуры недопустимы, но коль скоро такая ситуация сложилась, за новотитаровской культурой мы оставляем значение регионального варианта кубано-днепровской культуры [Трифонов 1991: 131, 135] и в тексте используем обозначение «кубано-днепровская/новотитаровская».

хоронения в катакомбах 3/2, 3/3 и 3/6 типологически идентичны, два из них с тождественным инвентарем, вероятно, незначительно разошлись во времени, поэтому оба выкида сохранились и оказались под одной насыпью, которую соорудили над более поздним из двух погребений — 3/6.

Последовательность погребений: при основных погребениях 3/6 и 3/2 была следующая: первым впускным было погребение 3/3 (все три — ранние катакомбы с обрядом «на спине скорченно» относятся к группе III [Сафронов 1974: 77–90]), далее 3/4 — поздняя катакомба со срубным обрядом (VI группа) [Сафронов 1974: 103]) и последняя 3/5 — погребение срубной культуры (VII группа) [Сафронов 1974: 111].

Прямая стратиграфия прослежена в трех случаях. Срубное погребение 3/5 находилось в заполнении раннекатакомбной могилы 3/6. Эта ситуация также прослежена и по бровке 2, где было видно два столба заполнения. Погребение 3/5 было впущено из-под дерна, покрывающего насыпь. Столб заполнения второй основной могилы 3/6 прослежен с поверхности холма (рис. 1) и перекрыт насыпью.

По причине сложной стратиграфии в траншее 1–2 описание погребений дается в том порядке, в каком их находили.

Пятно № 1 (полевое обозначение слившихся пятен от обрушенных камер и входных ям 3/4 и 3/2) размером 2,15х 1,8 м обнаружено на глубине 0,8 м от центра кургана на материке. Ориентировано по сторонам света. Восточная линия контура пятна была выпуклая (как если бы это был контур провалившегося свода камеры катакомбы), что и подтвердилось в дальнейшем. Пятно входило в бровку 0, в которой был виден столб заполнения из-под дерна, т. е. после завершения строительства кургана. Бровка была снята, и с западной стороны линия пятна оказалась прямой. Под этим пятном скрывалась камера 3/4 и две входные ямы 3/4 и 3/2. Далее пятно № 1 более не упоминается в тексте как отдельный объект.

Погребение № 4. Впускное. Катакомба, которую сначала приняли за яму, прокопали от уровня пятна. На глубине 0,9 м от края пятна (= 1,74 м от центра кургана), в восточной его части было об-

наружено погребение 3/4. Входная яма к камере была выявлена уже после расчистки погребения (см. ниже). Длина ее — 1,16 м; ширина — 1 м. Северной стенки не было, а северная линия контура ямы уходила вертикально вниз на 0,3 м, что свидетельствует о том, что 3/4 срезала стенку другой, более глубокой входной ямы, дно которой мы фиксируем ниже 3/4, и, таким образом, от обеих стенок 3/2 и 3/4 осталась только ступенька высотой 0,3 м. По этой линии входные ямы разделяются. Входная яма 3/2 имела наклон к камере. Глубина входной ямы и камеры 3/4 была одинаковой и равнялась 1,7 м от центра кургана, поэтому ступеньки в камеру 3/4 не было.

Форма камеры 3/4 — прямоугольно-овальная. На дне камеры катакомбы лежал скелет взрослого человека на левом боку, скорченно, головой на ЮЗ. Пятки прижаты к тазу. За спиной лежал бронзовый нож. У головы перед лицом погребенного стоял сосуд.

Инвентарь: неорнаментированный сосуд коричневого цвета (венчик, плечевая и придонная часть черного цвета), ручка из-под венчика с желобком посередине. Место наибольшего диаметра отмечено двумя концентрическими линиями; изнутри и в изломе глина черного цвета. Высота — 10,5 см. Наибольший диаметр — 16,2 см. Ширина ручки — 2,5 см (рис. 4.1). Нож — «срубоидной» формы. Это значит, что вместо короткого перехода в лезвие, как у «срубных» ножей с упором, на переходе от черенка в лезвие у «срубоидного» ножа имеется площадка с параллельными сторонами, ниже которой лезвие принимает форму треугольника (рис. 4.1). Длина — 15 см. Длина черенка — 3,7 см.

Таким образом, катакомбная могила 4 «села» на входную яму 3/2 и срезала ее восточную стенку; входные ямы совместились и были обнаружены на уровне дна, почти на одной глубине. Только небольшая разница уровней дна позволила разделить их. Пятно, которое в Отчете было обозначено под № 1, состояло, таким образом, из пятна входной ямы катакомбы 3/2 и входной ямы 3/4. «Заплечики», которые упоминались в Отчете, с южной стороны шириной 1 м на глубине 1,6 м, на самом деле оказались дном входной ямы 3/4.

Погребение № 2 (рис. 1, 2). Одно из двух основных. Было определено в Отчете как единственно основное. Совершено в ранней Т-образной катакомбе по древнеявному обряду. Следы обрушенной камеры проявились на глубине 0,8 м от вершины кургана в виде прямоугольника, примыкавшего к большому пятну № 1, а другой стороной примыкала камерой к катакомбе 3/3. Входная яма катакомбы 3/2 размером 1,8x0,8x 1,7–1,9 м была смежной с входной ямой подбойной могилы 3/4 (рис. 1). Дно входной ямы было наклонным. Ступенька (высотой 1,2 м) была необычной для ранних катакомб. Это предполагало наличие свода камеры высотой, по крайней мере, до 1,7 м. Прямоугольное пятно камеры 3/2 сначала было принято за простую яму и только по кривизне стенок у дна стало возможным определить его как камеру катакомбы. Форма камеры — овальная. Размеры 2,5x 1,5x 1,7 м. Скелет подростка лежал на спине скорченно, головой на юг, руки вытянуты вдоль туловища. Инвентаря не было. Атрибуция устанавливается не по форме могилы, а только по обряду погребения, что следует из дальнейшего анализа.

Погребение № 3 (рис. 3). Первое впускное в насыпь. Пятно катакомбы с обрушенным сводом было обнаружено на материке, на глубине 1 м от вершины кургана в виде восьмёркообразного пятна. Оно находилось на 2 м от центра кургана к северу и востоку. Если бы это погребение было основным, о чем сказано в Отчете, то насыпь, закрывшая выкид и могилу, была бы центрирована относительно погребения 3/3. Необычность входной ямы и камеры в виде овально-круглой формы отличала ее от ранних катакомб. Нехарактерна форма круга/овала и для могил ямной культуры. Длина оси входной ямы — 1,5 м. Глубина ее дна от центра кургана — 1,56 м. В центре входной ямы находилось возвышение в форме глиняного круга высотой 6 см. Разность уровней дна входной ямы и камеры — 0,24 м, и ступенька к камере шла под углом 90°. Размеры входа в камеру — 1,0 x 0,7 м. Камера представляла собой овал, более широкий в области головы и сужавшийся к ногам. Скелет подростка лежал на меловой подсыпке, с пятнами сажи на ней, на спине, головой на восток, ноги согнуты в коленях, упали влево, на

останец земли. Вдоль левой стороны дно окрашено охрой. Инвентарь. Между стенкой камеры и левым локтем в 15 см от скелета находилась упомянутая конструкция известных по отдельности в археологической литературе артефактов: большая молоточковидная орнаментированная «булавка» из рога оленя (?) длиной 21 см, четыре неорнаментированные молоточковидные «булавки» из кости с плоским навершием и прямым стержнем длиной 12,1, 10,3 и 11,5 см; две прямоугольные бронзовые пластины размером 5x5 см, трубчатые костяные «пронизи» 7 экз. разной длины от 1,5 до 3 см, а также браслеты из зубов ската 5 экз. диаметром 2,5 см (рис. 3).

Взаиморасположение «булавок» и пластин представляло особый интерес (рис. 3.3). Большая, тщательно обработанная орнаментированная «булавка» находилась в центре и была вкопана в землю на 10 см до линии орнамента. Орнамент на «булавке» состоял из зигзагообразных ломаных линий, опоясывающих ее до середины стержня и заштрихованных горизонтальными отрезками. Внизу декоративный фриз оконтурен четырьмя полосками с косой штриховкой.

Бронзовые пластины стояли по обеим сторонам булавки, как заградительные щиты. К этим «щитам» примыкали маленькие булавки-проколки, скрещенные на каждой из пластин по две (рис. 3). Пластины были пробиты по периметру двумя рядами отверстий, сделанных пуансонным штампом. Диагонали были пробиты тройными рядами пуансонного штампа и образовывали крест (рис. 3).

Подобная конструкция стала первой и пока единственной в курганах Предкавказья. Ее уникальность заключается в том, что зафиксировано *in situ* первоначальное положение всех элементов композиции, и это позволяет сделать ряд предположений о предназначении всей композиции, а также о кульгово-религиозной семантике так называемых «костяных молоточковидных булавок».

Погребение № 6 (рис. 4.2). Было обнаружено после расчистки срубного погребения 3/5, которое было совершено так же, как и в случае 3/4, во входной яме катакомбы 3/6. Общее пятно 3/5 и 3/6 было обнаружено на глубине 1,2 м от центра кургана. Катакомба имела входную яму размером 1,5 x 0,8 x 1,78 м. Входная яма имела

наклон 14 см к камере. Ступенька имела размеры 0,35 м. Камера была круглая в плане 2,15х 1,75 м, где находились скелеты двух подростков. Один был сдвинут к стенке, и анатомический порядок костей был нарушен. Второй скелет лежал на левом боку с отклонением на спину. Одна рука была согнута под прямым углом. Правая вытянута вдоль туловища (обряд, характерный для кубано-днепровской культуры, синхронной и генетически связанной с древнеямной). Инвентарь. В 10 см от костей таза лежали три большие орнаментированные булавки, изготовленные в соответствии с общим канонem для орнаментированных, сделанных из рога булавок. Первая булавка с зигзагообразным орнаментом; полосы зигзага косо заштрихованы. Длина — 12 см. Другая булавка с плохо читаемым орнаментом имела длину 10,5 см. Обе принадлежат к I–II стадиям нашей классификации [Николаева, Сафронов 1975: 11 сл.] (рис. 2).

Третья булавка с 4-лепестковым плоским навершием не имеет орнамента и свидетельствует либо о деградации и затухании самой традиции изготовления «булавок» у ямников, захороненных в катакомбах, либо о другой функции. Четвертая булавка имеет изогнутый стержень и несохранившееся навершие. Орнаментирована в том же стиле косыми заштрихованными полосками. Производила впечатление изогнутой булавки, характерной для вытянутых погребений Калмыкии, II и IV групп, по В. А. Сафронову, о чем было написано в Отчете. Однако пересматривая этот тезис, мы считаем, что в данном случае изогнутость стержня — это отклонение от канона изготовления костяных молоточковидных «булавок». Такие изогнутые молоточковидные булавки встречались в катакомбах курганов *Чограя*.

Погребение № 5 (рис. 4). Было обнаружено на глубине 1,2 м. Погребение 3/5 находилось в заполнении входной могилы более ранней катакомбы 3/6. Скелет взрослого человека лежал на правом боку. Углы скорченности костей ног — 30°. Руки перед лицом. У головы лежала боковина крупного сосуда серо-желтого цвета со следами нагара, в изломе черного цвета, так называемая «жаровня», украшенная штампованным псевдошнуровым орнаментом в виде «елочки» (рис. 4).

Обсуждение. Несмотря на сложную стратиграфию, установленная последовательность погребений вполне убедительна и вписывается полностью в периодизацию, выдержавшую проверку временем [Сафронов 1974].

Особое явление представляет собой катакомба № 3 с ее инвентарным комплексом, позволяющим с уверенностью и окончательно определить предназначение так называемых «костяных молоточковидных булавок» как предметов культа, но никак не украшений, как считает ряд исследователей [Шишлина 2007; Клещенко 2012; Гей 2000]. Обнаруженная и зафиксированная *in situ* конструкция из пяти «булавок» и двух бронзовых прямоугольных пластин (рис. 3.3) демонстрирует их новую функцию, а также разный статус «булавок», на что раньше никто не обращал внимания¹. Большие орнаментированные «булавки», сделанные из качественного материала (рога оленя), тщательно обработанные, образуют группу, отдельную от небрежно сделанных из случайного костного материала булавок. Это деление булавок на две разностатусные группы стало основанием для корректировки классификации «булавок», выполненной нами ранее в двух статьях [Сафронов 1973; Николаева, Сафронов 1975]. Нестандартные булавки теперь следует исключать из классифицируемой выборки на основании критериев: «используемый материал» и абсолютный размер².

¹ Следует отметить, что А. Н. Гей первым обратил внимание на разный материал, из которого сделаны «булавки». Орнаментированные, «роговые», по его мнению, изготовлены из рога оленя. Остальные — из кости [Гей 2000]. Но выводов из этого не сделал.

² Нужно упомянуть в данной связи, что в основу нашей классификации «булавок» мы положили пропорции стержня и навершия, не разделяя выборку, поскольку не было оснований разделить ее по критерию значимости или что то же — «статусу» булавки. Поэтому в катакомбах небрежно сделанные булавки по пропорциям попадали в группу булавок, находимых при древнейших погребениях, на что обращали внимание оппоненты, отвергая классификацию в целом. Переход от более ранних неорнаментированных образцов к «булавкам», орнаментированным параллельными заштрихованными лентами (в ямах), а затем к булавкам и с зигзагообразными лентами (в катакомбах) коррелирует с тенденцией изменения формы от древнейших булавок с цилиндрическим стержнем к булавкам с веретенообразным стержнем [Сафронов 1973; Сафронов 1974; Николаева, Сафронов 1975].

Последующие выводы зависят от определения степени уникальности самой конструкции. С учетом нашей находки (Чограй 1986, VI группа, 3/3) еще в двух случаях зафиксировано закапывание до половины стержня в землю около погребенного большой орнаментированной булавки, но без сопровождающего комплекса. Так, А. Н. Гей описывает такой случай в Прикубанье (Тимашевский курган, погребение № 30), «как яркий, где булавка была воткнута в дно могилы», считая также, что вкапывание булавок» — не случайность, а «осмысленное особое позиционирование этих предметов». В других случаях им фиксируются булавки у локтя, обращенные острием к руке или между скелетом и стенкой камеры, дважды — у головы [Гей 2000: 163], что, правда, никак не комментируется. В Калмыкии (Чограй IX, курган № 15, погребение № 10) обнаружено одно парное погребение с булавками: на спине скорченно и вытянутое на спине и сдвинутое к стенке, где из четырех простых нестандартных булавок одна из них была «воткнута в землю к югу от костей ног» [Шишлина 2007: 103: рис. 29.5, 29.6, 29.7].

Однако чаще встречаются «молоточковидные булавки» в другой композиции, широко распространенной в погребениях ранне/среднебронзового века в Центральном Предкавказье и послужившей в качестве хронологического признака для выделения поздней древнеямной культуры в Предкавказье [Сафронов 1974: 63–64] и Северном Причерноморье [Шапошникова и др. 1986: 47]. Композиция состоит из большой молоточковидной «булавки» в центре ожерелья, помещаемого на груди погребенного. С двух сторон от «булавки» всегда находились две круглые слабовыпуклые бляхи с пуансонным орнаментом, а по обеим сторонам от них далее располагались зубы хищных животных и травоядных или зубы ископаемой рыбы. Ранее мы определили эту композицию не как обычный инвентарь, а как воссоздание макрокосма, в центре которого находится «молоточковидная булавка» = Великая богиня как творец мироздания, окруженная символами звездного неба — слабовыпуклые бляхи с пуансонным орнаментом и символами животного мира — резцы и клыки

животных, а также символами плодородия — стерженьки-подвески [Николаева 2010; Николаева 2011].

Очень важно, что в погребениях новотитаровского варианта кубано-днепровской культуры в Западном Предкавказье встречается тот же набор предметов с костяной молоточковидной «булавкой», что и в Восточном Предкавказье — «слабовыпуклые бляхи в комплексе с бусами, зубами ископаемой рыбы, с костяными и металлическими пронизиями и с простыми костяными «булавокками-проколками» [Гей 2000: 163]¹. Это свидетельствует о том, что разделение единой древнеямной культуры до Днепра на кубано-днепровскую и позднеямную культуры не коснулось сферы их общей религии.

Но если ожерелье на погребенном с булавкой, бляхами и зубами животных можно еще принять за украшение, то найденную нами конструкцию в *Чограе* 1986, VI 3/3 с вкопанной в землю до половины стержня булавкой украшением не назовешь. Эта композиция, бесспорно, фиксирует место пребывания божества плодородия с функцией возрождения, сопровождающего умершего, о чем можно судить, например, по рисункам, скульптуре и письменной фиксации заупокойного культа Древнего Египта. И раньше исследователи допускали мысль, что булавки могут быть связаны с непонятой сакральной символикой [Латынин 1967; Кияшко 1979²], но о функции и назначении костяных молоточковидных булавок ничего конкретного никогда не было сказано.

Установление семантики молоточковидных булавок стало необходимым условием для понимания рассматриваемых нами композиций с «булавокками» и далее к реконструкции погребального культа населения древнеямной и кубано-днепровской культур,

¹ Бляхи прямоугольной формы встречаются редко, но найдены нами в Северном Прикубанье недалеко от Тимашевска, где обнаружено погребение с вкопанной в землю молоточковидной булавкой [Николаева и др. 1972: курган 3], с правобочным захоронением, ориентированным на запад.

² В. Я. Кияшко сравнил другой тип — «рогатые булавки» или «рогатки» с бляхами на неолитических и энеолитических объектах земледельческих культур Европы, что указывает на их сакральную форму, по его мнению [Кияшко 1979]. Бык считается младшим богом в культе Великой богини и косвенно, полагаем, подтверждает наличие этого культа у носителей древнеямной и ямной культур.

по данным археологии [Николаева 2010]. Нами высказана гипотеза, что «костяные молоточковидные булавки» в погребениях кубано-днепровской / новотитаровской и древнеямной культур, указывают на принадлежность их к сложившейся иконографии Великой богини, в частности, выраженной в поздне трипольской пластике, а помещение (в качестве сопровождения умершего) ее идолов — «булавок» в двух конструкциях («алтарь» и нагрудная нанизь с булавкой в центре) свидетельствует о распространении созидательной функции божества плодородия и возрождения на погребальный обряд, что в культурах Центральной Европы выражается повсеместно, начиная от позднего неолита: в помещении рядом с умершим антропоморфного сосуда-амфоры, символизирующего Великую богиню [Николаева, Гудина 2018: 24–26].

Собственно категория «молоточковидные булавки», зафиксированная в ряде культур Предкавказья не только в ямной и катакомбной, но и в кубано-днепровской, где было найдено много «булавок» [Гей 2000], и в северокавказской культурах [Клещенко 2012], служит объединяющим началом, что требует пояснений. Концепция индоевропейских миграций [Сафронов 1989: 190–204] позволяет установить лингвистическую атрибуцию этих культур как индоевропейскую в целом, в том числе определить древнеямную раннюю как индоиранскую, кубано-днепровскую культуру как индоарийскую и позднюю ямную культуру — как праиранскую. Присутствие «молоточковидных булавок» указывает всегда только на индоиранскую (индоарийская + праиранская) лингвокультурную атрибуцию погребения. Не меняется эта погребальная традиция также при условии захоронения в чуждом для ямной культуры типе могильного сооружения — катакомбе, что характеризует форму контактов двух групп населения — ямников и катакомбников с сохранением этнической идентичности. Восприятие такой инновации, как катакомба, может указывать на растущее влияние мигрантов из Западной Европы, носителей катакомбной культуры и древнеевропейцев по языку, что на следующем этапе приведет к полному исчезновению из степей праиранцев и древнеямной культуры.

Источники

Николаева 1986 — Николаева Н. А. Отчет о раскопках курганов в зоне орошаемого участка совхоза «Чограйский» (600 га) Калмыцкой АССР в 1986 году // Архив Института археологии РАН. Р-1 11627.

Литература

Гей 2000 — Гей А. Н. Новотиторовская культура. М.: Старый сад, 2000. 223 с.

Кияшко 1979 — Кияшко В. Я. К вопросу о булавках средней бронзы // IX Крупновские чтения: сб. тез. конф. (г. Элиста, 1–3 июня 1979 г.) Элиста: Респ. тип., 1979. С. 9–10.

Клещенко 2012 — Клещенко А. А. Булавки средней бронзы как культурно-хронологические маркеры // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию М. П. Грязнова (г. Санкт-Петербург, 22–26 октября 2012 г.). Т. 2. СПб.: Периферия, 2012. С. 132–137.

Латынин 1967 — Латынин Б. А. Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 9. Л.: Сов. художник, 1967. С. 5–96.

Николаева 2007 — Николаева Н. А. Индоарии на Северном Кавказе (III–II тыс.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2007. № 1. С. 3–26.

Николаева 2010 — Николаева Н. А. О культе Великой богини в религии индоиранцев // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2010. № 1. С. 98–106.

Николаева 1980 — Николаева Н. А. Повозки Западного Прикубанья и вопросы первого появления индоевропейцев в Восточной Европе // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Тез. докл. конф. (г. Оренбург, 19–22 февраля 1980 г.). Оренбург, 1980. С. 20–30.

Николаева 2011 — Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. М.: Изд-во МГОУ, 2011. 536 с.

Николаева, Гудина 2018 — Николаева Н. А., Гудина Л. А. Антропоморфные сосуды в религиозной практике древних индоевропейцев // От

- ремесла к искусству: керамика: технология, декор, стиль. Тезисы докладов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 22–25 мая 2018 г.). СПб.: СПГХПА им. А. Л. Штиглица, 2018. С. 24–26.
- Николаева и др. 1972 — *Николаева Н. А., Сафронов В. А., Авилова Л. И., Андреева М. В., Новикова Л. В.* Курганы у станицы Роговская // Археологические открытия за 1972 год. М.: Наука, 1973. С. 107.
- Николаева, Сафронов 1975 — *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Происхождение костяных молоточковидных булавок // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 142: Памятники эпохи бронзы и раннего железа. Л.: Наука, 1975. С. 11–17.
- Николаева, Сафронов 1983 — *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Проблема появления колесного транспорта в Европе. Древнейшие повозки Восточной Европы. Выделение кубано-днепровской культуры — культуры древнейших кочевников Восточной Европы // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе: Изд-во СОГУ, 1983. С. 43–83.
- Очир-Горяева 2008 — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники Волго-Маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Изд. дом «Герел», 2008. 298 с.
- Сафронов 1973 — *Сафронов В. А.* Классификация предкавказских костяных молоточковидных булавок // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 134: Бронзовый век на территории СССР. Л.: Наука, 1973. С. 42–47.
- Сафронов 1974 — *Сафронов В. А.* Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. Сообщения Научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Вып. VII. М.: Знание, 1974. С. 25–30.
- Сафронов 1989 — *Сафронов В. А.* Индоевропейские прародины. Горький: Волго-Вятск. кн. изд-во, 1989. 398 с.
- Синицын 1978а — *Синицын И. В.* Древние памятники Восточного Маньча: в 2-х ч. Саратов: Изд-во СГУ, 1978. 130 с.
- Синицын 1978б — *Синицын И. В.* Древние памятники Восточного Маньча: в 2-х ч. Саратов: Изд-во СГУ, 1978. 118 с.
- Трифонов 1991 — *Трифонов В. А.* Степное Прикубанье в эпоху энеолита-средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. Л.: Наука, 1991. С. 92–205.

- Шапошникова и др. 1986 — Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д. Ямная культурно-историческая область (южно-бугский вариант) // Археология Украинской ССР. Свод археологических источников. Вып. В1-3: Ямная культурно-историческая область. Южнобугский вариант. Киев: Наукова думка, 1986. 158 с.
- Шишлина 2007 — Шишлина Н. И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.). М.: ГИМ, 2007. 400 с.

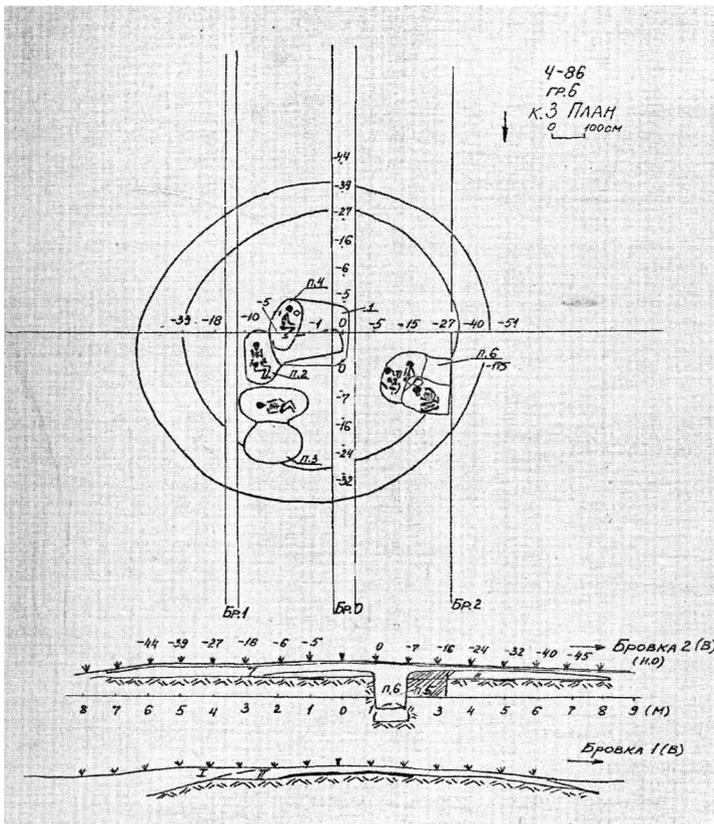

Рис. 1. План и разрезы Чограй 1986 VI группа курган 3

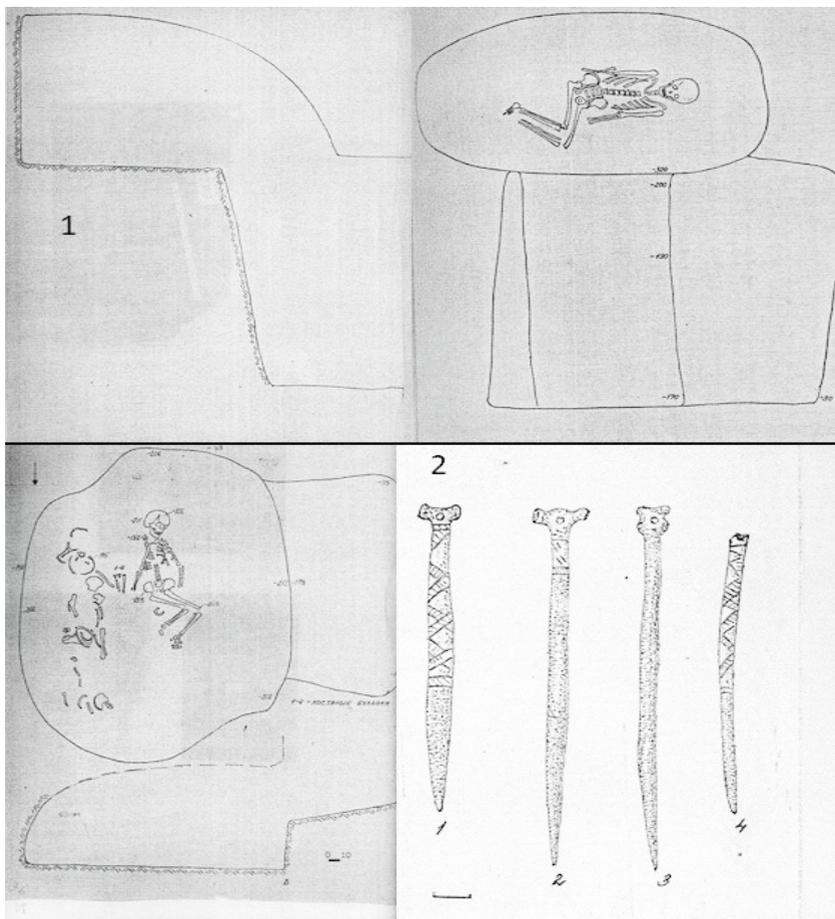

Рис. 2. Чограй 1986 VI группа. 1 — план и разрез катакомбного погребения 3/2 ; 2 — план и разрез катакомбного погребения 3/6

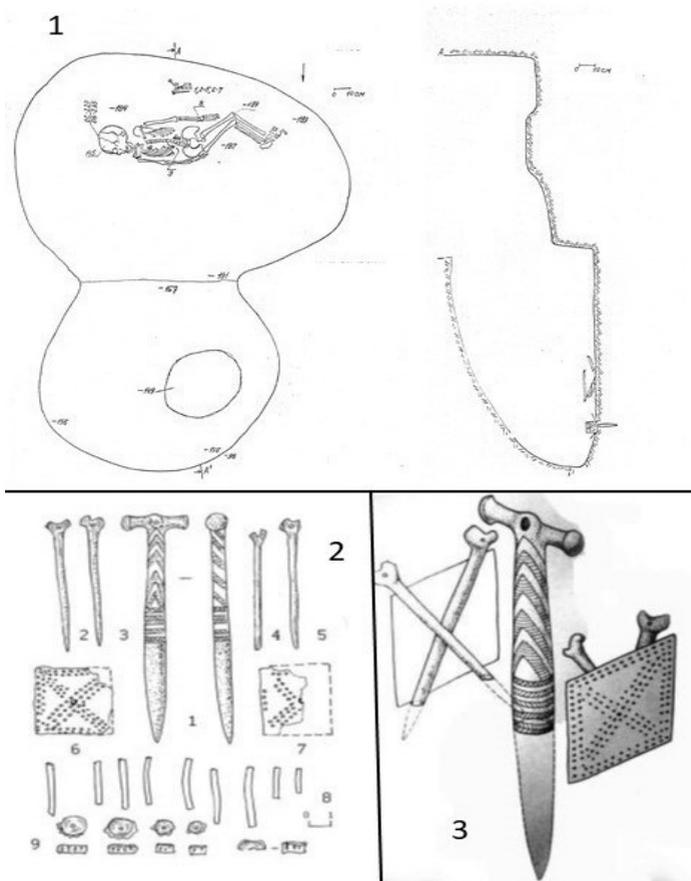

Рис. 3. Чограй 1986 VI группа, курган 3 погребение 3
 1. — план и разрез катакомбы 3/3; 2. — инвентарь 3/3; 3. —
 реконструкция алтаря с идолом Великой богини (орнаментированная
 молоточковидная булавка+ пластины с пуансонным орнаментом с 2-мя
 скрещенными неорнаментированными булавками)

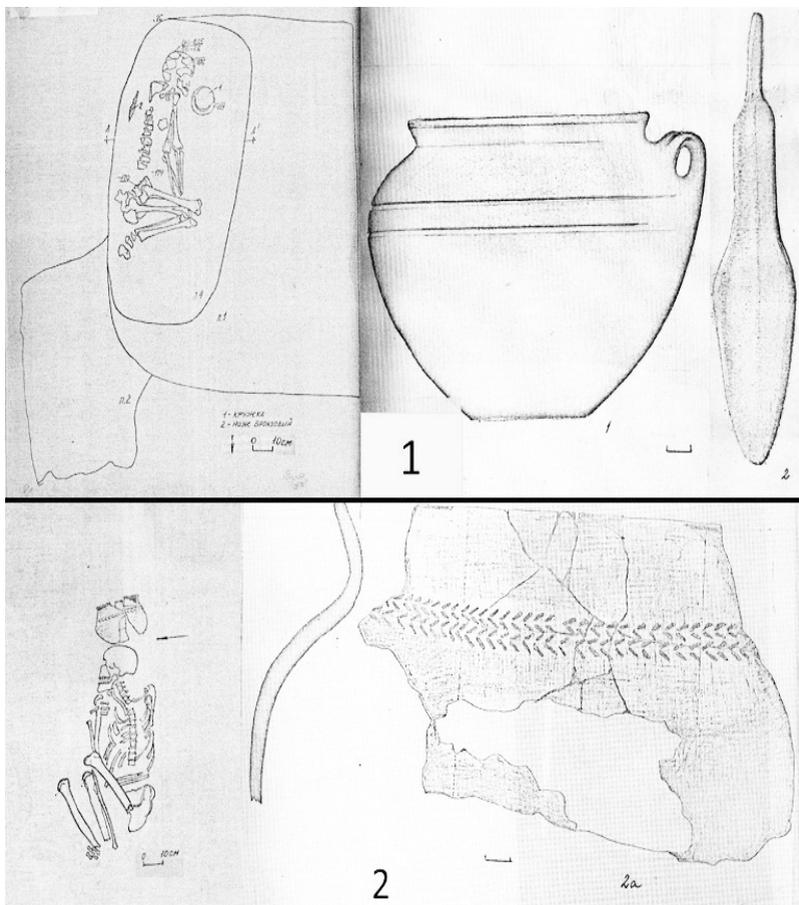

Рис. 4. Чограй 1986 VI группа
 1. — курган № 3 катакомба 4 (погребение,
 сосуд и бронзовый нож);
 2. — курган № 3 погребение № 5 (боковина сосуда)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**БЮЛЛЕТЕНЬ
КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН**

№ 4

Компьютерная верстка *Е. Г. Буратаев*

Подписано в печать 26.11.2019. Формат 60x84/16.

Усл. печ. л. 9,88. Тираж 300 экз. Заказ 21-19.

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Отпечатано в КалмНЦ РАН.

Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8